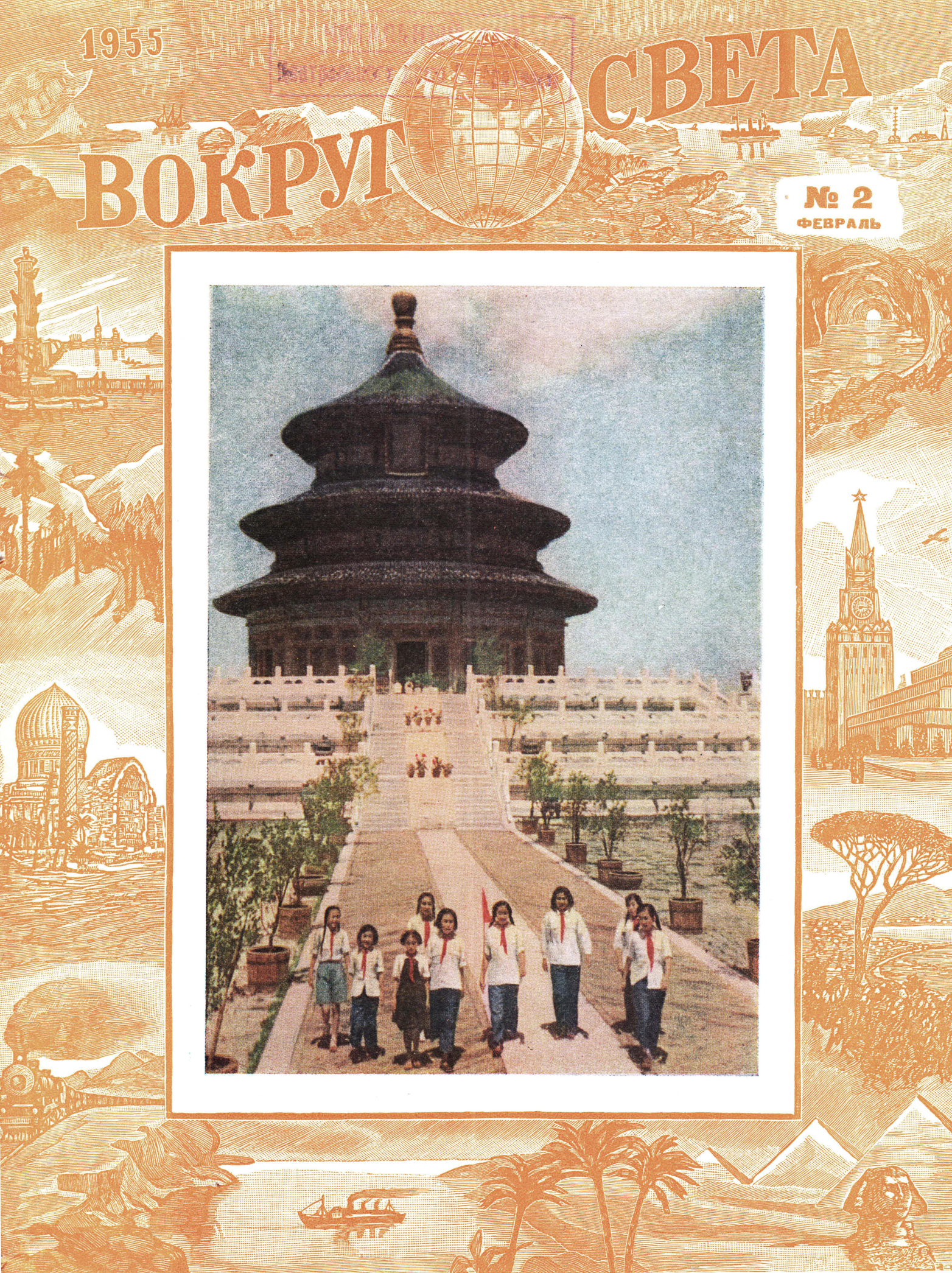

1955

ВОКРУГ СВЕТА

№ 2
ФЕВРАЛЬ

Лов рыбы на западном побережье Цейлона во время прилива (см. «Сингалы»).

1955

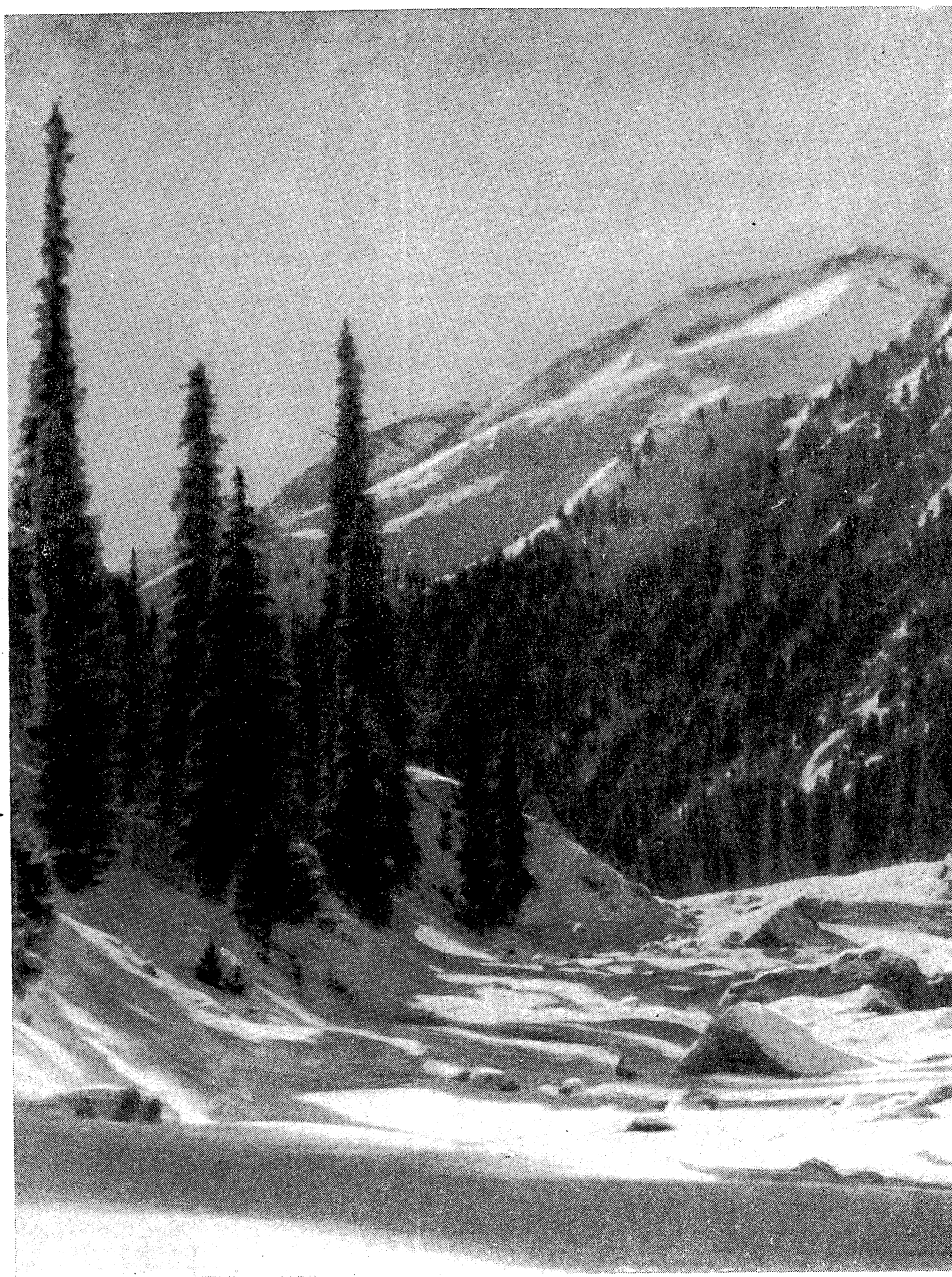
ВОКРУГ СВЕТА

№ 2
ФЕВРАЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Журнал основан в 1861 году

*Зима в Западном
Тянь-Шане. Долина
реки Чон-Кызыл-Су.
Фото Н. Немнонова.*

М О Р Е С Т Р О Е Н И Е

Красива, по-северному сурова свинцово-темная Нева. Но забудешь о ней, едва увидишь Волгу, русскую красавицу, величайшую реку Европы. Померкнет, однако, и красота Волги, когда за каменными высями Урала пройдут величавой чередой реки-гиганты Сибири. Вспоминаются слова Чехова: «...Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея». Неистовый богатырь Енисей не один в Сибири и на Дальнем Востоке, — есть Ангара, Обь, Лена, Иртыш, Амур, Колыма...

По советской земле течет приблизительно сто восемь тысяч рек и речек. Получится колоссальная голубая лента, которой можно пятьдесят раз опоясать Землю, если соединить все эти реки и речки. Общий запас водной — гидравлической — энергии в нашей стране исчисляется колоссальными цифрами: по новейшим данным, потенциальная мощность лишь 1 500 крупных рек СССР превышает 300 миллионов киловатт.

Е. РЯБЧИКОВ

Десятилетия назад великий русский ученый-почвовед В. В. Докучаев ввел важное понятие «водное хозяйство». Он подразумевал под таким хозяйством учет и использование всех водных ресурсов страны, регулирование стока ее рек и приведение их в пригодное для судоходства состояние. Ученый доказывал, что хорошо поставленное водное хозяйство поможет планомерно использовать речные потоки не только для судоходства, но и для выработки электрической энергии, орошения полей, снабжения водой городов и промышленных центров.

Правители старой России отвергли мудрый замысел Докучаева. Все было тогда против ученого — царское законодательство утверждало и жестоко отстаивало право помещиков и капиталистов на «незыблемую» власть над водой, так же как над землей и ее

недрами. А это означало, что владелец Жигулей граф Орлов-Давыдов мог запретить изучать «свою» Волгу. Когда на заседании Технического общества рассматривался проект инженера Г. М. Кржижановского о сооружении гидростанции в Жигулях, управляющий сиятельного графа заявил: пока граф жив и владеет Волгой, он не позволит строить на своих землях и водах никаких гидростанций.

В такой же категорической форме был объявлен запрет владельца Днепровских порогов изучать силу течения Днепра. «Сие дело бесовское, господу богу неугодное», — заявил он.

«Хозяева воды» есть за границей и сейчас. Они беззастенчиво эксплуатируют всех, кто нуждается в «их» воде. Английские колонизаторы забирают у населения Судана около половины урожая лишь за пользование водой, «принадлежащей» монополиям. Они захватили в Египте древние ирригационные системы и держат в постоянной зависимости от своей воли и своих капризов первобыт-

Широко разлились волжские воды перед Ивановской плотинной. Закат солнца над Московским морем — Волжским водохранилищем.

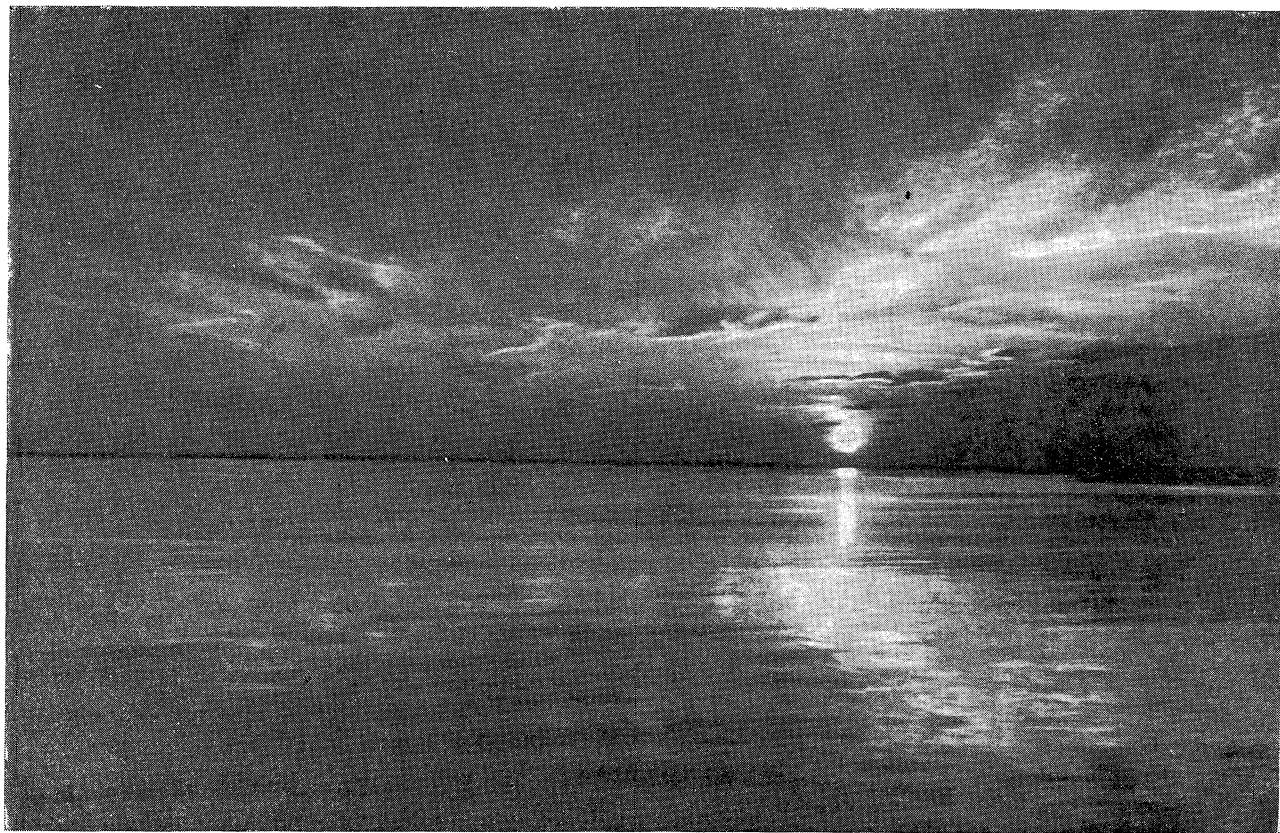

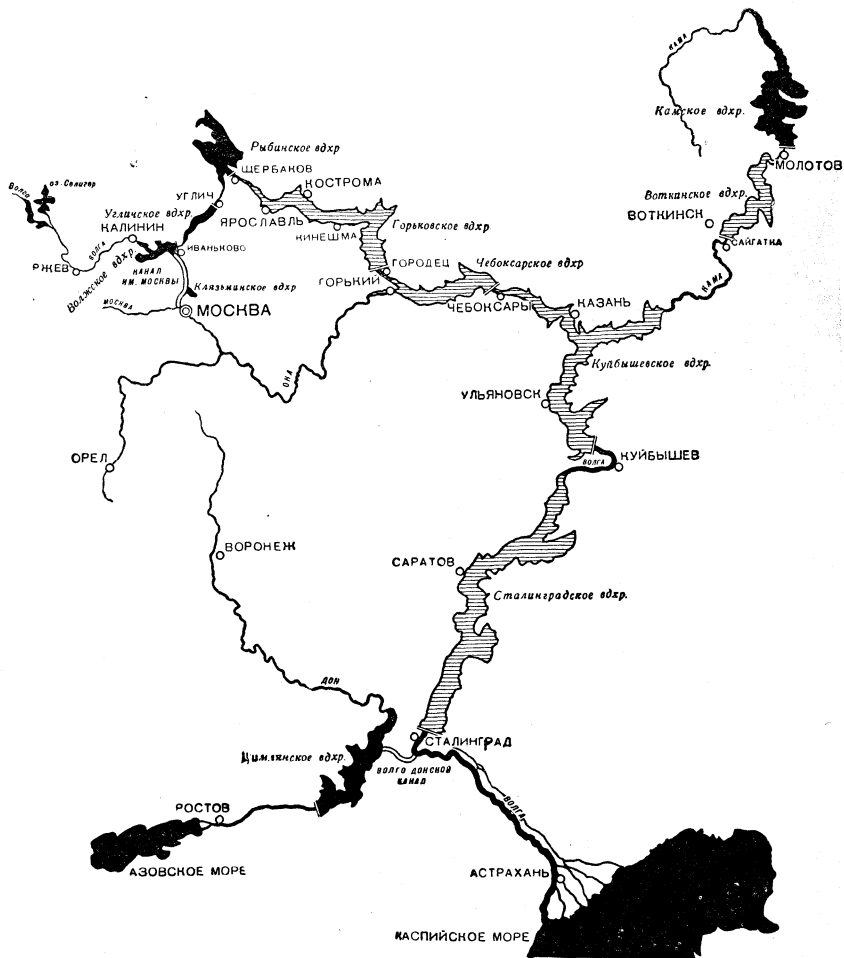
СХЕМА И ПРОФИЛЬ БОЛЬШОЙ ВОЛГИ

ное сельское хозяйство африканской страны. Современная техника позволяет «обуздать» многоводный Нил серией гидроузлов и равномерно снабжать водой поля и плантации, получая при этом еще огромное количество дешевой электрической энергии. Но возможное снижение цен на воду пугает колонизаторов, и они проводят строительство нильских гидротехнических узлов медленно, предпочитая сохранять убогие чигири, приводимые в движение мускульной силой буйволов или даже людей. Тот, кто видел документальный фильм «Африка», очевидно, обратил внимание на эти жалкие оросительные устройства.

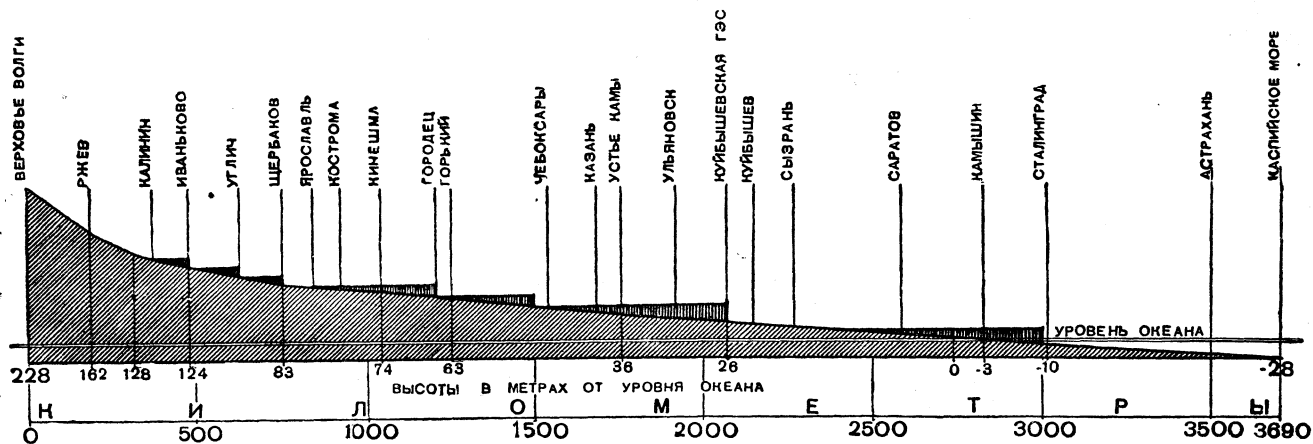
«РУКОДЕЛЬНЫЕ МОРЯ»

Волга бесцельно сбрасывала весной основные запасы воды, а летом так мелела, что на ее верхнем плесе совсем прекращалось судоходство. «Старый» Днепр бесновался на порогах, и через камни проходили с большим риском лишь немногие суда и плоты. Иные реки Средней Азии, бурно разливающиеся по весне, исчезают летом в песках. Многие годы пароходам нельзя было плавать по верхнему и среднему Дону, тратившему, как и Волга, свои водные богатства весной. Рассеченная надвое порогами, Ангара и сейчас не позволяет ходить пароходам от верховья до устья.

Советский человек, став хозяином земель, вод, недр, лесов, вмешивается в жизнь больших и малых рек, подчиняет их своей воле, своим планам. Вода — всенародное достояние. Это утверждено Конституцией и специальным водным законодательством. В СССР создано единое мощное водное хозяйство: на учет взяты все реки, ручьи, озера, пруды, и эти водные богатства серьезно изучаются. С 1931 года создавался водохозяйственный кадастр СССР — свод характеристик водных ресурсов и полных сведений об использовании вод. Этот, не имеющий себе

- существующие «моря».
- будущие «моря».

равных, монументальный труд увенчан изданием гидрологического атласа Советского Союза.

По плану, с полным знанием особенностей водных потоков сооружаются в СССР оросительные системы, подающие влагу на поля в засушливых районах, «руководельные реки» — судоходные каналы — и искусственные моря для работы электрических станций.

Зачем нужно искусственное море?

Если поперек реки поставить плотину — стену из бетона или земли, то вода, затопив берега, будет накапливаться перед плотиной, поднимется на ее высоту. Воды будет так много, что уровень только что построенного «моря» окажется много выше уровня части реки, лежащей ниже плотины. Достаточно пустить воду с плотины, как она обрушится кипящим потоком, способным двигать электрические машины.

Чем больше будет воды в «море» и чем выше будет его уровень, тем больше даст оно электрической энергии. Воды, накопленные в «море», создают также благоприятные условия для судоходства и лесосплава, обеспечивают орошение полей в засушливых районах, снабжение городов и заводов.

Теперь уже никому не кажутся странными и удивительными выражения: «море строят», «море наливают», «здесь будет море», — у нас бурно развивается новая область исполинской созидательной работы — морестроение. На карте страны появилось много синих и голубых точек и пятен, означающих водоемы на больших и малых реках. Одни из них кажутся совсем незначительными, другие же так велики, что могут соперничать с крупнейшими озерами, созданными самой природой.

Первое советское «руководельное море» разлилось перед плотиной Волховской гидроэлектрической станции имени В. И. Ленина. Зашумело оно среди северных лесов и обомшелых камней на пути из Ильмена в Ладогу, затопило низины и рощи. 19 декабря 1926 года воды его привели в действие турбины Волховской ГЭС. Водохранилище позволило наладить нормальное судоходство по всему Волхову.

Через год после пуска первой гидростанции была заложена на Днестре самая большая в Европе гидроэлектрическая станция имени В. И. Ленина. В 1932 году она была готова. Здесь раскинулось

море, поглотившее в своей пучине Днепровские пороги. Началось сквозное движение судов по Днестру от Смоленска до Херсона.

В нашей стране построено с тех пор много гидравлических электростанций. Они работают на Волге и Днестре, на Дону и Каме, на реках Севера и Кавказа, в Средней Азии, на Алтае. Некоторые гидроцентральи пришлось строить дважды — советские люди подняли из руин и, по существу, заново возвели Днепровскую гидроэлектростанцию, разрушенную гитлеровскими бандитами.

Сейчас в СССР возводятся и расширяются одновременно 711 электрических станций; многие из них будут работать на «белом угле». Только одна, далеко не самая крупная, Горьковская ГЭС на Волге даст электрической энергии больше, чем все электростанции России в 1913 году.

Чтобы обеспечить «водным топливом» величайшие в мире Куйбышевскую и Сталинградскую гидроцентральи, сооружаются огромные моря — Куйбышевское и Сталинградское. Строятся грандиозные водохранилища: Ангарское — на Ангаре, Большое Иртышское — на Иртыше, Новосибирское — на Оби. Недавно вступили в строй Камское, Мингечаурское и Малое Иртышское моря. Близок день, когда начнут заполняться Горьковское и Каховское водохранилища.

Социалистическое хозяйство требует разумного комплексного использования водохранилищ. А это дело непростое: приходится в столкновение противоречивые интересы потребителей воды. Энергетики, например, требуют, чтобы в летнюю пору вода (и лаводковая и дождевая в том числе) накапливалась в максимальном количестве для расходования ее зимой, когда гидростанции работают с особым напряжением. Речникам и оросителям, наоборот, необходим максимальный расход воды не зимой, а летом, когда начинается навигация, а поля требуют полива. И все эти требования приходится учитывать.

Примером мудрого многостороннего использования воды могут служить многие наши гидросооружения. Море, созданное на Дону, приводит в движение турбины Цимлянской ГЭС, носит на своих волнах корабли и орошает поля. Мощная плотина, остановившая бурную Куру, заставила ее разлиться морем и вращать электрические машины Мингечаурской ГЭС. В то же время она дает воду для орошения миллиона гектаров хлопковых плантаций в Мильской и Муганской степях.

Классическим примером реконструкции целой реки является Волга. Сооруженные в верхнем ее плесе три водохранилища — Волжское, Угличское и Рыбинское — совершенно преобразили верховья.

Волга в районе строительства Горьковского гидроузла: вверху — берег, где сооружается Горьковская ГЭС; внизу — г. Кинешма; здесь строятся земляные дамбы для защиты нижней части города от напора воды будущего водохранилища.

Клязьминское водохранилище — одно из многих малых «морей», окружающих столицу нашей Родины — Москву (вверху). Днепровская гидроэлектростанция имени В. И. Ленина. Шлюз гидроузла (внизу).

Исчезли мели, перекаты, и капитаны забыли о том времени, когда даже плоскодонки не могли плавать там, где идут теперь глубоко сидящие корабли. Вода Верхней Волги приводит в действие генераторы мощных гидроэлектростанций, например Щербаковской ГЭС, второй по величине в Европе.

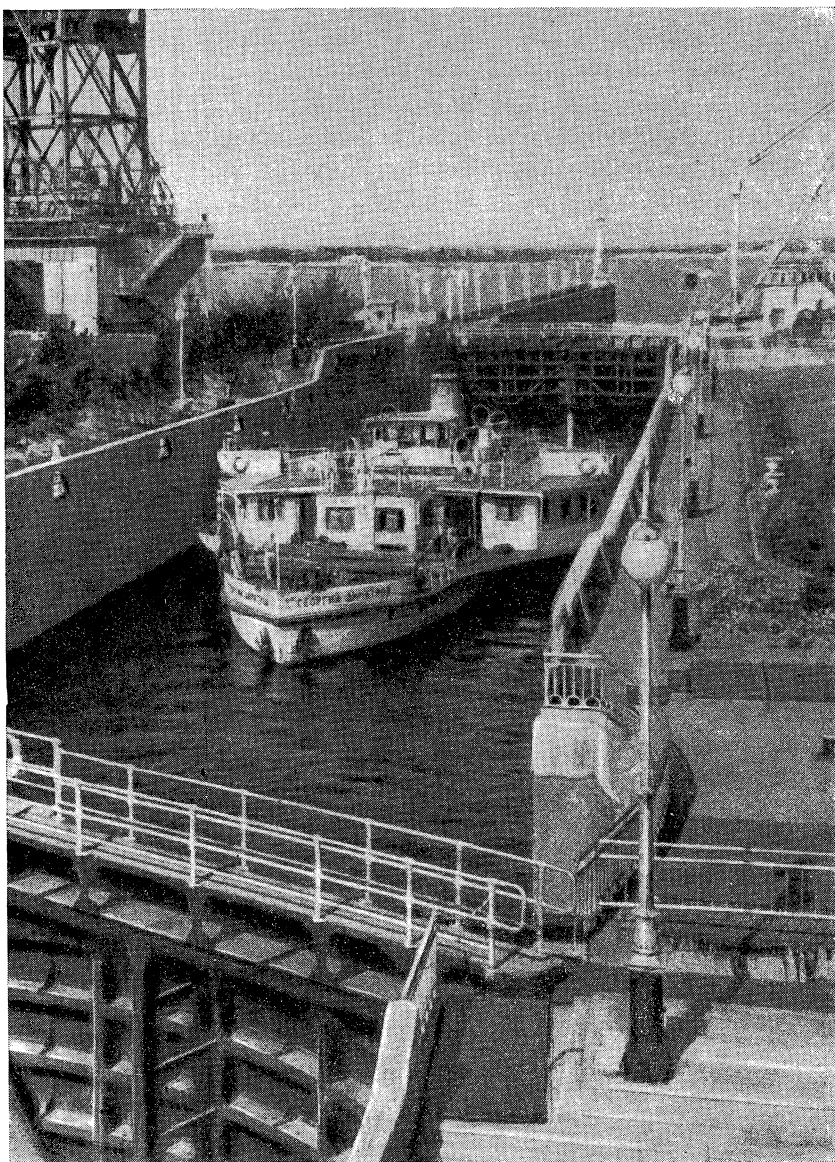
Летом 1955 года будет готова четвертая ступень волжского каскада — Горьковский гидроузел. Четвертое волжское море — Горьковское — подойдет к Щербаковской плотине и продолжит глубоководные корабельные трассы. Уже приступили к созданию пятого моря — Чебоксарского. Оно будет «подпирать» Горьковское море, а к Чебоксарскому, в свою очередь, подойдут воды величайшего Куйбышевского водохранилища. Еще ниже Жигулей строится Сталинградское водохранилище, такое же огромное, как Куйбышевское.

Подобная система гидроузлов с водохранилищами превратит всю Волгу в сплошь глубоководную «морскую» реку. Волга станет рекой электричества: она будет давать колоссальное количество энергии.

Но не всегда «морья» создаются главным образом для производства электрической энергии. Есть водохранилища, которые построены для снабжения водой промышленности. Таковы Шатское и Любовское, питающие водой предприятия Сталиногорска, Уральское — подающее воду на заводы Магнитогорска.

Тедженское море на Теджене обеспечивает водой ирригационные системы Туркменистана. А Истринское водохранилище на канале имени Москвы снабжает питьевой водой столицу.

«Рукодельные моря» не похожи одно на другое и внешне. Их форма, характер берегов тесно связаны с рельефом местности. Угличское водохранилище, например, длинное, с высокими берегами, глубокое, а соседнее Рыбинское широкое, привольно раскинувшееся на огромной площади, с низкими берегами. Узкой полосой протянулось в горах на Иртыше от Аблакетки до Бухтармы Малое Иртышское море: его сжимают скалы, эхо умножает гул корабельных машин. А Большое Иртышское, что раскинется от высокой бетонной плотины в бухтарминских скалах до озера Зайсан, ляжет в плоских песчаных берегах, и Зайсан впишется в гигантский водоем, станет его частью.

Так же будут отличаться друг от друга и водохранилища на Ангаре: Первое Ангарское море, образуемое Иркутской плотиной, сольется с Байкалом, поднимет его уровень, станет с ним единым водоемом, а другое море, на той же Ангаре, протянется узким языком в горах.

КАК СТРОИТСЯ МОРЕ?

Прежде всего тщательно изучается и сама река и территория, по которой несет она воды. Проектировщики моря должны знать скорость течения, водные запасы реки, время ледохода и паводков, геологическое строение русла. Они должны учитывать развитие экономики края, знать заранее, кто из потребителей будет особенно нуждаться в воде и электрической энергии, и решать: где, на каком плесе — в верховьях, в нижнем течении или в центральной части реки — нужно строить ГЭС и какой она должна быть мощности? Какие должны быть глубины для судоходства и запасы воды для снабжения городов, заводов и орошения полей? После решения этих общих, принципиальных вопросов начинается пора трудных поисков створа плотины — места, где нужно преградить реку.

Прежде всего нужно позаботиться, чтобы плотина гидроузла прочно стояла на надежном грунте, так, чтобы река не могла обойти возведенную плотину, или сбросить ее, или нырнуть по незаметным трещинам под бетонную громаду и проложить себе путь в глубинах.

Нужно учесть и многие другие важные обстоятельства. Нужно, например, чтобы долина реки в районе стройки не была чрезмерно широка и не требовалось бы в связи с этим особо сложной и длинной плотины. Необходимо также, чтобы новое море, разлившись перед стеной из бетона, затопило как можно меньше сел, колхозных селений, заводов, дорог, полей и лесов.

Выбор створа — ответственный момент во всей работе по созданию нового моря. Обычно целые годы уходят на предварительные изыскания. Наконец проектировщики предлагают на выбор несколько створов плотины. Например, на Иртыше для строительства Усть-Каменогорской ГЭС было разведано около тридцати створов, прежде чем был выбран один из них — под Аблакеткой.

Сейчас очертания Горьковского моря уже ясно обозначены на схемах и картах; известно, где и какие будут глубины и течения, как будут выглядеть берега. Но прежде чем появились карты будущего Горьковского моря, нужно было тщательно изучить реку и ее берега от плотины Щербаковской гидроцентрали до впадения Оки в Волгу у Горького. В результате многолетних изысканий появилось

тринадцать вариантов створов. Предстояло решить: какому из них отдать предпочтение?

Проектировщики знали: будущее море обязательно должно подойти к плотине Щербаковской ГЭС и сойтись с Рыбинским морем. Четвертое водохранилище нужно было сделать не только значительным по величине, чтобы оно «дотянулось» до Щербаковской ГЭС, но и создать в интересах судоходства глубины, гарантирующие плавание крупнотоннажных судов.

Было известно, что если строить плотину в очень широкой долине, то вода, разлившаяся по значительной территории, не обеспечит нужного «падения» для работы электрических машин. В то же время мелководье станет угрожать и судоходству и будет способствовать размножению малярийного комара. Нужно было искать место, где коренные берега не позволяли бы воде чрезмерно разливаться. Поэтому сразу было решено отказаться от «Горьковского створа»: низкие берега вблизи устья Оки требовали возведения чрезвычайно длинной плотины.

Отказались и от варианта, по которому плотину нужно было воздвигать непосредственно выше Горького: море затопило бы крупные промышленные центры Балахну, Правдинск, подтопило бы старейший русский завод «Сормово», торфяные разработки, железные дороги.

Постепенно, изучая все тринадцать предложенных створов, проектировщики отвергли их один за другим. Казался приемлемым створ около Пучежа, где правый коренной берег высок и удобен для сопряжения с плотиной, однако дополнительные исследования выяснили, что там весьма коварны геологические условия. Этого было достаточно, чтобы отказаться от «Пучежского створа». В конце концов проектировщики остановились на Городецком.

Чем прельстил гидротехников Городецкий створ? Левый, крутой берег Волги около древнего Городца служит хорошей опорой для плотины; близость Балахнинской электрической станции, железнодорожных путей и промышленных центров облегчают снабжение стройки; плюс к этому — здесь неизмеримо более выгодные геологические условия.

МЫ ВИДИМ БУДУЩЕЕ

На стройках гидроцентральной создают специальные отделы морестроения. Носят они замысловатое название — ОППЗ; в переводе — отдел переселения и подготовки зон затопления. Чем занят такой ОППЗ и как строят море, можно увидеть под стенами древнего Городца на Волге, на месте будущего Горьковского гидроузла и Горьковского моря.

Остаются считанные месяцы до

рождения этого моря. Поднялась уже серозеленая бетонная громада водосливной плотины, выросло массивное здание ГЭС, высыпая у левого берега огромные шлюзы. Волга будет остановлена стеной из бетона и песка, выйдет из берегов и, затопив поймы, на сотни километров в длину раскинется голубой равниной моря.

На окраине нового городка энергетиков в небольшом доме разместились морестроители. Большие и малые карты, развешанные на стенах и лежащие в папках, открывают будущее: мы видим море, каким оно предстанет в ближайшее время. Карты испещрены красными и синими квадратами, треугольниками, кружками; прерывистая пунктирная линия пересекает голубое пространство водоема — это судовой ход, по нему пойдут корабли скорой линии Москва — Ростов-на-Дону и суда пяти морей. Геометрические многоцветные знаки — условные обозначения заводов, МТС, совхозов, целых городов, которым надлежит занять места на будущих берегах будущего моря. Штрихами отмечены места, где вырублены леса и выкорчеваны пни: дно, можно сказать, убрано «под метелку» — отлично подготовлено для рыбных угодий.

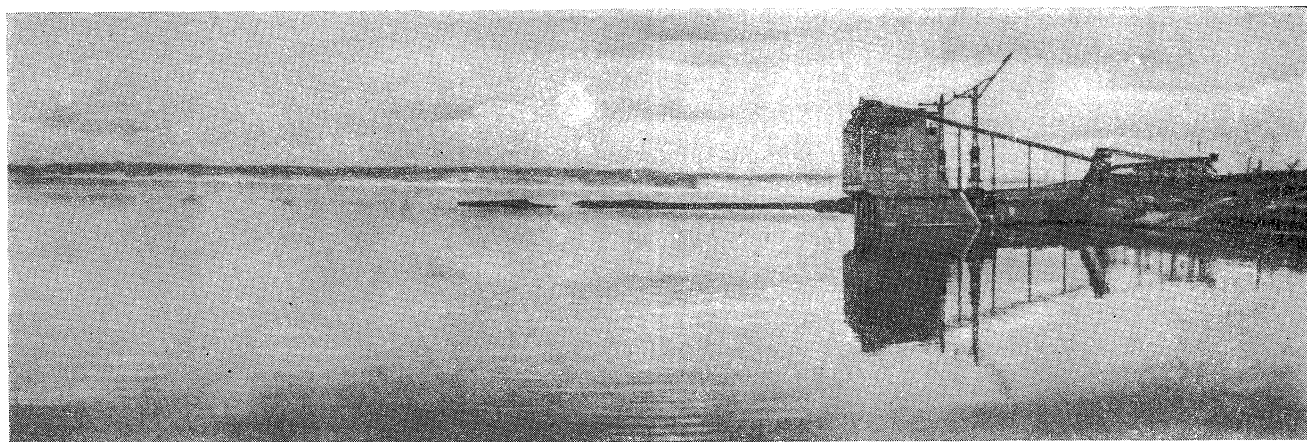
Все пометки, сделанные на картах, «перенесены на местность» — воплощены в новые селения, маяки, порты, дамбы, новые города. Вот в стороне от Волги, пока еще на сухом месте, вырос судоремонтный завод. Небольшие городки и поселки — Чкаловск, Катунки, Сокольское, Пучеж — как бы сдвигаются, частично или полностью переходят на новые места. Старинный Юрьево, расположенный на правом высоком берегу, напротив устья Унжи, отгораживается от будущего моря системой земляных дамб. Дамбы покрывают гравием, опоясывают цементными опорными поясами и облицовывают железобетонными плитами — в таком виде они сумеют противостоять самым крутым волнам.

Под защиту своих дамб Юрьево уже принял крупный лесобатывающий завод «Красный Профинтерн» и его поселки. Город протянулся теперь вдоль реки на четырнадцать километров и стал не только крупным промышленным центром, но и портом пяти морей.

Миллионы кубометров земли укладываются в Приволжскую, Идоломскую и Северную дамбы, которыми ограждается областной город Кострома; на реках Костромке, Узаксе, Рыбинке и Келнах возводятся плотины, насосные станции; прокладываются Нагорный и Руслоотводный каналы.

Дамбами «окольцовывается» не только Кострома, но и Луга знаменитого животноводческого совхоза «Караваяево».

На пути от Городца до Щербакова — на дне моря — кипит ра-

Воды Куры образовали глубокое Мингечаурское море (Азербайджанская ССР).

бота: прокладывают фарватер — корабельную трассу, ставят маяки и створные знаки, заканчивают переселение последних колхозных дворов и хозяйственных построек. Здесь видишь множество машин — земснаряды и экскаваторы углубляют дно, кулачковые катки укатывают, прессуют землю, самосвалы перевозят бетон и песок, бульдозеры срезают кустарники.

Морестроители заранее строят порты и даже приморские города, готовят тоневые участки для разведения рыб, делают все, чтобы вода была чистой, прозрачной и вкусной.

Создавая моря, советский человек преобразует флору и фауну на огромной территории. В полупустынных и засушливых степях, на берегах новых морей расцветают сады, вырастают неведомые прежде субтропические культуры и хлопок, в знойном небе, не знавшем даже легких облаков, скапливаются дождевые тучи. В северных районах моря помогают осушать заболоченные леса, уничтожать малярию, разводить новые породы рыб и животных. Например, на Свирских и Волховском водохранилищах впервые развели ондатру,

и зверек с красивым мехом отлично прижился на новом месте.

Часть Волги от Жигулей до Чебоксар раньше не принималась в расчет как серьезный рыбопромысловый бассейн. Добыча рыбы на этом плесе не давала и четырех процентов к общей цифре добычи в Российской Федерации. В сети попадалась плотва, густера, белоглазка — мелкая малоценная рыба. Но в ближайшие годы Куйбышевское море займет одно из первых мест в РСФСР по добыче рыбы, причем она будет отличная, лучшая по качеству.

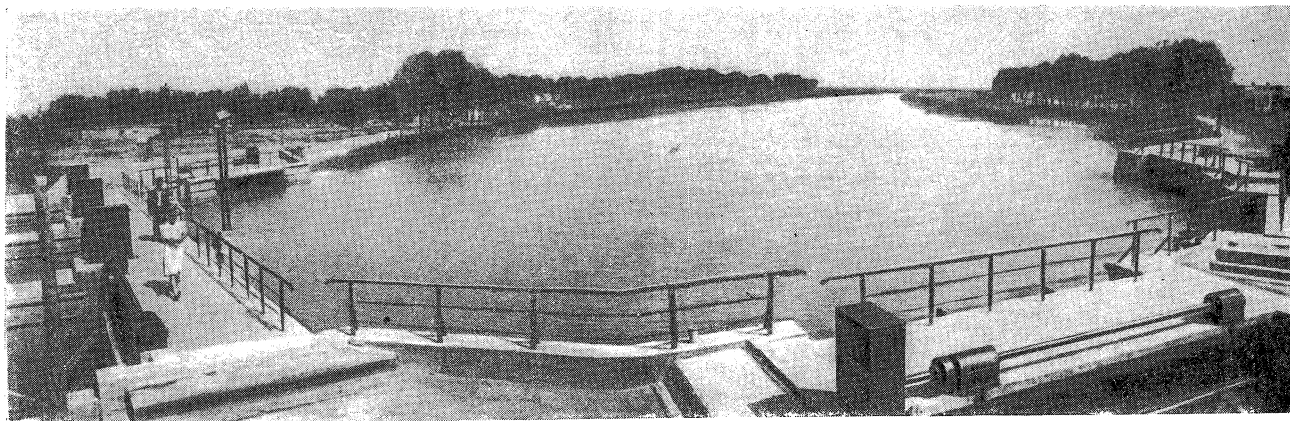
Чтобы произошли столь разительные перемены, на дне моря, на огромной территории около двухсот тысяч гектаров, проведена специальная рыбопромысловая мелиорация: ложе водохранилища очищено от лесов и пней, от коряг и валунов, нечистот; на облагоустроенной, чистой поверхности высажены особые сорта трав, любимые рыбами, приготовлен для них даже золотистый песок. Такие особо очищенные места на дне моря называются тоневыми участками. Их будет очень много — в пять раз больше, чем на Рыбинском море. Кроме тоневых участ-

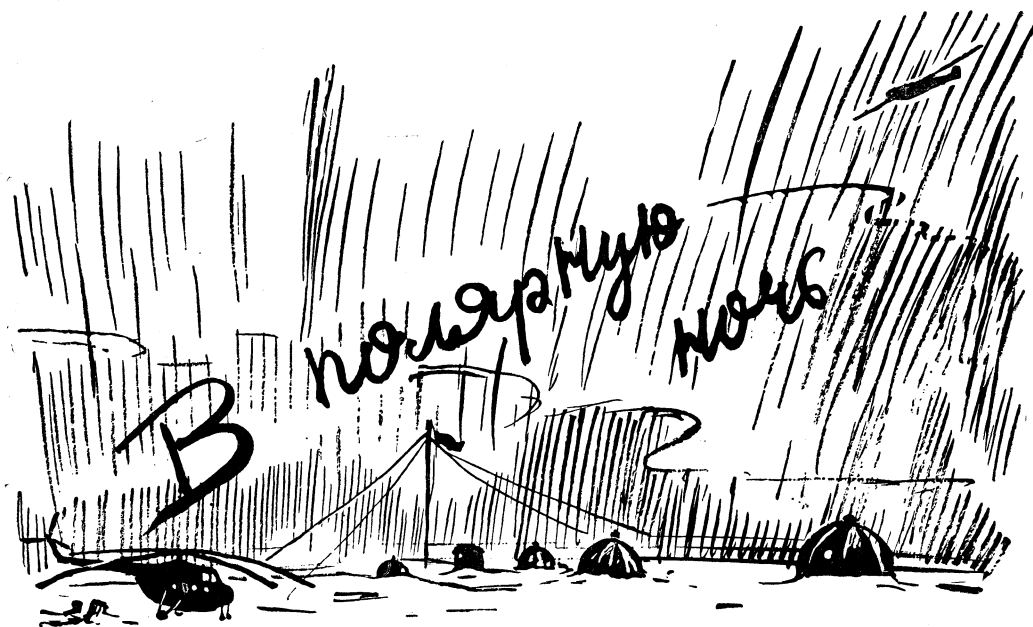
ков, создаются стерляжье-рипусовые и нельмовые хозяйства, нерестово-выростные пучоты и базы. Они подготовлены для разведения особо ценных пород рыб. Как только плотина в Жигулях остановит Волгу и она раскинется по лугам и долинам синим морем, с Нижней Волги, с Дона, с Кубани полетят сюда самолеты, пойдут пароходы с баржами, и все они привезут в новое море огромное количество мальков. Куйбышевское море будет ежегодно давать 180 тысяч центнеров великолепных суданов, сазанов, нельм и опередит всех «соперников» по качеству добываемой рыбы.

* * *

Советские морестроители накопили бесценный опыт создания больших и малых водохранилищ. В наши дни мастера-морестроители трудятся на Волге и Днепре, на Иртыше и Каме, на Оби и Ангаре, на многих других реках нашей страны. Свой опыт и большие знания они передают дружественному Китаю, странам народной демократии, где из года в год, по примеру Советского Союза, расширяется гидротехническое строительство.

Десятки тысяч колхозных водоемов сооружено в нашей стране. Каушут-Бентское водохранилище в Туркменской ССР.

В. АККУРАТОВ

Рисунки И. Рубана

25 сентября на Северном полюсе солнце зашло за горизонт на 176 суток. Почти полгода все живое, находящееся в районе полюса, не увидит солнца. Наступила долгая полярная ночь. Только изредка, когда разрываются мрачные, тяжелые облака, на черном бархате неба видны мерцающие звезды. Или наступят «лунные дни», и луна ровно четырнадцать суток озаряет холодные льды океана. Или где-то в бесконечной высоте, затеяя блеск крупных звезд, вспыхнет северное сияние...

Иногда сияние напоминает дуги, протянувшиеся с востока на запад и то растягивающиеся, то сжимающиеся. Время от времени по ним пробегают волны света. Начинаясь на юге или на севере, они поднимаются все выше, проходят через зенит, отделяя от себя новые дуги, и постепенно исчезают, как бы растворяясь у горизонта.

Вот еле уловимая зеленовато-оранжевая полоса, слегка колыхаясь, струится по небу и вдруг рассыпается на ленты и клубки. Ленты дают начало другим лен-

там, их окраска меняется: появляется то зеленая кайма на одном краю, то красная на другом.

То по всему небу растянется громадный прозрачный серебристый занавес. Начало его около зенита, бахрома — где-то у горизонта. Кажется, как будто кто-то непрерывно колыхнет этот занавес, сминает его в складки.

Но недолго длится волшебное зрелище, и скоро опять все затягивается непроницаемой свинцовой пеленой. Колочим потоком несутся по льдам снега. Они заметают палатки, плачут и стелают в высоких антеннах, словно от бессилия победить это упрямое существо — человека, прочно и по-хозяйски раскинувшего лагерь в центре арктического бассейна наперекор злым стихиям.

«Страна льда и ночи. Страна ужаса и смерти, — так называл Арктику крупнейший полярный исследователь Фритьоф Нансен, отдавший изучению этой страны всю жизнь. — Горе смельчаку, если на дрейфующих льдах его захватит полярная ночь. Мрак и холод вна-

чале доведут его до сумасшествия, а потом безжалостно превратят в ничто!»

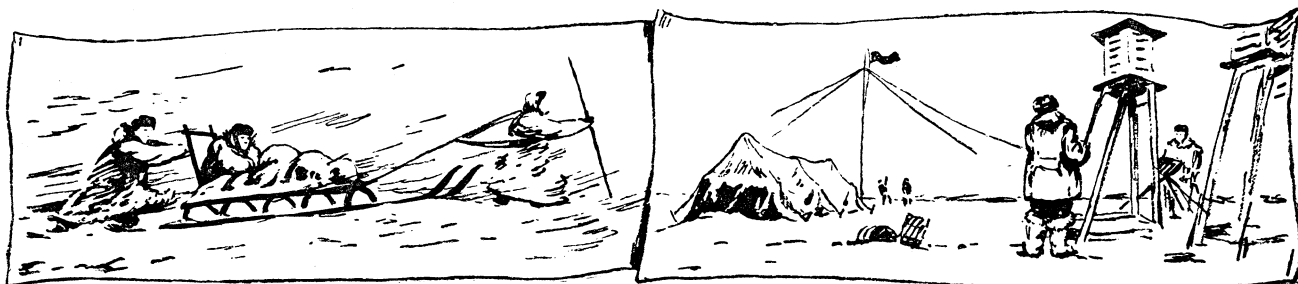
Ни мрак полярной ночи, ни пурга, ни морозы не могли сломить волю советских людей.

Шаг за шагом проникали советские исследователи в высокие широты. На побережье и островах создавались научно-исследовательские станции и обсерватории. В 1936 году состоялся первый высокоширотный полет советских самолетов, а в 1937 году армада мощных машин уже высадила на полюсе сотрудников дрейфующей станции «Северный полюс-1».

В наши дни по бескрайним арктическим морям дрейфуют станции «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4».

Еще совсем недавно полеты во время полярной ночи считались невыполнимыми, даже на станцию «Северный полюс-1» еще не было регулярных рейсов.

В настоящее время и с наступлением полярной ночи полеты на станции «Северный полюс-3» и

«Северный полюс-4» проводятся точно по расписанию.

25 сентября солнце перестает показываться над полюсом. Однако до 13 октября оно опускается ниже горизонта всего на 7° . Этот период носит название гражданских сумерек. Еще можно читать без искусственного освещения. Несколько длиннее астрономические сумерки, до 12 ноября. Они считаются от захода солнца до момента, когда светило спустится за горизонтом на 17° и станет возможным различать невооруженным глазом звезды шестой величины.

Полеты в сумерках трудны тем, что звезды, необходимые для астрономических расчетов штурмана, невидимы из-за рассеянного сумеречного света. Поэтому для таких полетов необходимы исключительно высокое мастерство летного состава и совершенная техника приборов.

Огромный опыт советских полярных навигаторов и конструкторов дал возможность создать такие приборы, которые позволяют точно и уверенно водить самолеты даже в сумерках.

Не менее сложны полеты полярной ночью. Чтобы привести самолет к цели, штурман должен видеть звезды и планеты, а для этого необходимо «пробить» облачность и итти над ее верхней границей, то есть пройти зону обледенения. Таким образом, от взлета и до посадки работа экипажа проходит в напряженной борьбе с грозными силами природы, которые не прощают малейшей ошибки или трясоты.

...В звездный, ясный полдень самолет, несмотря на большую загрузку, легко оторвался от крепко подмороженной взлетной площадки и, сделав традиционный круг над огнями зимовки, взял курс на север, на станцию «Северный полюс-3».

Стояла удивительная для этого времени года штилевая погода. В тяжелой черной воде не замерзшего еще моря, чуть дрожа, отражались крупные звезды, а над головой была опрокинута такая же темень с теми же дрожащими звездами, и трудно было понять, где начиналось небо и где кончалось море. Самолет словно летел в звездном пространстве, как межпланетный корабль недалекого будущего. Только на юге узкая оранжевая полоска скрывшегося за горизонт солнца резко отделяла океан от неба.

Тишину прервал штурман, все время напряженно смотревший вниз:

— Появилась южная кромка льда: надо набирать высоту, скоро встретим облачность!

Склонившись над столом, он нанес на карту границу льда, а затем, выключив освещение, которое мешало наблюдению за льдом, прильнул к холодному стеклу иллюминатора. Далеко внизу по чер-

ному фону еле уловимо ползли расплывчатые серые пятна, которые все больше и больше закрывали море. Это и был лед.

Оторвавшись от иллюминатора, штурман отметил в бортижурнале: «Молодой, семибалльный лед встречен по курсу на широте $80^\circ 55'$ », — и поглядел на доску приборов. Десятки стрелок, фосфоресцирующих зеленым светом, стояли строго на заданных величинах, и только стрелки высотомеров медленно, но неуклонно ползли вверх. В cabinaх штурмана и пилотов было темно.

Но приборы, облучаемые ультрафиолетовыми лучами, отчетливо выделялись во мраке, успокаивающе мерцая своими циферблатами и не мешая наблюдению за горизонтом и морем. Узкая, приглушенная полоска света падала только из рубки радиста да изредка вспыхивала над столом штурмана, когда приходилось делать записи.

На заданной высоте высокое гудение моторов перешло на более низкие и мягкие тона, стрелки высотомеров остановились.

Внизу, вместо черной бездны моря, расстилалась серая всхолмленная пелена сплошной облачности. Она резко, от края до края, выделялась на черном поле усеянного звездами неба.

Бортовой радист Герман Михайлович Патарушин, настроив аппаратуру, долго, как зачарованный, всматривался в небо и, войдя в рубку штурмана, восторженно проговорил:

— Смотри, твоя красавица Арктика сегодня в вечернем платье, как примадонна!

— Вот я смотрю и думаю: какой-то концерт она нам устроит? Не нравится мне ее сегодняшний блестящий наряд. В такую погоду так и жди обледенения.

— Погода в пункте назначения отличная! Высота двести, видимость четыре.

— А как проходимость радиоволн?

— В эфире какой-то треск, и меня еле слышат!

— Значит, впереди опять интен-

сивное северное сияние. Не теряй связи, она будет еще хуже...

Оставив пилотскую, в штурманскую рубку вошел Иван Иванович Черевичный:

— Разрешите зажечь свет. О чем это вы в темноте дебатируете?

Яркий свет залил белую кабину штурмана, обитую изолирующим от шума материалом. Усевшись в мягкое, глубокое кресло, Иван Иванович закурил, с удовольствием затягиваясь душистым дымом.

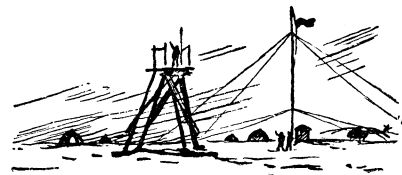
— Да вот штурману не нравится сегодняшний звездный наряд, — ответил радист.

Иван Иванович, внимательно посмотрев на штурмана, тихо произнес:

— Да... Прогноз не из блестящих. — И громко добавил: — В этой тишине много коварства. Будем внимательными. Погоду брать ежечасно как на точке, так и на берегу. Анализируйте ход давления и все время следите за облаками.

Несмотря на то, что наружный термометр показывал минус 38° , в самолете было тепло, и не верилось, что далеко внизу, за облаками, раскинулись просторы сурового Ледовитого океана.

Подчиняясь четкой и слаженной работе экипажа, высоко в черном

небе по звездной дороге мчался к полюсу самолет, горя созвездием ходовых огней: красного, зеленого и белого.

Сидевший за штурвалом командир отряда Герой Советского Союза И. С. Котов следил за показаниями приборов и изредка вводил поправки в автопилот по указанию штурмана, который среди бесчисленных звезд выбирал те, которые были наиболее удобны для прокладки пути в данный момент. Наблюдению предшествовали математические вычисления за штурманским столом. Получив необходимые данные, штурман поднимался в астрономический купол — маленькую обсерваторию, где при помо-

Перед каждым вылетом в далекий рейс, тем более в Арктику, где полет проходит в тяжелых метеорологических условиях, экипаж самолета детально изучает обстановку в районе полета и особенно в пункте посадки по синоптической карте.

Ежедневно на географическую карту условными знаками наносятся: температура, давление, видимость, осадки, скорость и направление ветра и другие элементы погоды, анализ которых позволяет определить границы теплового и холодного фронтов, место их соединения, так называемый фронт окклюзии, циклоны и антициклоны.

В дополнение к карте дается соответствующий вертикальный разрез профиля атмосферных фронтов, на котором показаны районы обледенения, зоны снегопада, метели и туманы.

Пользуясь такой картой и разрезом, экипаж заранее выбирает маршрут как по времени, так и по высоте полета.

На странице 10: синоптическая карта и вертикальный разрез к ней, составленные на 25 октября 1954 года.

щи сложных приборов «ловил» звезды, спускался к себе в кабину, вновь производил расчеты, а потом уже шел в пилотскую рубку и вносил поправку в курс, отмечая в бортовом журнале полученные данные.

Ориентироваться при полете полярной ночью очень нелегко. Интенсивное северное сияние не только «гасит» звезды, но и искажает общий вид звездного поля. Атмосферное электричество вносит большое искажение в средства радионавигации. Следует учесть сложность навигационных расчетов в районе полюса, где, куда бы вы ни летели, у вас всегда одно направление — юг. Таким образом, для определения истинного курса

и места самолета штурману все время приходится решать уравнения со многими неизвестными. Правильность же решения подтверждается только в конце полета, когда самолет точно выходит к единственному ориентиру: пункту назначения.

К тому же в пути подстерегает опасность обледенения. Самолет охватывает страшный ледяной панцирь, и работающие на полной мощности моторы еле удерживают отяжелевший воздушный корабль.

Для нашего полета до широты 86° предсказывалась хорошая погода и сплошная десятибалльная облачность с верхней границей до 3 500 — 4 000 метров.

В районе лагеря «Северный полюс-3», в тыловой части циклона, погода ожидалась лучше, но на синоптической карте уже намечались затеки теплового тихоокеанского воздуха, который нес туманы и грозил неизбежным обледенением в облаках. Поэтому мы стремились прибыть в лагерь до возможного ухудшения погоды в районе полюса, сдать грузы и успеть вернуться на одну из островных баз.

Пока все шло так, как было указано в прогнозе. На широте 86° появилась высокая перисто-слоистая облачность, сквозь которую уже с трудом просвечивали звезды первой величины. Только Юпитер в созвездии Близнецов еще легко пеленговался при помощи астрономического компаса. Но вскоре и Юпитер исчез за плотной завесой, стрелка астрокомпаса, указывающая курс «север», безжизненно поползла по циферблату румбов.

— Держать курс «север» по giroкомпасам!

— Есть держать курс «север» по giroкомпасам! — отвечает пилот, глядя в приборы, показывающие направление полета.

— Дальше без звезд? — спрашивает бортмеханик Диомид Павлович Шекуров и усиленно скоблит стекло пилотской кабины, пытаясь разглядеть что-нибудь во мраке.

— Юпитер подвел! Теперь жди обледенения, — продолжает он и тонким лучом ручного электрофонаря шарит по стеклам кабины, с наружной стороны которой стремительными лучами расходятся матовые полосы — первые признаки начинающегося обледенения.

Пилот и штурман молча переглядываются и утвердительно кивают друг другу.

Самолет начинает медленно набирать высоту. Надрывно гудят моторы. Все больше белеют стекла кабин. Острый запах спирта щекочет обоняние: антиобледенительные устройства смывают с пропеллеров твердый, как металл, лед, который цепко осаждается на ребрах лопастей, бешено молотящих плотную облачность — скорее вы-

рваться из этой серой промозглой мглы наверх, к звездам! Вскоре раздался резкий громкий удар — кусочки смываемого спиртом льда барабанили по самолету. Их шум привлек внимание Черевичного. Усевшись в левом кресле пилотской кабины, он спокойно осмотрел приборы и, остановившись взглядом на термометре наружного воздуха, неодобрительно покачал головой:

— Минус восемнадцать! А на высоте четырех тысяч метров было тридцать шесть. Идем в слой инверсии; если не вырвемся к звездам через две-три минуты, надо немедленно уходить вниз! Включайте термические антиобледенители на крылья и стабилизатор!

Горячий поток отработанных газов хлынул по трубам в лобовые части крыльев и хвоста. В свете прожекторов было видно, как матовые куски льда поползли по кромке крыла и, сдуваемые встречным потоком воздуха, срывались в бездну, а вскоре над головой ярко вспыхнули звезды. Мягко заработали моторы со сбавленными оборотами, но самолет, все еще облепленный неровными кусками льда, порой вздрагивал.

— Пять градусов влево! — сообщает поправку штурман, и самолет послушно ложится на новый курс. Бортрадист Патарушин, поднявшись в астрокупол, долго смотрит назад и, спрыгнув с сиденья, удовлетворенно говорит:

— Антенны целы, а я уж думал: оборвутся от обледенения!

Стрелки высотомеров замерли на новой высоте. Дышится несколько труднее, каждое резкое движение вызывает одышку, но все же это гораздо лучше, чем обледенение. Получив последнюю радиограмму с научной станции, радист передает ее командиру.

— Погода у Трешникова отличная! — говорит Патарушин. — А потому невредно было бы выпить кофейку, да покрепче!

Вскоре по кабинам разносится дразнящий аромат черного кофе. За электроплитой у объемистого кофейника священнодействуют Мохов и Патарушин. На запах кофе обычно без всякого зова собирались в обширной кабине штурмана. Включался свет, и гости, расевшись в глубоких мягких креслах, жадно глотали обжигающий напиток. Только дежурному пилоту кофе подавался в большой кружке на рабочее место, где он его и выпивал в темноте, как говорилось у нас, «в компании с товарищем Юпитером».

Здесь же у штурмана, в этом своеобразном воздушном клубе, обсуждались события полета.

Конечно, для обсуждения всех возникавших вопросов не хватало времени, да и обстановка не всегда это позволяла; споры обычно

заканчивались уже в уюте наземных станций, но начинались они всегда в воздухе.

Вот и сейчас радист, хитро скосив глаза в кружку с кофе, обращаясь к бортмеханику, говорит:

— Саша, ты знаешь, я решил свои часы больше не заводить, так как на полюсе они все равно показывают точное время!

Мохов, вскинув удивленный взгляд на радиста и решив, что его разыгрывают, мягко хлопает того по плечу.

— Ты не думай, что Герман Михайлович шутит, его остановившиеся часы действительно показывают на полюсе точное время, — спокойно подтверждает Черевичный.

Механик теряется и переводит взгляд на штурмана.

— Саша, — разряжает глот атмосферу, — полюс — математическая точка, которая не имеет длины, а раз так, то даже сломанные часы на полюсе показывают абсолютно точное время!

Все смеются.

— Кстати, о полюсе. Через тридцать пять минут мы будем над ним!

— Ну и что же, ведь за восемь суток это будет уже четырнадцатый раз! — отвечает радист, словно речь идет о перелете в Адлер через Харьков.

— После перелета точки полюса мы меняем курс на 180°, для того чтобы попасть на «Северный полюс-3». Это по точным расчетам, это математика, но в действительности мы ни вправо, ни влево не повернем ни на один градус и будем продолжать полет по прямой до самого лагеря!

— Это, товарищ штурман, уже не математика, а метафизика! Как это так, меняю курс на 180°, а самолет будет продолжать путь по той же прямой?

— Все это происходит благодаря тому, что на всех арктических картах центральных проекций меридианы сосредоточены в точке полюса, где нет ни севера, ни запада, ни востока. Мы идем сейчас курсом 360°, то есть на север; от полюса, не меняя курса, мы полетим на юг, следовательно, уже курсом 180°!

— Сложная система! А нельзя ли что-нибудь придумать попроще, чтобы избежать сосредоточения меридианов в точке полюса?

— Уже придумали. Полюс мы мысленно переносим в бесконечность. По закону математики все линии, идущие в бесконечность, параллельны между собой. Поэтому, пользуясь такой картой, штурман самолета, идущего по прямой, курса уже не пересчитывает, независимо от того, куда он летит. Этот метод был впервые применен в авиации советскими навигаторами еще в 1937 году! — закончил штурман.

Посмотрев на часы, он вышел в пилотскую рубку. Разошлись по своим рабочим местам и остальные. Через несколько минут, проверив расчеты, штурман подошел к Черевичному и громко сказал:

— Поздравляю, под нами полюс. Можно снижаться, до лагеря осталось 165 километров, через 28 минут прибываем, погода в точке хорошая.

Полюс! Давно ли это слово было символом недостижимости? С большими трудностями и ценой невероятных усилий добирались отдельные смельчаки до этой точки, на протяжении многих веков манившей человека! А сейчас советские люди спокойно и в который раз перелетают через Северный полюс, и это стало доступным, обычным только в наше советское время, только благодаря первоклассной советской технике!

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» — вспоминаются слова авиационного марша.

Самолет идет под звездами. Ярко, как огонь далекого светофора, горит Юпитер. Впереди, несколько правее курса, вспыхивает зеленоватым пламенем огромная завеса, покачиваясь, тихо плывет к зениту и вдруг разрывается на множество цветных лент, рассыпающихся по всему небу.

— Началось! — восхищенно кричит радист, любуясь огненной игрой.

— Что началось? Тебе же хуже. Помешает связи.

— Лагерь близко. Я уже перешел на микрофонную связь. Теперь не страшно!

В этот момент самолет, снижаясь, ныряет в густые облака, и все — северное сияние, звезды — исчезает. В ушах слегка покалывает от резкого падения высоты. Стекла кабин затянуты толстым слоем льда. Опять запахло спиртом, и на высоте 200 метров под самолетом на сером фоне вдруг замелькали какие-то черные штрихи, стремительно убегающие назад.

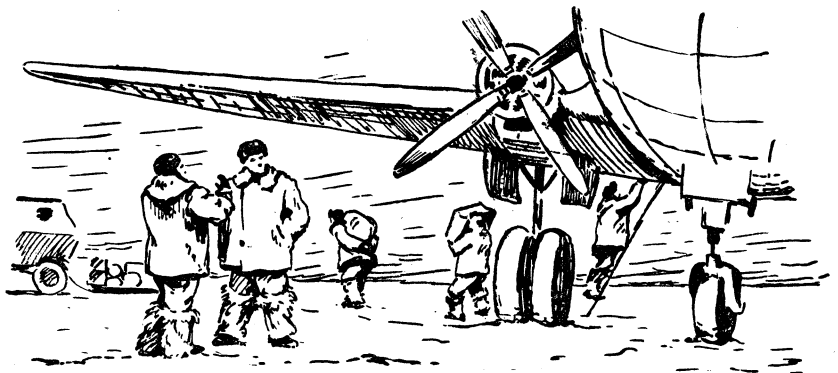
— Вижу лед! — показывая вниз, крикнул штурман.

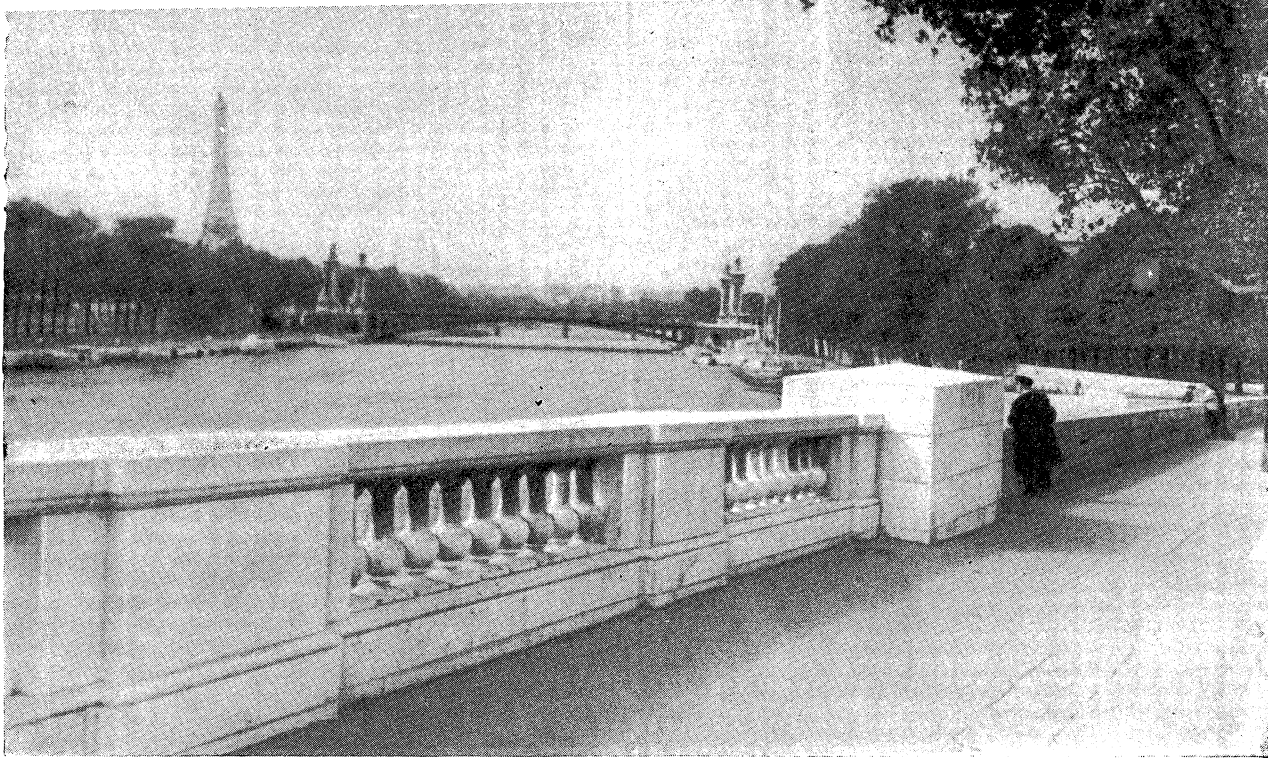
Командир кивнул головой, и вдруг, сквозь мокрые от спирта стекла пилотской кабины, впереди ярко вспыхнули зеленые, красные и белые огни, вытянутые в прямые линии.

Лагерь!

Через пять минут колеса мягко коснулись заснеженной поверхности льдины, и вскоре в кабину один за другим вбежали зимовщики научной дрейфующей станции «Северный полюс-3». Одетые в оленьи малицы, разгоряченные и возбужденные, они радостно пожали нам руки, приветствуя и благодаря за доставленные грузы.

Через сорок минут облегченный от тяжелого груза самолет уже стремительно мчался по звездной дорожке туда, где еле уловимо темное небо переходило в зеленоватый отблеск — признак далекого солнца.

Александр ЧАКОВСКИЙ

По улицам ПАРИЖА

Было темно, когда мы прилетели в Париж. Сгустился туман, и огненные буквы «Париж-Орли» на фронтоне аэропорта мы разглядели лишь тогда, когда колеса самолета коснулись бетонной дорожки...

Я назвал шоферу такси отель, который мне еще в Москве рекомендовали друзья, уже побывавшие в Париже, попросив при этом провезти меня через центр города.

— Ясно, Елисейские Поля, — равнодушно сказал шофер, пожилой человек в синем халате и берете. Он принимал меня за одного из бесчисленных туристов.

От аэродрома до города около пятнадцати километров. Некоторое время мы ехали в темноте.

...В те дни Париж праздновал десятиую годовщину со дня освобождения от гитлеровской оккупации.

Вращающийся прожектор с высоты Эйфелевой башни гладил город своими длинными лучами. По Елисейским Полям — широкой, обсаженной двумя рядами деревьев улице — от розового гранитного обелиска, подобно высокой тумбе стоящего в центре площади Конкорд, и до знаменитой Триумфальной арки бесконечными рядами ползли автомашины, двигался людской поток.

Под аркой стояла толпа людей. Она

оказалась могилой «Неизвестного солдата» — лежащую вровень с мостовой каменную плиту, в центре которой горит газовый светильник.

Несколько прожекторов освещали фронтон Бурбонского дворца — место заседаний французского Национального собрания. В этот праздничный вечер серое, со множеством колонн здание дворца, отделенное от улицы решеткой, казалось пустынным, безмолвным.

Мигали красные, зеленые и желтые огни низких светофоров, похожих на речные бакены...

...Отель под громким названием «Понт-Рояль»¹ оказался небольшой, тихой гостиницей на улице Монталамбер близ Сен-Жерменского бульвара.

* * *

— Хотите посмотреть на наш Париж? — спросила меня французская писательница и журналистка Доминика Дезанти.

Я знал, что Дезанти коммунистка, автор книги о французских рабочих, и поэтому спросил ее в ответ:

— Под словом «наш» вы, очевидно, подразумеваете рабочие районы города?

— Не только, — сказала Дезанти. — Мы считаем своими отнюдь не только

те районы Парижа, где приходится жить рабочим, хотя, естественно, мы побываем и там. Но Париж весь, если иметь в виду город как таковой, его дома, памятники, улицы, весь Париж — дело рук народа и по праву принадлежит ему. Разумеется, я имею в виду не фактическое положение вещей, а принцип... Да, мы пойдем в рабочую часть Парижа через весь город.

Я с благодарностью согласился на предложение Дезанти.

...Мы начали свое путешествие не с площади Конкорд — обычного отправного пункта туристов, а с набережных Сены, этих столько раз воспетых поэтами и романистами набережных.

Вот мост Шанж, серовато-белый, с барельефами венков над быками, старинный мост, переброшенный от правого берега Сены к Ситэ.

Отсюда, с моста, видна Консьержери с ее двумя круглыми башнями — это старинный королевский дворец средних веков, превращенный впоследствии в тюрьму.

...Набережная Вольтера. Ее парапета не видно, он скрыт весь целиком витринами и ящиками букинистов. Зеленая листва деревьев почти касается тысяч выставленных здесь книг, зарисовок Парижа, сделанных уличными художниками, по-

¹ Из очерков «30 дней в Париже».

¹ Королевский мост.

Химеры собора Нотр-Дам; сад Тюильри, за ним начинаются Елисейские Поля; улица Оперы.

желтевших фолиантов, букинистических редкостей.

Многие парижане проводят здесь буквально часы. Они стоят, перелистывая книги, читают, рассматривают картины, беседуют с букинистами, медленно переходят от одного лотка к другому, снова что-то ищут, листают, читают.

Здесь нет суеты Елисейских Полей или Больших Бульваров, жизнь здесь не мчится, не скачет, но медленно течет, подобно водам Сены за этими деревянными книжными витринами.

Сюда большей частью приходят подлинные любители книги. Они ходят по тем же камням, по которым бродил Анатоль Франс, и прикасаются к страницам, которые, может быть, перелистывали его пальцы. Сюда не доносится шум автомобилей и мотоциклов «скутер» — этой фыркающей мечты молодого парижанина. Здесь тихо.

...На набережной Бурбон, на острове Сен-Луи, стоят почти нетронутые временем особняки XVII и XVIII веков. Эти здания невысоки, максимум в четыре этажа, их окна прикрыты жалюзи, совсем как в домах балзаковских времен, решетчатые балконы, старинные фонари. И снова мосты, мосты...

Мост Мари, соединяющий правый берег Сены с островом Сен-Луи, с обеих сторон словно искусственно увит зеленью, и вода Сены в его пролетах похожа на тихий пруд. Мост Турнель, построенный в XIV веке из дерева и через два столетия переделанный в каменный, мост Луи Филиппа, мост Неф — самый старый «Новый» мост Парижа, строительство которого было закончено при Генрихе IV.

И под ними течет почти серая днем, сиренево-синяя вечером, серебристая в лунную ночь Сена.

Сена, воспетая поэтами, Сена, которой любят туристы, Сена, которая кормит матросов и грузчиков...

Мы прошли и по Елисейским Полям, этой широчайшей артерии Парижа.

Слов нет, это красивая улица. Широкая мостовая, бесконечные ряды деревьев, за ними — снова мостовая, уже более узкая и, наконец, тротуары. Магазины, рестораны, кафе со стульями и столиками, которые летом выносятся прямо на улицу, дорогие кинотеатры.

Здесь Париж показывает себя «лицом» богатым туристам. Здесь все очень дорого, все рассчитано на внешний эффект.

Из тихого мира набережных мы попадаем в шумный, нервный, космополитический мир.

Машины всех марок, разноязычные вывески, разноплеменная речь.

С западной стороны Елисейские Поля открывает Триумфальная арка.

Триумфальная арка.

Ее начали строить при Наполеоне, чьи останки хранились под ней до того, как были перенесены в Дом Инвалидов. Здесь же покоился прах Виктора Гюго, прежде чем занять свое место в Пантеоне.

Триумфальную арку украшают барельефы. Один из них — направо от свода, обращенного к Елисейским Полям, — называется «Марсельеза» и изображает уход добровольцев на защиту отечества от иностранных интервентов в 1792 году. Его автор — знаменитый скульптор Франсуа Рюд. Я вспомнил другие, безвестные барельефы, поразившие меня своей титанической силой, своей вечно кипящей страстью, сочетанием великой горечи и гордого величия.

Я говорю о барельефах Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез.

Нам, с детства помнящим эти барельефы по репродукциям, покажется неимоверно странным, что многие парижане ничего не знают о них.

Нет, речь идет не о самом кладбище Пер-Лашез, где похоронены многие деятели революционного движения, где ежегодно устраиваются народные демонстрации. Барельефы, о которых идет речь, выбиты не на внутренней, а на внешней стороне стены, ограждающей кладбище и выходящей на маленький, тихий бульвар — место прогулок матерей с детьми.

Ни одна репродукция не в силах передать их впечатляющей силы.

Точно из тумана десятилетий, из старой, замшелой, изрешеченной пулями контрреволюционного Версаля стены проступают образы безвестных героев Коммуны. Вот чье-то лицо, застывшее в предсмертном страдании, на другом — торжествующая улыбка. А вот, распластав вдоль стены руки,

стоит женщина. Кто она? Франция, отданная на поругание изменникам? Мать? Ее голова откинута назад, грудь обнажена.

Нет, это трудно передать словами, это надо видеть! И как горько, как жалко, что многие парижане, повторяю, ничего не знают об этом шедевре революционного, патриотического искусства.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного: ведь Парижская Коммуна даже не упоминается в школьных учебниках, о Стене коммунаров ничего не сказано ни в одном путеводителе, хотя память о ней свято хранит в своем сердце трудовая Франция...

С Елисейских Полей мы попадаем на какую-то узкую, почти пустынную улочку. Разодетых иностранцев, дам, прогуливающих собачек, точно сдунуло ветром. Вот едет на велосипеде, держа в руке почти метровый тонкий хлебный батон, человек в рабочей одежде. В кафе, у одной из неприменных в этих заведениях механических настольных игр, столпились просто одетые люди. Пожилая женщина, склонившись, тихо гладит кошку, лежащую у стены, и на лице женщины грусть и одиночество. Из дверей студенческого кабачка доносится громкий смех. И снова тихо, и уличный свет здесь неяркий, точно вы приехали совсем в другой город...

Но вот Большие Бульвары, — и снова яркий свет, и снова франко-англоитальяно-немецкая речь. И снова туристы, туристы без конца.

Они у монументального здания Эколь Милитер, замыкающего сады Марсова поля, у обитого плющом отеля де Клюни, который некогда окружали развалины римских построек, у Пантеона, у громадного До-

ма Инвалидов, чьи коридоры растянулись в длину на 16 километров.

В этом огромном доме некогда действительно обитали инвалиды, а теперь размещаются различные военные ведомства.

Дом Инвалидов — этот шедевр Ардуэн-Мансара, построившего и многие другие здания времен Людовика XIV и перестроившего также большой фасад Версальского дворца, знаменит еще и тем, что в нем находится музей Французской Армии.

Американские туристы разглядывают Дом.

Нет сомнения, что среди американцев много ценителей настоящего искусства. Но, к сожалению, большинство приезжающих в Париж янки — это или развязные коммивояжеры, рекламирующие американский образ жизни, или туристы в худшем смысле слова. Их можно встретить и в Лувре.

Торопливо высаживаются они на площади Карусель из исполосованных рекламами «каров» — больших туристских автобусов, — и бегом, точно солдаты оборону, занимают позиции для фотосъемок. Щелк! — и знаменитая неоготическая луврская башня с часами и барельефными рисунками в верхней части, делающими ее издали похожей на кружевную, «готова».

Затем бегом к колоннаде, заканчивающей Луврский дворец на восточной стороне.

— Леди и джентльмены!.. Вы видите фасад Лувра в сторону Кур Каррэ — «Квадратного двора»... — щелк! — Он был начат при Франциске I и закончен при Генрихе IV... Скульптуры выполнены Жаном Гужоном... — Щелк! Щелк!..

И вот они уже бегут дальше... Правда, какие-то чудачки остались, вместе

с французами застыли у картин, точно в молитвенном оцепенении. Но остальные спешат.

* * *

В намерения мои не входит подробное описание Парижа.

Я пишу о Париже лишь по праву очевидца. Думаю, что не будет нетактичным, если прямо скажу, что далеко не все нравится мне в этом чудесном городе.

Мне не кажется, например, что плас Пигаль и прилегающие к ней бульвары являются достижением французской культуры. Утверждая это, я, очевидно, разоидусь во мнениях со многими американскими по-

денному фильму «Под крышами Парижа».

Встаньте на улице Норвэн, и вы увидите перекресток и уходящую вдаль узкую улочку де Соль, на которой вздымается белый, точно сахарная голова, купол Сакрэ-Кер. А вот старинная романская церковка Сен-Пьер де Монмартр — остаток уже не существующего здесь бенедиктинского аббатства, могущественного в средние века.

Улица Корто — двухэтажные домики с деревянными жалюзи на окнах, фонари на старинных решетчатых кронштейнах. Здесь жили многие известные французские художники. Вот в этом доме под номером 12 жил Ренуар, в этом — Эмиль Бернар, друг

На плас Пигаль из открытых дверей бесконечных мюзик-холлов, дансингов, баров, пивных и прочих заведений несутся звуки джаза. Слушать без содержания десяток буги-вуги одновременно может или глухой, или очень уж закаленный человек...

«Веселый город Париж» — есть такой хрестоматийный эпитет, навеки сросшийся со столицей Франции.

Веселый город? О нет, только этими словами не передашь характера Парижа.

Да, он бывает веселым, но веселым по-разному. Есть тошнотворное, высокооплачиваемое веселье Пигаля, ради которого приезжают в Париж богатые туристы.

Есть веселье народа, бодрого, жизнерадостного, трудно живущего народа, улыбка и слова привета, которые бросает при входе простой француз девушке за стойкой кафе или маленького бара, лишенная приторности вежливость, с которой он обращается к незнакомому человеку или выслушивает его просьбу.

Есть настоящий, от сердца идущий смех рабочего человека на отдыхе, когда он играет в буль, сидит с приятелями в кафе или в баре за пивом...

Париж не только веселый город, он умеет и грустить. У него чуткое, отзывчивое сердце.

В Париже бывает грустно, когда падают желтые листья с деревьев, когда холодно становится в старых домах, где живет беднота, где нет отопления, когда на людей, живущих на скудные деньги, обрушиваются несчастья: неполная рабочая неделя, болезнь...

Нет, не только веселые люди бродят по парижским улицам, не только влюбленные стоят, склонившись, у каменных оград Сены, не только элегическое созерцание на их лицах. Бывает, что они смотрят на быстро бегущие воды с тоской, со страхом, с печалью...

* * *

Стало прохладно по утрам, желтеет Булонский лес, этот оазис Парижа. Опадают листья. Раздавленные пешеходами и автомобилями, они пахнут по-особому:пряно и чуть горько — незабываемый запах осени.

Ослепительно белая церковь Сакрэ-Кер, венчающая Монмартр, чуть посерела под сумрачным осенним небом.

Точно заброшенная конструкция какого-то гигантского, так и недостроенного здания, сиротливо торчит на фоне парижского неба Эйфе-

ПЛАН ПАРИЖА

1. Площадь Этуаль. 2. Елисейские Поля. 3. Площадь Конкорд. 4. Бурбонский дворец.
5. Сад Тюильри. 6. Гранд-Опера. 7. Лувр. 8. Собор Нотр-Дам. 9. Эйфелева башня.
10. Марсово поле. 11. Дом Инвалидов. 12. Пантеон. 13. Площадь Бастилии. 14. Кладбище Пер-Лашез.

сетителями Парижа, которых я не очень часто встречал в Лувре и которые буквально заполнили плас Пигаль на Монмартре.

В Париже есть два Монмартра.

Есть старый, народный Монмартр. Вы можете бродить по нему часами, не видя реклам, не слыша звуков буги-вуги. Этот район — один из чудесных, неповторимых районов Парижа.

Вот улица дю Кальвер («Хождение по мукам»), одна из тех, что лестницей поднимаются на Монмартрский холм. Вы идете по старинной, выложенной брусчаткой мостовой мимо обвитых плющом стен.

Тускло горят старинные фонари, некогда газовые, теперь электрические. Старые дома, узкие улочки, веревки, на которых сохнет белье, — пейзажи, знакомые нам по давно ви-

Ван-Гога и Гогена, в небольшом ветхом домике обитали Сюзанна Валадон, ее муж Уттер и сын Морис Утрилло.

Вот площадь де Тертр — центр старого, загородного когда-то Монмартра. Тут до сих пор помещается организация, называющаяся «Свободная коммуна Монмартра», объявившая своей целью сохранить народные традиции этих мест. Здесь учительствовала Луиза Мишель, славная дочь Франции, героиня Парижской Коммуны.

Маленькие кафе, уличные художники со своими мольбертами, виноградники на склонах, — таков старый Монмартр.

Но у подножия его плещется мутная, грязная река — так сказать, Монмартр «веселящийся».

Таким выглядит Париж с собора Нотр-Дам.

Фото П. РУСАНОВА

Над Парижем занимается утро. Все более четко вырисовывается над Сеной громада Нотр-Дам.

Фото П. РУСАНОВА

лева башня. Она похожа на скелет, голая и одинокая.

Раньше стали уходить в вечерний сумрак химеры Нотр-Дам, воспетые Гюго. Раньше вспыхивают теперь истерические огни плас Пигаль, уже не с одиннадцати, а с девяти зовут они в кабаре и мюзик-холлы, и к этому времени в автобусах и поездах метро, следующих на Монмартр, чаще услышишь английскую, чем французскую, речь.

Парижане надели шляпы, — летом в них почти не ходят, — и вооружились зонтами — мужчины и женщины.

Все чаще моросит дождик. Сквозь его пелену многочисленные, симметрично расставленные фонари на площади Конкорд кажутся огромными светляками, медленно плыву-

его похожим на обсерваторию куполом. Наконец погас синий декоративный свет в верхних его окнах, и здание погрузилось во тьму...

Отсюда, с бульвара Сен-Мишель, открывается вид на площадь и церковь Сорбонны с ее огромным куполом, но почти лишенную украшений, статуй, барельефов, которыми так богат собор Нотр-Дам.

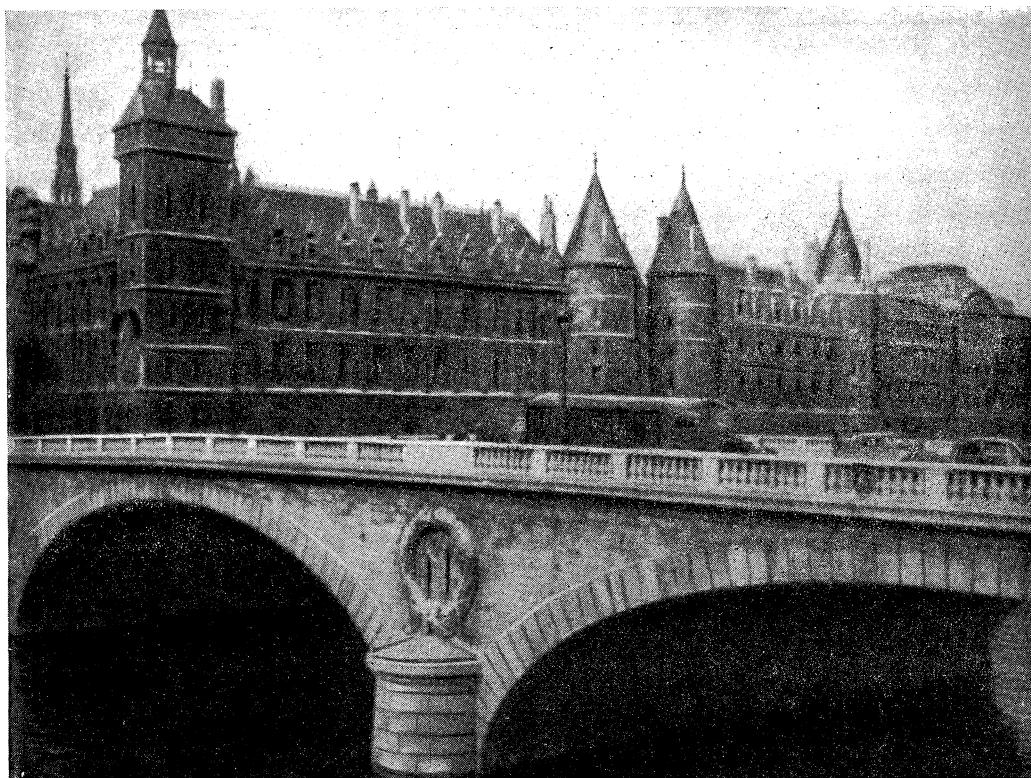
Более трехсот лет назад кардинал Ришелье поручил архитектору Лемерсье воздвигнуть в центре здания Сорбонны купол. Строительство было закончено в 1642 году, в год смерти кардинала, и этот поборник государственной целостности и независимости Франции в Сорбонне и похоронен. За века своего существования огромное, занявшее весь квартал здание, казалось, вросло не только

Еще не совсем стемнело, но Париж принял те неповторимые очертания, которые придает ему вечерний сумрак.

Сине-сиреневые тени легли на аллеи сада Тюильри и на воду бассейна, в котором всего лишь час назад ребятишки устраивали состязание парусных лодок. Этот сад — одно из чудеснейших мест Парижа, тихий, неповторимо спокойный.

Он был задуман и спланирован для Екатерины Медичи, одновременно с королевским дворцом Тюильри, впоследствии уничтоженным Революцией. Некогда «простых смертных» в этот сад не пускали. Но двести лет назад Шарль Перро, автор общеизвестных сказок, добился разрешения посещать парижанам этот уголок, ставший любимым местом детей...

Консьержери.

щими в тумане, а статуи, аллегорически изображающие французские города, уже почти неразличимы.

Почти не виден и обелиск, некогда преподнесенный Луи Филиппу египетским королем Магомедом Али. Он, этот обелиск, — за тройной сеткой воды: помимо дождя, два фонтана вздымают водяные брызги по обе его стороны; и когда площадь освещена, кажется, что это не длинный остроконечный каменный брусок, а какая-то диковинная меч-рыба устремилась с морского дна на поверхность...

Пройдя по бульвару Сен-Мишель, который обитатели Лагинского квартала сокращенно называют «Бульмиш», я долго стоял у Пантеона, увенчанного огромным, делающим

в землю, но и в воздух, в небо Парижа.

На перекрестке Распай-Монпарнас, на небольшом пьедестале стоит, закутавшись в широкий плащ, великий Бальзак.

Эта статуя работы Родена. Она стоит под сенью густых деревьев, и ветви их почти касаются могучей головы великого писателя французской земли.

Он, с такой силой, с такой страстью, с такой глубиной описавший Париж, его блеск и нищету, людей, живших здесь столетия назад, их желания, борьбу, стремления, надежды, безжалостный реалист, сорвавший так много масок с человеческих пороков, ныне стоит в окаменевшем раздумье...

Я миновал арку Карусель, построенную в честь наполеоновских побед, и пошел по широкой аллее вдоль длинного ряда апельсиновых деревьев.

Тонет в сумраке Геркулес, поражающий дракона, — одна из многочисленных статуй, установленных в саду.

Матери повели детей домой, уступая скамейки влюбленным. Снял с мольберта неоконченную картину уличный художник. Вот он идет по садовой дорожке медленной старческой походкой, держа подмышкой свой холст, мольберт и раскладной стульчик. Зажглись фонари...

Осветилась красивейшая площадь Парижа — Конкорд, которую отделяют от Тюильри ворота с крылатыми

конями, некогда украшавшими замок Марли...

Точно указующий перст, уперся в небо Луксорский обелиск, воздвигнутый на том самом месте, где до дней Революции хвастливо гарцевал на каменном коне Людовик XV.

Я шел по направлению к Сен-Жерменскому бульвару.

В этом районе есть площадь Сен-Жермен де Прэ. Она названа так по имени самой древней в Париже церкви, построенной еще в VI веке королем Меровингов Шильдебертом.

* * *

На площади Бастилии нет ныне тюрьмы — это общеизвестно. Там стоит колонна, произведенная Алауана и Дюка, воздвигнутая в память жертв Июльского восстания 1830 года.

Но непокоренный, мятежный дух французского народа, разбившего 14 июля 1789 года старинную крепость, символизировавшую ненавистную тиранию, и поныне витает над этой площадью, откуда обычно начинаются политические демонстрации и массовые шествия.

В пяти километрах от Парижа находится городок Сен-Дени. Он вошел в историю Франции как место погребения французских королей. Из Лувра похоронная процессия следовала до церкви Сен-Дени, и по сей день возвышающейся над городком. С этим обстоятельством рабочие Сен-Дени полшутя, полусерьезно связывают первую в истории Франции «забастовку», когда лет шестьсот назад носильщики на полпути поставили королевский гроб на землю и заявили, что не сделают ни шага, пока им не прибавят плату...

Серый цвет преобладает в Сен-Де-

ни. В конце прошлого века там стали усиленно строить заводы. Объяснялось это дороговизной земель в Париже и большими пустовавшими территориями в Сен-Дени.

Предприниматели, занятые постройкой заводов, меньше всего заботились о жилищах для рабочих. Они поспешно возводили доходные дома, делали это торопливо, беспорядочно, сдавали в наем лачуги, сараи. Вот потому у этого парижского пригорода и поныне такой непривлекательный вид. Многие из домов, построенных сто — сто пятьдесят лет назад, пришли в ветхость.

Мне показали один дом возле мэрии, буквально в десяти шагах от знаменитой церкви. Прямо по двору протекает узенькая речка, превратившаяся в сточную канаву.

Мэрия решила воздвигнуть стену, чтобы отделить улицу от этой клоаки, но сначала пришлось сломить сопротивление домовладельца, не желавшего, чтобы на «его земле» стояла стена.

Я видел другой, уже современного типа, дом. Он вполне пригоден для жилья, если бы не одно обстоятельство: дым из находящегося рядом небольшого старенького газового завода валит прямо в окна этого жилого дома.

Мэрия хочет откупить газовый завод, чтобы снести его. Но хозяева ветхого предприятия запрашивают сумму, в два раза превосходящую его стоимость...

Французский рабочий любит чистоту. Я был в гостях у рабочего-металлиста Ферно Попэлена. Он живет в одном из откупленных мэрией у частного домовладельца зданий. Со своей семьей из шести человек Попэлен обитает в двух небольших, прямо сказать, крохотных комнатках. В его жилище образцовый порядок.

Человек труда, он сам смастерил полки для книг, шкаф, устроил самодельный душ и выкроил для него местечко.

Попэлен долго рассказывал мне о жизни рабочих Франции, об их борьбе. Я внимательно слушал Попэлена и глядел на него. Его глаза светились умом и убежденностью.

Эта убежденность рождается не сразу. Она созревает в длительной борьбе. Попэлен сражался в Испании. Он активный участник профсоюзного движения. Он коммунист.

Попэлен и его товарищи хотят, чтобы в глазах всех рабочих зажегся огонь борьбы, веры в будущее...

В эти минуты я вспомнил ежегодный праздник «Юманите», праздник в Венсенском лесу, на котором мне пришлось побывать недели за две до посещения Попэлена.

Это был праздник простых людей Франции, рабочего класса и всех трудящихся. Это была подлинная, настоящая Франция.

В тот день тихий обычно Венсенский лес — место семейных прогулок трудового люда — преобразился.

Не сотни, не тысячи, — десятки тысяч людей заполнили его. Книжные лотки, лавки, тиры, закусовые... Павильоны французского общества дружбы с СССР, со странами народных демократий, стенды профсоюзов, прогрессивных организаций женщин, молодежи.

Представьте себе: бесконечные толпы людей движутся по аллеям, людей веселых, поющих, танцующих, на головах — карнавальные шапки, в петлицах — значки и кокарды. Из сотен репродукторов льются песни Франции, Советского Союза, Китая, Вьетнама, Польши. Активисты ведут непрерывный радиорепортаж и делают это весело, непринужденно, с чисто французским юмором.

Вход в метро.

Улица на Монмартре

Лес шумит, звенит, смеется, и кажется, что сами деревья, захваченные этой лавиной веселья, давно уже сошли со своих мест и движутся, танцуют вместе с людьми...

Здесь много вина, но вы не увидите пьяных

Здесь веселится Париж, настоящий, честный, неподкупный Париж...

Такой, как Венсенский лес в этот день, — веселой, радостной, дружелюбной ко всем народам, — хотели бы видеть свою страну простые люди Франции.

* * *

Срок моего пребывания во Франции окончился. В конце сентября я покидал Париж.

В последний раз поднялся я на холмы Монмартра.

Я шел по выщербленным временем и тысячами ног ступеням узких лестниц, мимо увитых виноградом старых стен, по круто уходящим вверх мостовым, устланным брусчаткой, мимо домов, окна которых уже прикрыты жалюзи в этот вечерний час,

мимо тихих кафе, где старая радиолка играет старинные песни за двадцать франков, опущенных в автомат, все выше и выше, к снежно-белой церкви Сакрэ-Кер, венчающей старый Монмартр.

Отсюда, с горы, хорошо виден весь Париж, бескрайный, как море. Он кажется спокойным, однообразным, безмолвным. Но это зрелище обманчиво. Я знаю, какие бурные волны бродят под тысячами крыш, на этих почти неразличимых отсюда улицах...

Площадь Конкорд.

БОРЬБА ЗА ВОДУ

О. КИБАЛЬЧИЧ

ЗАПАСЫ ВЛАГИ

Широкая и полноводная Эльба пересекает по диагонали всю территорию Германской Демократической Республики, неся свои воды с Судетских гор к Северному морю. На географической карте хорошо видно, как складывается эта могучая водная артерия из целой системы разветвленных притоков. Паутина голубых жилок густо покрывает и коричневые полосы гор, и сероватые вкрапления холмистых участков, и зеленые пятна низменностей.

Крупных притоков у Эльбы пять: Шварце-Эльстер, Мульде, Заале, Хафель и Эльде. Все они вместе с впадающими в них мелкими речками находятся в пределах республики.

Второй крупный водный поток — Одер с Нейсе — как бы помогает Эльбе орошать восточные районы республики, прилегающие к польской границе.

В Мекленбурге и Бранденбурге много озер. Редко, когда за околицей деревни, возле леска или среди луга не сверкнет голубое пятно.

Таким образом, Германская Демократическая Республика богата запасами воды. К тому же здесь обильны и грунтовые воды. Во многих местах зеркало воды в колодцах находится на глубине всего двух-трех метров. Запасы подземных вод непрерывно пополняются за счет осадков, приносимых сюда с Атлантики.

КРИЗИС ВОДОСНАБЖЕНИЯ

Природа щедро одарила водой восточные районы Германии. И тем не менее примерно с начала XX столетия города, промышленные поселки и мно-

гие сельские местности в Тюрингии, Саксонии, Ангальте и Прусской Саксонии стали испытывать недостаток во влаге. В последующие десятилетия положение ухудшилось еще больше.

Кризис водоснабжения был вызван нерациональным ведением хозяйства, хищническим отношением предпринимателей к водным источникам.

Результаты капиталистического хозяйничанья были особенно ощутимы в районах бурого угольных разработок в Нижнем Лаузице и у городов Биттерфельд, Мерзбург, Лейпциг. Добыча бурого угля, который залегают здесь очень неглубоко, производится открытым способом — в карьерах и разрезах. Выкачивая воду из карьеров и отводя ее в реки, горнопромышленники способствовали сильному понижению уровня грунтовых вод. Жители окрестных селений стали замечать, что вода постепенно уходит из колодцев, а сельскохозяйственные культуры, прежде дававшие хорошие урожаи, погибают от засухи.

Крестьяне были вынуждены рыть все более глубокие колодцы и лишь в 50—60 метрах от поверхности находили воду.

Но выкопать такой колодец мог не каждый — не хватало средств. Горнопромышленники же мерк к восстановлению запасов воды не принимали. Поэтому крестьянам приходилось бросать землю и покидать родные места.

Химические заводы спускали сточные воды прямо в реки. Шварце-Эльстер, Мульде, Плейсе, Вейсе-Эльстер представляли собой мутнокоричневые, покрытые пеной сточные каналы. Во время разливов их воды загрязняли поля, губили траву на лугах.

Правда, на некоторых предприятиях ядовитые воды спускали не в реки, а в поглотительные колодцы, вводившие эти воды к подземным пустотам и заброшенным карьерам бурого угольных разработок. Но строители колодцев не учитывали, что пустоты и карьеры не изолированы от водоносных горизонтов, и во многих местах произошло загрязнение и отравление подземных вод.

Остро нуждается в воде и еще один район Германской Демократической Республики, расположенный к югу от Магдебурга, в нижнем течении рек Боде, Заале и Унструт. Горы Гарца закрывают эту область от несущих влагу западных ветров.

Давно уже развилась здесь крупная промышленность, требующая много воды. Тут добывали и перерабатывали бурый уголь, калийную соль, медную руду. Вода нужна была крупным городам — Дессау, Галле, Магдебургу. В обширной Магдебургской берде¹ недостаток влаги затруднял возделывание ценных сельскохозяйственных культур — пшеницы, сахарной свеклы, ячменя.

Стали возникать многочисленные проекты достав-

¹ Б е р д е — плодородная земля.

ки сюда воды. Так, по проекту «Эльбауэ» предполагалось использовать подземные воды Дюбенской пустоши, расположенной между городами Прецш и Торгау. В ледниковую эпоху тут проходила долина Эльбы (отсюда и название проекта «Эльбауэ»); река отложила массы рыхлых пород: песка, гальки и щебня. Породы эти, как губка, впитывали атмосферные осадки. Исследования показали, что здесь, в самой засушливой области Германии, скопились в водоносных горизонтах наиболее крупные в стране запасы грунтовых вод.

Однако проекту использования дюбенских вод не суждено было осуществиться. Господствующие классы фашистской Германии, занятые подготовкой к войне, не нашли средств для строительства насосных станций и водопровода.

Многие промышленные районы Саксонии и Тюрингии, особенно каменноугольные рудники Цвиккау и текстильные фабрики Плауэна, также испытывали недостаток в воде. Здесь выходом из положения могло быть строительство плотин и создание водохранилищ. Они не только сберегли бы массу воды, переполнявшей горные речки весной — во время таяния снега и летом — при сильных дождях, но и оградили бы окрестные земли от наводнений.

В тридцатых годах на реке Заале было создано два небольших водохранилища. Несколько мелких плотин соорудили крестьянские общины в Рудных горах. Но дальше этого строительство гидротехнических сооружений в фашистской Германии не пошло.

НАРОДНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Совсем по-другому решаются задачи водоснабжения и борьбы с наводнениями в Германской Де-

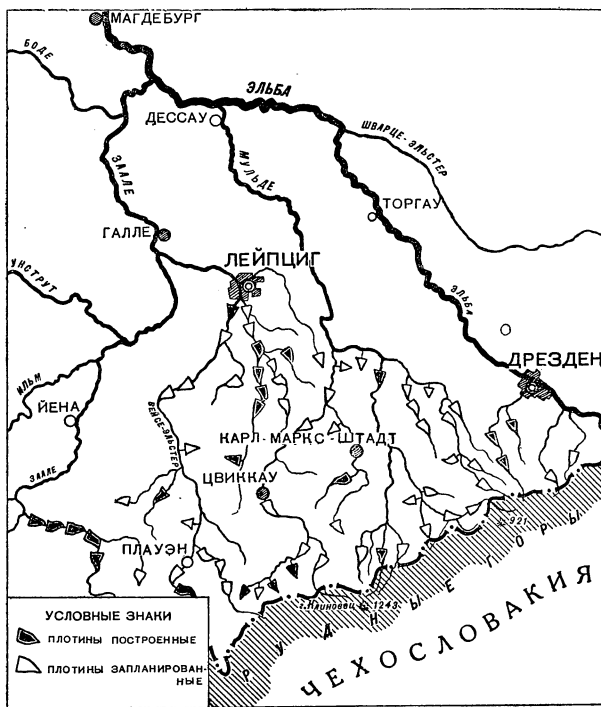

Схема гидротехнических сооружений в южной части Германской Демократической Республики.

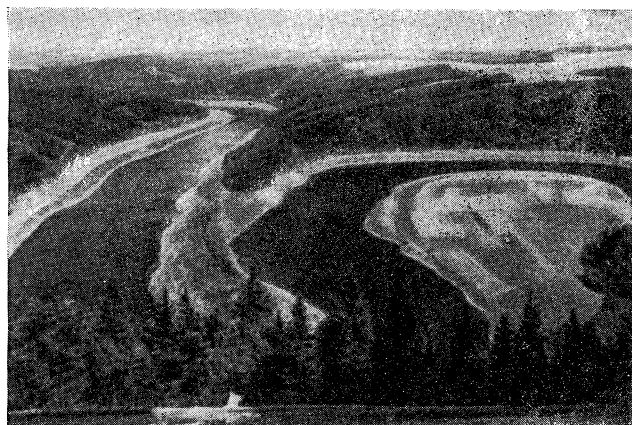
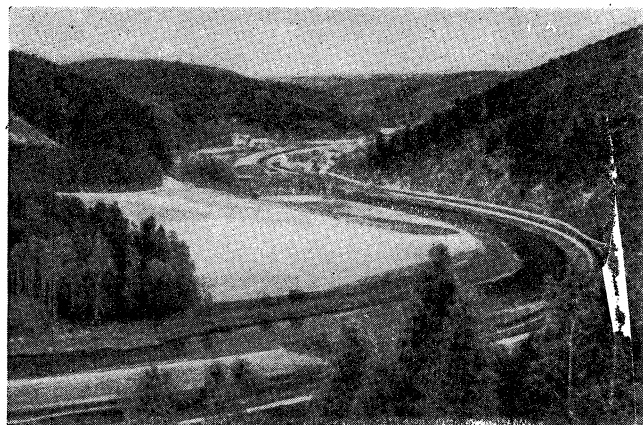
немецкой молодежи. Были получены новые машины. «Плотина мира» — так назвал Зоу глава демократического правительства Отто Гротеволь, приветствуя ее строителей в день окончания работ.

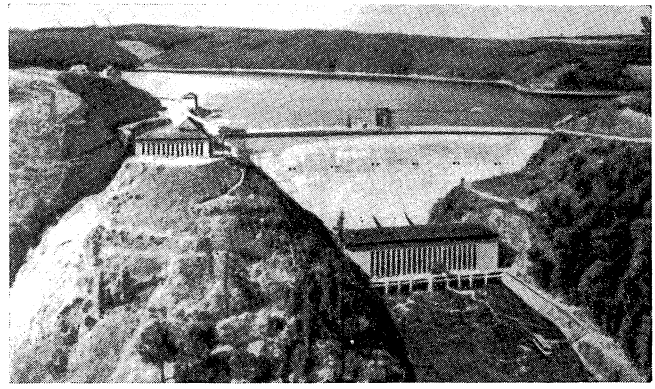
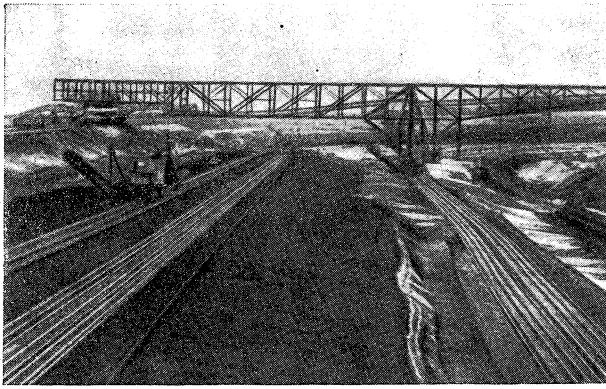
Новые плотины Гранцаль, Зола, Штольберг и Нидеркриниц — надежный заслон на пути горных потоков. Из созданных тут водохранилищ снабжаются водой населенные пункты, заводы и рудники большого промышленного района Карл-Маркс-Штадт — Цвиккау.

Построенная недавно высоко в горах, у подножия вершины Ауерсберг, плотина Эйбеншток регулирует водный режим Цвиккауской Мульде.

Широко развернулось гидростроительство и в западной части Рудных гор — в бассейне реки Вейсе-Эльстер. Разливы Вейсе-Эльстера не раз угрожали Лейпцигу, расположенному в его нижнем течении, недалеко от впадения в Заале. Теперь здесь уже

С лева — долина реки Вейсе-Эльстер в западной части Рудных гор. Сейчас в верховьях реки и на ее притоках сооружается несколько плотин. С права — водохранилище на реке Заале у Дрогниц, образовавшееся после возведения плотины Хоэнварте.

С л е в а — карьер по добыче бурого угля в Нижнем Лаузице. С п р а в а — новая плотина Бляйлох в Восточной Тюрингии. В ближайшие годы на горных реках Саксонии и Тюрингии будет сооружено 50 новых плотин.

построены четыре небольшие плотины. Более крупные будут сооружены в ближайшие годы. Создание водохранилища в верховьях Вейсе-Эльстера имеет большое значение для текстильных предприятий в районе Плауэна.

Уже сейчас в Рудных горах действует 25 водохранилищ с общим объемом воды около 600 миллионов кубических метров. В ближайшие годы здесь будет сооружено еще 50 плотин.

«Э Л Ь Б А У Э»

Одна из крупнейших строек пятилетнего плана Германской Демократической Республики — «Эльбауэ». В земле Саксония-Ангальт сооружается кольцевой водопровод, который будет самой большой из всех существующих в Германии систем водоснабжения.

Семь мощных насосных станций будут поднимать подземные воды Дюбенской пустоши и передавать их по 250-километровому трубопроводу в важнейший промышленный район республики, охватывающий город Виттерфельд, Галле, Мерзебург, Лейпциг.

Водопровод сможет доставлять потребителям около 250 тысяч кубометров воды ежедневно.

Уже закончено строительство насосной станции в Прецше, идет сооружение еще трех станций. Каждая из них будет качать по 500 кубометров воды в час.

Начато использование запасов подземных вод, накопленных в рыхлых отложениях древней долины Эльбы и ее притока Шварце-Эльстер, также и в восточной части республики — в бурогольном бассейне Нижнего Лаузица. Здесь строятся насосные станции, которые будут передавать в города, села, на рудники и поля этого района более 100 тысяч кубических метров воды ежедневно.

РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКИ БОДЕ

Горный массив Гарца оказывает большое влияние на климат и водный режим прилегающих к нему районов республики. Приносимые с Атлантики осадки в основном выпадают в возвышенной западной части. Более низкий Восточный Гарц лежит как бы в «дождевой тени». Когда Верхний Гарц окутан облаками, в Нижнем Гарце и его предгорьях ослепительно светит солнце.

С Гарца берет начало множество рек и речушек. Часть их стекает на запад, к Везеру, другая — на восток, к Эльбе. Крупнейшая из текущих на восток рек — Бода. При теплой зиме на ней бывали зимние паводки, от которых страдали сельскохозяйственные районы Магдебургской бёрде.

На притоке Бода — Раппбодде сооружается одно из крупнейших водохранилищ Германии. Его длина достигнет 9 километров, а высота плотины — 150 метров, что почти в два раза больше высоты плотины Зозы. Будут созданы плотины и на самой Бода.

Ученые установили, что уровень грунтовых вод в долине Бода непосредственно связан с уровнем воды в реке. Поэтому, поднимая воду в реке, можно повысить уровень грунтовых вод в прилегающих районах, которые страдают от недостатка влаги.

Плотина на Бода даст возможность снабжать водой население и промышленность северных предгорий Гарца и Магдебургской бёрде. Один водопровод протянется даже до Магдебурга.

ПЛОТИНЫ

УМЕНЬШИЛИ БЕДСТВИЕ

В июле 1954 года стихийное бедствие постигло южные районы Германии. В результате затяжных дождей большинство крупных рек Баварии — Дунай, Изар, Инн, а в Германской Демократической Республике Эльба и ее притоки — Вейсе-Эльстер, Мульде и Плейсе — превратились в бушующие, переполненные потоки. В течение почти ста лет в Германии не наблюдалось таких наводнений.

В Западной Германии были залиты сотни тысяч гектаров плодородных земель, затоплены многие города и деревни. Погибли сотни людей, тысячи остались без крова и работы.

Благодаря построенным за последние годы плотинам в Германской Демократической Республике наводнение не имело таких разрушительных последствий.

Плотины удержали огромную массу воды — около 600 миллионов кубометров, что значительно уменьшило силу потоков. Большинство кварталов Лейпцига оказалось бы под водой, если бы не плотина Витниц, сооруженная совсем недавно на Вейсе-Эльстере. «Плотина мира» предохранила от затопления Цвиккау.

* * *

Сооружение «Эльбауэ» и Нижнелаузицкой системы водоснабжения, регулирование режима Бода, улучшение водных условий в Магдебургской бёрде, строительство пятидесяти новых плотин в Рудных горах — все это звенья большой программы работ, направленной на полное разрешение проблемы обеспечения водой центральных и южных районов Германской Демократической Республики.

ПОЛЬСКИЕ КРУЖЕВНИЦЫ

Когда над Западными Бескидами спускаются сумерки и заканчивается работа в поле, женщины деревни Конякув собираются в чьей-нибудь избе и до позднего вечера вяжут узорные скатерти, салфетки, нарядные воротнички.

Быстро мелькают в проворных руках кружевниц крючки и коклюшки. Белые тонкие нити сплетаются в фантастические узоры со звездами, цветами, невиданными птицами.

Весело и незаметно проходит время, особенно, если в избу, где работают кружевницы, заходит молодежь.

Играет скрипка, девушки поют мелодичные народные песни, кто-нибудь рассказывает сказки, интересные истории из своей жизни.

Колыбелью кружевного промысла в Польше с давних времен считается Цешинская Силезия. Жители горных районов передавали свое искусство из поколения в поколение. Из года в год создавались все более великолепные и оригиналь-

ные узоры, разрабатывались новые способы вязания. Кружевницы большей частью сами выдумывали новые рисунки, а иногда переводили на бумагу узоры, вытканые на окнах морозом.

Женщины деревни Конякув бережно хранят традиции народного искусства. Это проявляется и в том, как они одеваются. Замужние женщины и сейчас носят на голове красивые кружевные чепчики, поверх которых повязывают нарядный платок. Мужчины надевают белые рубашки и расшитые жилетки с блестящими пуговицами.

Конякувским кружевницам не нужно заботиться о том, как и кому продать свои изделия. Неохотно вспоминают они времена, когда в старой Польше им приходилось по нескольку раз ездить со своим товаром в город или на ярмарку и искать покупателя.

Сейчас они могут уделять своей работе больше времени: гончайшие крученые нитки привозят им работники конякувского кооператива, они же доставляют кружева на продажу в ближайший город — Сталиноград.

Лучшие изделия кружевниц посылают на местные выставки народного творчества.

В МУЗЕЕ ИМЕНИ НАПРСТЕКА

В Праге, в Музее имени Напрстека, открыта выставка для школьников.

Цель этой выставки — познакомить ребят с историей путешествий, совершенных чешскими исследователями, учеными и мореплавателями с древнейших времен до наших дней.

Юные посетители с интересом осматривают привезенный из Ванкувера тотемный столб с вырезанным на нем и раскрашенным в яркие цвета изображением индейского божества, пестрые одежды индейцев, их боевое оружие, своеобразный музыкальный инструмент — там-там.

В одном из разделов выставки собраны находки, сделанные археологами в Египте.

Интересные вещи привезены из Японии. Особенно выделяется изяществом и красотой небольшая группа вырезанных из слоновой кости фигурок, которую японский мастер назвал «Веселым обществом на лодке».

В разделе, посвященном чешским путешественникам прошлых столетий, ребята узнают и об истории музея, созданного в 1886 году при непосредственном участии известного собирателя коллекций Войты Напрстека.

Напрстек передал музею свою личную коллекцию (альбомы, фотографии, редкие книги о Китае, Японии, Африке и Америке) и ценные коллекции, подаренные ему другими чешскими путе-

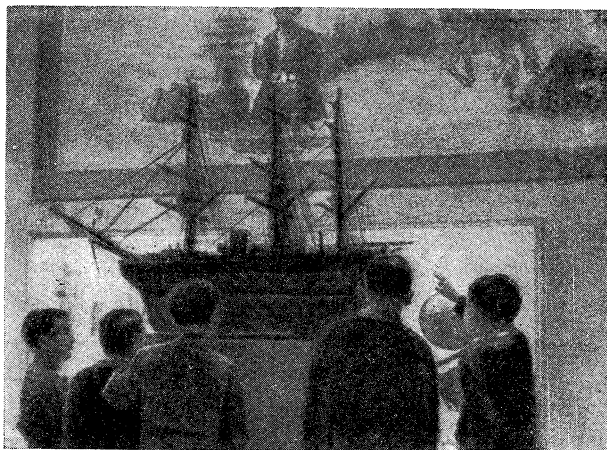
шественниками и исследователями.

В числе ближайших друзей Напрстека был Эмиль Голуб, который провел 7 лет в Африке. Голуб изучал геологическое строение африканского материка, познакомился с жизнью и обычаями ряда населяющих его племен, побывал на реке Замбези, видел водопад Викторию. Возвратившись на родину, он передал музеям и научным учреждениям Праги богатую коллекцию растений, насекомых, звериных шкур.

На выставке представлены также старинные карты, глобусы, редкие гравюры.

В одном из залов демонстрируются научно-популярные фильмы, снятые исследователями во время экспедиций в различные страны мира.

**В странах
НАРОДНОЙ
ДЕМОКРАТИИ**

РАСТЕНИЯ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Е. ЛИННИК

Рисунки В. Константинова

Маленький коралловый островок, затерянный в безбрежных просторах Тихого океана. Узкая полоска суши окружает небольшую лагуну с прозрачной зеленоватой водой. Пенистые волны окутывают островок тучами водяной пыли.

На островке растет несколько кокосовых пальм. Как попали семена на заброшенный клочок земли, отделенный океаном от других островов и материка сотнями километров? Где их родина?

Распространяясь по земному шару, семена растений переплывают океаны, перелетают по воздуху тысячи километров, преодолевают высокие горные хребты и безводные пустыни.

О таких путешествиях мы и расскажем в нашей статье.

ПО ВОЗДУХУ И ВОДЕ

Середина мая. Распускаются листья на деревьях и кустарниках. Зацветает черемуха. Нежная щетинка молодой травы становится с каждым днем все гуще и зеленее.

Что это? Откуда летят тучи белых пушинок?

Возьмем одну из них. Внутри — семечко. Его окружает легчайший пушок.

Такие пушистые планеры образуются у тополя, ивы, ольхи, осины и некоторых других древесных и травянистых растений. Иногда их семена пролетают несколько сотен метров, пока не упадут на землю. И если условия окажутся подходящими, из них вырастают новые растения.

Несколько лет назад во Франции на высоте 1 500 метров в воздухе были обнаружены семена некоторых африканских растений из семейства сложноцветных.

Для таких планеров действительно не страшны ни моря, ни горные хребты!..

Другие виды растений расселяются с помощью воды. Весенние паводки уносят семена полевых сорняков иногда на значительные расстояния. Конечно, во время дальних плаваний по ручьям и рекам некоторые семена теряют всхожесть и гибнут, но многие, попав в благоприятные условия, начинают прорастать.

Растения, встречающиеся в сырых и топких местах, распространяются главным образом водой. Плоды-коробочки вероники в сухую погоду плотно закрыты и раскрываются только тогда, когда попадают в сырое место. Вода вымывает семена и сносит их в болотистые низины.

Однажды известный шведский ботаник Карл Линней прогуливался по небольшой отмели в глухом уголке Северной Норвегии. Был отлив, и на крупной гальке остались скользкие ржаво-коричневые узловатые водоросли. Линней стал внимательно рассматривать их.

В куче водорослей виднелись темные шарики. Ученый поднял один из

ПЛОДЫ-КОЛЮЧКИ

Якорцы — однолетнее ползучее растение со стелющимся ветвистым стеблем и желтыми одиночными цветками. Плоды якорцев снабжены чрезвычайно острыми и крепкими шипами. Их родина — Центральная Азия. Отсюда они распространились по теплым странам почти всего света.

Колючки запутываются в овечьей шерсти, и растение расселяется по новым местам.

Попав в США, якорцы были развезены по стране на автопокрышках. Это вредное растение наносит большой ущерб автомобильному транспорту. Колючки прокалывают и портят автомобильные покрышки. В США даже было объявлено, что будет выдана премия нашедшему эффективное средство борьбы с якорцами на дорогах.

них. Да ведь это морские бобы! Это растение встречается в тропиках, на берегах Антильских островов. Как же попали морские бобы в Скандинавию? Линней понял, что они принесены сюда теплым морским течением Гольфстримом. Тысячи километров проплыли бобы по океанским волнам, пока прибой не выбросил их на берега Норвегии.

В заливах, устьях рек, лагунах, отгороженных от океана коралловыми рифами и песчаными отмелями, раскинулись мангровые заросли, приспособленные к жизни на неустойчивом илистом грунте.

Над водой колышется плотная стена деревьев — ризофоры с блестящими кожистыми листьями. В листве видны какие-то дубины, свисающие толстыми концами вниз. Это не что иное, как проростки. Ризофора — живородящее дерево. Семена у нее начинают прорастать, находясь еще в плодах, висящих на дереве. Семя раз-

вивается в длинную (до метра) тяжелую палку, висящую до тех пор, пока плод не раскроется. Тогда проросток срывается и падает толстым концом в ил. Вонзившись в вязкий грунт, он быстро разрастается в новое дерево. Не всегда удается проростку укреп-

иться в иле. Иногда течение подхватывает его и уносит за многие сотни километров. Долгие месяцы носится он по волнам, пока не зацепится где-нибудь в защищенном уголке.

Зрелые плоды кокосовых пальм, попавшие в море, сохраняют свою жизнеспособность до полугода. Непроницаемый для воды кожистый слой надежно защищает семена, спрятанные внутри ореха, а волокнистый воздухоносный слой придает плоду пловучесть.

Когда начинается ураган, ветер срывает орехи с дерева. Они падают в воду, и волны уносят их к далеким берегам.

У семян некоторых растений, например тропического дерева моринды, есть даже специальные плавательные пузыри.

ЖИВЫЕ СЕЯЛКИ

Зреют на горячем июльском солнце ягоды земляники и малины, наливаются сладким соком вишни, в ясные сентябрьские дни среди перистых листьев рябины появляются оранжево-красные кисти терпких плодов.

Яркие съедобные плоды привлекают птиц. Они поедают ягоды, но семена проходят через пищеварительную систему неповрежденными, так как защищены прочным покровом.

Перелетая с места на место, птицы иногда совершают путь в сотни километров. Вместе с ними путешествуют по воздуху и семена.

В прошлом веке в Новую Зеландию были привезены скворцы. Предполагалось, что эта полезная птица будет уничтожать вредителей полей и огородов. Но скворцы перенесли в Новую Зеландию семена ежевики, и густые заросли этого колючего кустарника покрыли во многих местах пастбища. От этого стало страдать животноводство.

Семена странствуют не только в желудках птиц. Они попадают в комочках грязи, которые птицы часто переносят на лапках.

Иногда семена совершают весьма сложные путешествия. Пресноводные рыбы поедают семена некоторых водных растений. Рыб, в свою очередь, поедают птицы, и семена путешествуют под водой и по воздуху и оказываются иной раз в очень отдаленном от своей родины районе.

Когда-то южноафриканские степи были покрыты пышной растительностью. На них паслись многочисленные стада антилоп. Постепенно европейцы истребили большую часть этих животных, и степи стали превращаться в пустыню. Оказалось, что антилопы, поедая траву, способствовали расселению ее семян на обширных пространствах.

Жители Южной Африки нашли способ спасти пастбища. В корм овцам они стали подсыпать семена трав.

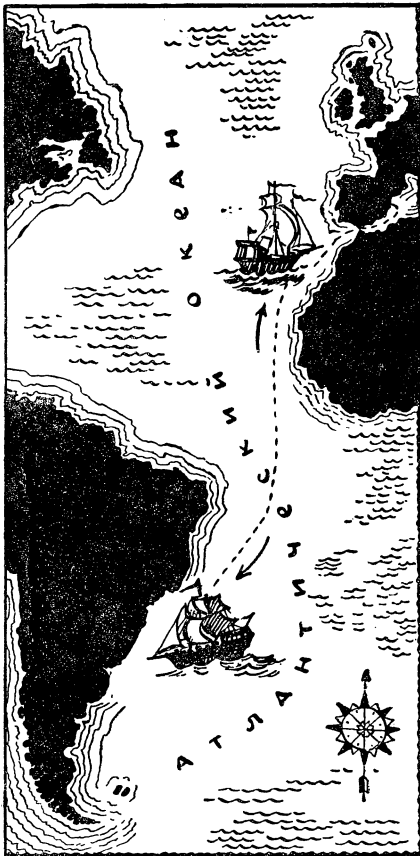

ГУСИНАЯ ЯГОДА

Много разнообразных деревьев, кустарников и лиан с вкусными, питательными плодами растет в тропических странах.

На Антильских островах и во Флориде встречается невысокое вечнозеленое дерево, известное в ботанике под названием «филантус ацидус». Местное население называет это дерево «гусиной ягодой».

Сочные желтые плоды «гусиной ягоды» собраны в плотные кисти. Эти небольшие плоды клюют птицы, растаскивают и разбрасывают обезьяны.

При помощи этих «живых сеялок» была восстановлена травянистая растительность в степях Южной Африки.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Флотилия тяжело нагруженных испанских каравелл входит в гавань Монтевидео. Окончено долгое, утомительное плавание через обширный океан. Корабли бросают якоря и один за другим пришвартовываются

к деревянной пристани. Колонисты с надеждой смотрят на пустынные берега и синеющую вдаль цепь гор. Что ожидает их здесь?

Начинается выгрузка. На скрипучих блоках спускают на бревенчатый настил причала бочки с порохом, тяжелые ящики с мушкетами, ножами, гвоздями. Перетаскивают мешки с пшеницей, ячменем, овсом.

С одного из кораблей выгружают скот. Испуганных мычащих коров сводят по шатким мосткам. Сбившихся в кучу овец просто берут за ноги и выносят на плечах, как мешки с мукой.

В стойлах на кораблях остались вороха соломы и сена. Юнга сгребает их и выбрасывает за борт. Вскоре прибой выносит сено на берег. Вместе с ним на новую землю попадают и семена.

Так вместе с колонистами приплывали в Америку многие дикие европейские растения. Обыкновенный чертополох настолько освоился на новой родине, что стал теснить местные растения.

...В зале крупного аэропорта царит оживление, какое обычно бывает после прибытия самолета международной авиалинии. Один за другим подходят пассажиры к столу таможенного инспектора и предъявляют для просмотра свой багаж. Инспектор быстро просматривает чемоданы и саквояжи, наклеивает ярлыки.

Одна из прибывших женщин держит в руках небольшой букет.

Инспектор просматривает ее чемодан, ставит в паспорте штамп... Но тут его внимание привлекают цветы. Он осматривает букетик и находит

в нем случайно попавшие туда сорняки с семенами.

Во многих государствах организована карантинная служба по борьбе с сорняками. Нелегко охранять границы от таких «нарушителей». Мелкие семена сорняков скрываются в штабелях леса, прячутся в кипах хлопка и даже в почтовых бандеролях...

Особенно легко удается «переходить границы» семенам, снабженным крючочками, шипами или зацепками.

В прошлом столетии через черноморские порты в Россию «нелегально» прибыл злостный сорняк щирица. Эта невысокая трава с цветками-метелками чрезвычайно плодovита. Один экземпляр щирицы дает в год до полумиллиона семян. Борьба с ним очень трудна.

В начале девятнадцатого века в Европе появилась канадская элодея. Ее часто разводят в аквариумах. Условия для развития элодеи в водоемах Европы оказались чрезвычайно благоприятными. Она распространилась настолько быстро, что ее прозвали «водяной чумой». Рыхлым, зеленоватым облаком она заволакивает прозрачную глубь озер и иногда размножается так, что даже препятствует движению судов.

* * *

Мы рассказали о некоторых естественных путях распространения растений. Однако, преобразуя природу, человек не может не вмешиваться и в эту сферу ее жизни. Он заставляет растения путешествовать и по своему усмотрению переселяет их из одного района в другой сообразно своим хозяйственным нуждам и целям.

КАЛИГО

На этом снимке не две совы, как можно сначала подумать, а сова и... бабочка.

Это бабочка калиго, которая водится в Южной Америке.

На второй паре крыльев у бабочки имеются два больших круглых пятна, напоминающих глаза совы, да и вся раскраска ее крыльев удивительно напоминает голову ночной хищницы. Калиго летает обычно в сумерках; при приближении птиц, охотящихся за насекомыми, она мгновенно перевертывается вниз головой, и птица не трогает бабочку. Калиго сидит на ветвях, как правило, вниз головой, — именно в таком положении наиболее хорошо виден «пугающий» рисунок ее крыльев. В этой позе она изображена и на снимке.

В районе пятнадцатого

А. РЫБНИКОВ,

научный сотрудник китобойной флотилии „Слава“

Летним декабрьским утром научно-поисковое судно «Слава-15», оно же «Горбач», вошло в пролив между островом Высоким и островами Сретения. Сквозь густые, слоистые облака проглянуло солнце. Легкий ветерок гнал полосы низкого тумана. Как призрачные, возникали и исчезали в его молочной дымке очертания Высокого.

Хорошая погода в этих местах, 56 градусов южной широты и 27 градусов западной долготы, считается явлением редким. Океанолог Владимир Лебедев и я воспользовались возможностью тщательно провести научные наблюдения.

Я стоял на корме и смотрел в небо, когда подошел вахтенный штурман.

— Выясните места нахождения китов? — скептически спросил он, наблюдая, как я фотографирую облака.

— Конечно!

— То-то я и гляжу...

На нашем китобойце не было слышно обычных шуток, смеха, оживленных разговоров. Члены экипажа перебрасывались отдельными скупыми фразами. Всех тревожило то обстоятельство, что начало охоты задерживается. Вопреки предположениям в этом районе не удалось обнаружить еще ни одного кита.

Седьмые сутки «Горбач», названный так по имени сравнительно небольших полосатых китов, безрезультатно бродил по водам Атлантики. Раскинувшись широким фронтом, за ним следовала китобойная флотилия.

— Рыбникова в радиорубку! — закричали на палубе.

Я знал: вызывает капитан-директор с базы.

Алексей Николаевич Соляник интересовался нашими наблюдениями. Впереди лежало море Скоттия. Можно ли было надеяться встретить там китов?

Я ответил, что согласно нашим предположениям они должны находиться где-то поблизости.

Гигантские морские животные появляются там, где для них есть корм. Питаются они в этих широтах главным образом эвфаузидами, небольшими ракообразными, которые обитают целыми колониями, образуя в воде «планктонные поля» в несколько десятков и даже сотен метров. Это своеобразные китовые «пастбища».

Колонии эвфаузиид, иначе именуемых черноглазками, чаще всего встречаются на границах слоев воды с разной температурой и соленостью. Расположение планктонных пятен зависит также от погоды и времени года. В летние месяцы южного полушария: декабре, январе, феврале — «пастбища» могут образовываться в проливах, возле тающей кромки льда, то-есть там, где соленая морская вода, в различной степени нагретая солнцем, встречается с холодной, пресной.

Судя по метеорологическим картам, можно предположить, когда и в каких местах возможны скопления черноглазок, а следовательно, и китов.

После моего разговора с капитан-директором в наблюдении за «горизонтом» приняли участие все свободные от вахты члены экипажа. Лебедев забрался на мачту.

Судно двигалось медленно. Черные скалы из гранитных и базальтовых пород делали берега Высокого неприступными. Мертвая, необитаемая земля была покрыта ледниковой шайкой в несколько сот метров высоты. Медленно проплывали айсберги, вокруг подводных камней закипали буруны.

Тишину изредка нарушали треск и скрежет цеплявшихся за корпус судна плавающих льдин да нетерпеливые возгласы:

— Эй, на марсе! Есть что-нибудь?

Забравшись в бочку, укрепленную на перекладине передней мачты, Лебедев осматривал море в бинокль.

— Смотри лучше! — советовали с палубы.

Прошло несколько минут...

— Справа по борту на льдине тюлени! — послышался голос Лебедева.

Взглянуть на них, конечно, было интересно всем. Но в тот момент животные особенно привлекли наше с Лебедевым внимание. И не напрасно.

Судно толкнуло носом льдину, на которой уютно расположились два небольших серебристых тюленя антарктической породы Уэдделла. Крошечные по сравнению с «Горбачом», они лениво подняли головы, флегматично разглядывая, кто их беспокоит.

К сожалению, любоваться ими было некогда. С палубы прогремели два выстрела. И вскоре на судно при помощи петли из каната подняли два прекрасных будущих экспоната музея.

Предположения наши оправдались. При вскрытии оказалось, что желудки у тюленей набиты трех-четырёхсантиметровыми красными рачками с усиками и большими выпуклыми черными глазами. Ошибки быть не могло. Тюлени Уэдделла, относящиеся к нехищным животным, как и усатые киты, совсем недавно «позавтракали» на лежащем где-то поблизости планктонном пастбище.

Значит, наш курс правильный!

Судно продолжало путь. Со свистом низко летали над мачтами буреветники и пестрые капские голуби.

Задев за ванты, на палубу шлепнулся черный альбатрос. Беспомощный, он забился, хлопая длинными крыльями по дощатому настилу, но подняться в воздух не смог.

К птице поспешил один из матросов, надеясь захватить ее живой.

Отчаяние придало ушибленному альбатросу силы. Опрокидываясь, с трудом подобрался он к борту и выбросился вниз, в море... Но, едва почувствовав себя в родной стихии, в воздухе, расправил крылья и легко взлетел.

Поднялся небольшой ветер. То с высоты, то сбоку, всякий раз неожиданно, не делая почти никаких движений крыльями, только планируя, пронеслись альбатросы — огромные птицы с двухметровым размахом крыльев.

Вокруг переливалась зеленовато-голубая вода пятого номера (по шкале цвета моря). На этом фоне особенно хорошо должны были выделяться коричневые пятна планктона.

Возглас с марса был возбужденным, радостным: — Планктон! Вижу планктон!

На скалистых необитаемых островах мы увидели непуганых пингинов.

— Лево на борт! — раздалась команда. И юркий китобоец почти сразу повернул на 90 градусов.

На поверхности моря виднелось темное пятно, словно кто-то взмутил здесь море и частицы ила так и остались неподвижно висеть в воде.

За борт на лебедке опустили планктонную сетку, натянутую на металлический каркас. Для охоты на китов важно было определить, на какой глубине скопление черноглазок наибольшее.

В летние месяцы черноглазка держится ближе к поверхности, а с истечением лета уходит все глубже и глубже. Поэтому осенних, «мартовских», китов считают долгоныряющими.

Работа, которой мы занялись, — гидробиологическая: одновременно следовало установить химический состав воды, измерить ее температуру на границе между холодным и теплым слоем.

Пробу брали с нескольких «горизонтов», начиная со стометровой глубины. Шевелящуюся красную массу черноглазок вместе с водорослями и медузами помещали в специальные банки. Исследования проводили тут же, на палубе.

Пока мы занимались этим делом, гарпунер либо висел на вантах, либо прохаживался возле пушки. А вдруг вынырнет! Если животных еще не было у планктона, то они могли появиться здесь в любой момент.

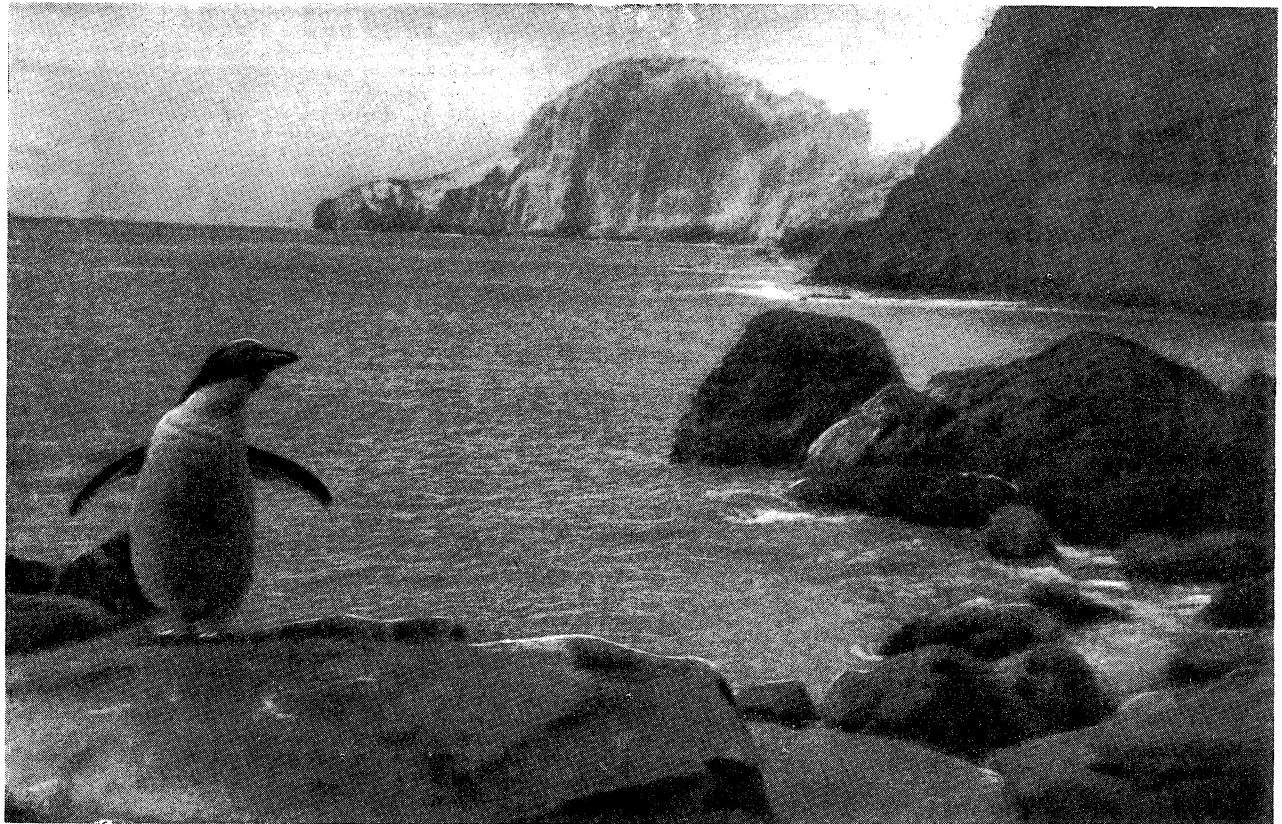
И действительно, вскоре на горизонте над морем поднялись тонкие струйки пара и водяной пыли. Из радиорубки полетели сигналы: «Стадо огромное. Приблизительно около ста китов».

И тотчас по остальным четырнадцати судам флотилии разнесся приказ капитан-директора:

— Все в район пятнадцатого!..

Гарпунер замер у пушки, возле него — Лебедев с двуствольным, похожим на охотничье, ружьем.

Время охоты для нас, научных сотрудников, было дорого. Киты заплывают во многие моря и океаны. Есть ли какие-нибудь закономерности в этом, свя-

занные, допустим, с особенностями пород животных или временами года? (Зимой в Антарктике трудно находить корм. Планктона почти нет.)

Пока существует только один способ установить путь кита — мечение.

Оно производится из специального ружья, заряженного трубкой из нержавеющей стали, на которой выгравированы номер и адрес пометившей кита организации. По международному соглашению, трубка, найденная в туше убитого кита, должна быть выслана по указанному на ней адресу с сообщением, где встречено животное.

Мечение не приносит киту вреда. Трубка застревает в подкожном жировом слое. Почувствовав после выстрела боль, животное с силой ударяет хвостом по воде и глубоко ныряет. В присутствии нескольких человек, наблюдавших эту картину, составляется акт о том, что мечение состоялось.

...К нашему судну уже был пришвартован убитый кит, когда на поверхности воды один за другим показались еще два.

Первым по договоренности в одного из китов выстрелил гарпунер, за ним в другого — Лебедев. Свистящий звук размазывающегося линя, — и сразу последовали негромкий взрыв гранаты и мягкий удар метки.

Море вздыбилось, туча брызг поднялась в воздух. Затрещал барабан лебедки. Раненное гарпунером животное потащило за собой линь...

Как торпедный катер, вспенивая мощным хвостом воду, носился кит кругами. Но вдруг, не меняя направления, он пошел прямо на судно. Видимо, гарпун попал в хребет, нарушилась одна из функций спинного мозга, и кит не мог больше нырять!

— Полундра! — не то мне показалось, не то действительно крикнул кто-то. Все замерли в напряжении.

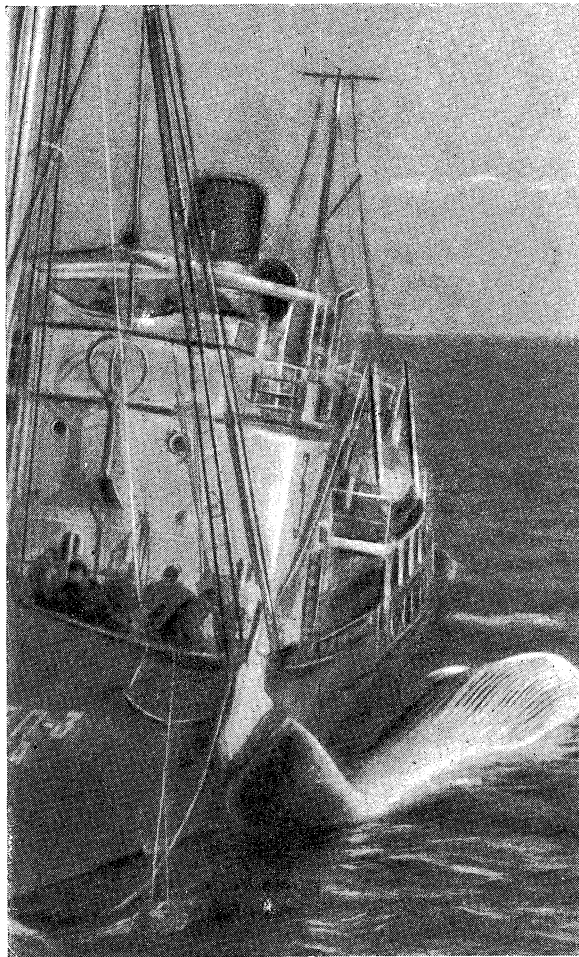
Но, не дойдя нескольких метров до судна, кит свернул.

Охота была в разгаре. С подоспевших промысловых судов гремели выстрелы, свистели лини, пенялась вода. По радиотелефонам передавались рапорты. Буксировщики китовых туш спешили в район пятнадцатого, чтобы успеть доставить их свежими на пловучую базу-фабрику...

Пушки замолкли неожиданно. В наступившей тишине лишь слышались возбужденные голоса радистов.

Будто почуяв опасность, киты уходили из этого района все сразу. Случай, когда животные внезапно покидают богатые кормом места, в Антарктике часты.

Происходит это даже при незначительном изменении атмосферного давления. Чувствуя приближение шторма, киты заблаговременно уходят. Дело в том, что им трудно делать вдох и выдох, когда в море появляются крупные волны.

Убитого кита через специальную трубку наполнили воздухом, чтобы не затонул, и пришвартовали к борту судна.

Предсказать, что в ближайшие дни ожидается изменение погоды, мы не могли, хотя на «Горбаче» метеорологические наблюдения проводились через каждые четыре часа. «Живые барометры» оказались намного чувствительней наших металлических, которые только через сутки начали фиксировать понижение давления...

Вечером, после удачной охоты, в кубрике «Горбача» обсуждались происшествия дня. Вспомнили и о черноглазках, которые лежали тут же в закупоренных банках.

— И чего их так киты любят? Может, и правда они вкусные? — шутили матросы.

Решили попробовать. После долгих колебаний судовой повар согласился сварить рачков. Он не знал, что предварительно мы посоветовались по радиотелефону с кандидатом биологических наук В. М. Земским, руководителем научной группы флотилии.

Принеся готовое блюдо, повар предупредил, что снимает с себя всякую ответственность за наше здоровье, а мне сказал:

— Тебя вызывают в радиорубку.

Войдя в радиорубку, я услышал спор двух капитанов.

— В какую сторону дует ветер? — спрашивал

по радиотелефону один у другого и, получив ответ, соглашался. — Правильно. Так что же ты утверждаешь, будто оставил двух связанных китов возле айсберга? Куда они могли деться?..

— Рыбников, разреши наш спор, что быстрее дрейфует: надутый кит или айсберг? — спросили они меня.

Чтобы облегчить буксировщикам поиски, капитаны китобойцев часто оставляли туши около айсбергов, используя их как естественные ориентиры. Но иногда возле ледяных гор китов не находили. Это могло произойти потому, что айсберги, у которых подводная часть больше надводной, всегда двигаются по течению, а легкие китовые туши — по ветру. Естественно, если случалось быть ветру против течения, то ориентиры и туши расходились в разные стороны.

Выслушав мое мнение, капитаны поняли, что не правы они оба.

В заключение капитаны поинтересовались, куда теперь, когда исчезли киты, двинется пятнадцатый? Снова разыскивать планктон?

Нет, мы собирались преследовать животных. Согласно гипотезе, выдвинутой кандидатом географических наук В. С. Назаровым, киты на время непогоды уходят в противоположную от кромки льда сторону или заплывают в разлоды между крупными льдинами, где сравнительно тихо. Таким образом, и в этом случае, на основании наблюдений за поведением животных в связи с изменением погоды, можно приблизительно определить места, где искать китов.

Серебряный кубок
I—II веков.

СЕРЕБРО ЗАКАМСКОЕ

Серебряное блюдо
VI века.

В течение нескольких последних лет на пахотных полях деревни Бартым Березовского района Молотовской области колхозниками были сделаны находки, представляющие большой научный интерес.

Так, в 1947 году из борозды, проведенной тракторным плугом, была извлечена чаша ладьевидной формы, отлитая из серебра с примесью меди, свинца, олова и незначительного количества золота. На стенках этой чаши сделаны рельефные изображения двух птиц,

с фигурами двух львов, в 1952 году — еще одна серебряная золоченая чаша. Таким образом, из находок, сделанных в окрестностях деревни Бартым, собралась целая коллекция.

Все эти предметы залегали в почвенном слое на глубине не более 22—25 сантиметров и находились далеко один от другого. Было ясно, что это не клад.

Как же попали сюда эти предметы? Кому они принадлежали? Почему были зарыты так неглубоко? Все эти и многие

Ученые установили, что первая чаша характерна для III—IV веков нашей эры. Сложнее оказалось определить место ее изготовления. Пока оно точно не установлено, и можно лишь предполагать, что чаша могла быть сделана в Средней Азии или Закавказье, где такого рода работы встречаются.

На серебряном кубке, найденном в 1949 году, среди растительного орнамента изображены две танцующие женщины, Сатир и Эрот, играющий на флейте. Путем исторических параллелей удалось

к эпохе царствования византийского императора Ираклия (610—641 гг.).

Исследования показали, что серебряные предметы, найденные у деревни Бартым, носят культовый характер и связаны с богатым святилищем, существовавшим тут в первых веках нашей эры и принадлежавшим местным племенам.

Деревня Бартым расположена на берегах реки того же названия, притока реки Шанвы, бассейн которой до сих пор слабо изучен археологами.

По мнению доктора исторических наук А. П. Смирнова и молотовского ученого, кандидата исторических наук О. Н. Бадера, бартымские находки свидетельствуют о существовании в этом районе уже в первом тысячелетии нашей эры экономически сильного центра, который в результате широких торговых связей Приуралья имел возможность сосредоточить у себя большое количество драгоценных иноземных вещей.

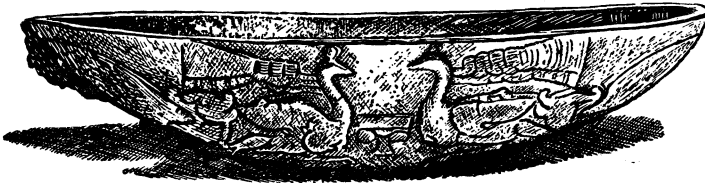
В то же время бартымские находки говорят о высоком уровне развития прикладного искусства и ремесел у народов Средней Азии.

Подобные находки серебряной утвари на Севере имели место и раньше.

Урал и в особенности Прикамье еще в давние времена славилась встречавшимися здесь у местных жителей серебряными, часто позолоченными изделиями из стран Востока.

Вероятно, об этом древнем серебре и говорится в старинных русских документах XIV века, как о «серебре замасном» — особом виде дани, взимаемой с населения Приуралья.

В. ТЕРЕХОВ

Ладьевидная серебряная чаша III—IV веков.

похожих на павлинов. На груди и спине каждой птицы видны полустершиеся профили человеческих лиц. Задние части этих фигур сделаны в форме оскаленных звериных морд, держащих в зубах хвосты «павлинов». На головах у птиц рог луны и шар.

другие вопросы, связанные с находками, заинтересовали ученых.

Найденные предметы были доставлены в Москву, в Исторический музей, где они подверглись тщательному, всестороннему изучению.

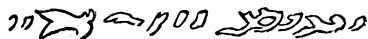
Историков интересовали не только изображе-

установить, что кубок изготовлен в I—II веках нашей эры. Место его изготовления еще не определено.

Интересные результаты дало исследование серебряного блюда. Выяснилось, что надпись по краю блюда сделана алфавитом, сходным с древнехорезмским, а это позволило предположительно установить, что оно было изготовлено в VI веке нашей эры в Средней Азии.

Литая чаша в форме полшария, с плоским дном (находка 1952 года) покрыта растительным орнаментом и четырьмя медальонами с изображениями человеческих лиц. Форма, характер обработки края, пропорции чаши не только указали на ее среднеазиатское происхождение, но и помогли ученым датировать ее I веком нашей эры.

Монеты, обнаруженные в одной из чаш, относятся

Надпись на поддоне одного из сосудов.

За этой находкой вскоре последовали другие. На тех же полях в 1949 году был выкопан массивный серебряный кубок, в 1950 году — большая серебряная чаша, содержащая более двухсот монет, в 1951 году — блюдо

ния на найденных предметах, но и техника производства.

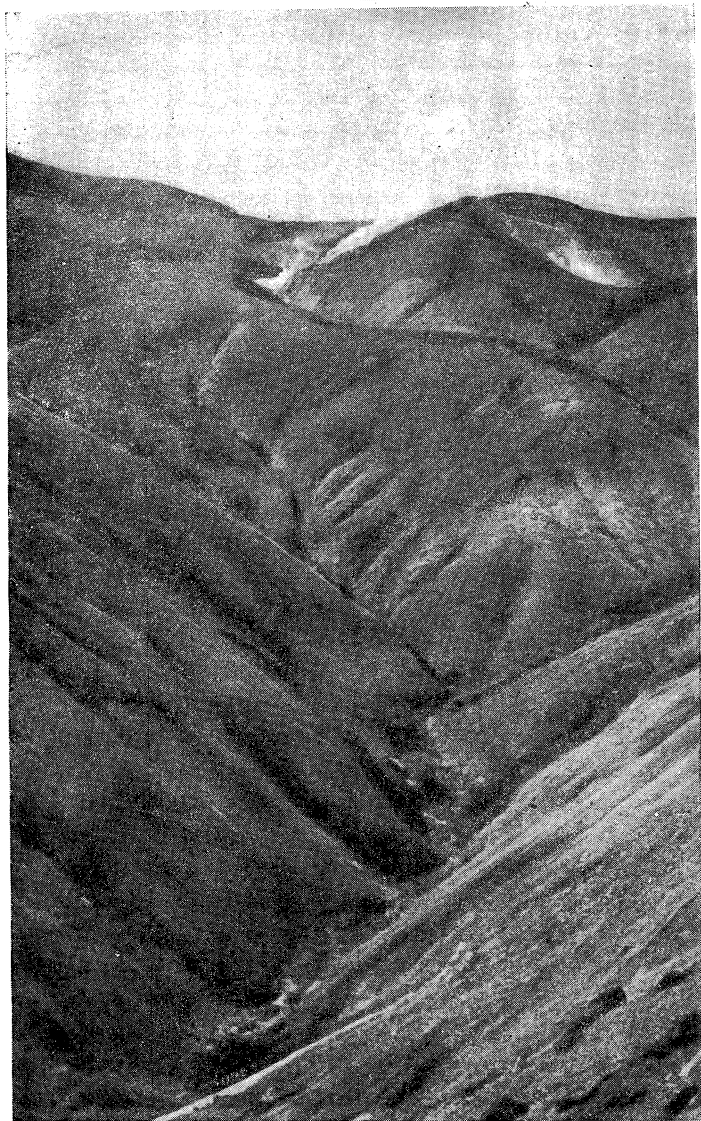
Это помогало исследователям установить дату и место их изготовления, восстановить историю их проникновения в глухой район Приуралья.

На склонах кратера
видны струи паров и
газов вырывающихся
из-под земли.

Склоны вулкана рассе-
чены множеством уще-
лий.

В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА

Л. ГУРВИЦ

Фото автора

Курильские острова — длинная гряда крупных и мелких «курящихся» островов, вытянувшаяся от мыса Лопатки на Камчатке до далекого Хоккайдо, — район интенсивной вулканической деятельности.

Постоянно дымится на острове Парамушир вулкан Эбеко.

Подъем на вулкан начинается сразу же за последними домиками небольшого поселка, расположенного на северном побережье острова. Дорога, петляя среди зарослей кедровника, поднимается в гору, пересекает плато, поросшее редкими деревьями.

Но вот дорожка кончается. За нею, сколько видит глаз, россыпь камней. Перепрыгиваем с камня на камень. С легким шумом камни уползают из-под ног. На лбу выступают мелкие бисеринки пота. С каждой сотней метров становится тяжелее дышать, солнце печет нещадно. Хотя бы глоток воды!..

И вдруг впереди яркobelая искрящаяся полоса. Снег! И это в середине августа!

Снежное поле толщиной до полуметра заполняет ущелье: солнце бессильно растопить эту массу! Только из-под края снежной толщи весело струится прозрачная вода. Немедленно напиться, обтереть разгоряченное лицо!

Подниматься еще труднее. Появляются целые поля валунов и крупных камней, а дальше надо идти по снегу, сколившемуся на дне ущелья. К счастью, он крешкий и прекрасно держит.

На склоне ровная площадка. На ней несколько окопов, орудийный дворик, валяются гильзы снаря-

Камни, покрывающие склоны вулкана, образуют местами каменные поля.

дов и две разбитые пушки. Отсюда в 1945 году японские артиллеристы пытались обстреливать наш десант.

Тропинка вьется среди валунов и приводит к большой рыжевато-красной скале. Несколько поворотов, и перед нами раскрывается величественная панорама ущелий и скал. Вдали виднеются белые дымки газов, вырывающихся из-под земли.

Здесь уже ощущается запах серы. Края отверстий, диаметром от 30—40 сантиметров до 1,5 метра, покрыты кусками желтой кристаллической серы. Попытка отломать кусок ее окончилась неудачей: горячая сера сильно обожгла руки.

А вот и край огромного кратера. Внизу, на глубине более двухсот метров, видны два правильной овальной формы озера — одно опаловое, другое изумрудно-зеленое.

По зеленому озеру плывет огромная льдина, а с поверхности опалового и вокруг него поднимаются струи не то дыма, не то пара. Откуда они выходят? Из маленьких кратеров, окружающих озеро, или прямо из воды?

Ответить можно, только спустившись вниз. Но сделать это не так просто. Стены кратера почти отвесны, а порода, слагающая их, рыхла. Пройти можно только по каменистому гребню шириною в полтора метра, но это нелегко.

Цепляясь руками и ногами, сползаем вниз. Запах сероводорода заставляет зажимать нос.

Вода в опаловом озере нестерпимо горяча. Через несколько минут начинаем чувствовать, что и земля, точнее желтовато-оранжевые камни под ногами,

тоже горячие. Рядом какая-то грязная лужица — и в ней вода горячая. Время от времени на ее поверхности возникают пузыри и с треском лопаются. Берег озера пористый, как бы состоящий из огромных каменистых губок. Камни под водой покрыты опаловым налетом и бесчисленным количеством мелких пузырьков.

Долго оставаться на одном месте нельзя: тепло проникает сквозь одежду. Идем вокруг зеленого озера. По расщелине течет ручеек с холодной водой. Впадая в озеро, он охлаждает его. Воду на довольно большом пространстве. Зеленого оттенка тепловатая вода со странным терпким вкусом сразу связывает рот. Глубина озера 30—40 сантиметров.

Направляемся к сольфатарам, бьющим из земли струям сернистого газа и сероводорода. Земля вокруг них покрыта слоем яркожелтой серы. Дышать очень трудно. Замечаем, как начинают темнеть крышки часов.

Пройдя мимо газовых струй, начинаем подъем на самую высокую точку гряды. Опять камни. Чем выше, тем они мельче и мельче. Вот и вершина вулкана Эбеко.

Далеко, насколько хватает глаз, видно море. Огромной сахарной головой высунулся из океана остров-вулкан Алаид. Высота его 2 339 метров.

По другую сторону Парамушира, второго по величине острова Курильской гряды, виден остров Шумшу.

Солнце все ниже и ниже. Пора подумать о возвращении. Почти бегом спускаемся мы к берегу, где нас ожидает катер.

На дне кратера лежат два овальной формы озера.

Южное побережье Крымского полуострова — один из живописнейших районов наших субтропиков. На снимках: скала Парус у мыса Ай-Тодор. На набережной Алушты. Фото М. АЛЬПЕРТА

Древний город Хива издавна славится своими коврами. На снимке: мастер артели «Умид» Бена Бекиева проводит занятия с молодыми ковровщицами.

Фото С. ПЕТРОВА.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ КОВЕР

Ковроделие — один из распространенных видов народного искусства. На севере ковры шьют из кусочков меха, в средней полосе — вышивают, ткнут и вяжут из шерстяных и хлопчатобумажных ниток, а в Средней Азии ткнут из овечьей, реже из верблюжьей и козьей шерсти, добавляя шелковые и бумажные нити. Красивы войлочные казахские и киргизские ковры — кошмы.

В узорах ковров мастерицы изображали окружающую природу, а нередко в них находила отражение и народная мечта. Так, в безводной Каршинской степи появились вышитые ковры-паласы, изображающие склоненные над ручьями цветущие деревья и летающих над ними птиц.

Иногда рисунок ковра настолько сложен и необычен, что не сразу удастся его разгадать. Академик А. Е. Ферсман писал об одном из текинских ковров:

«Ковер поражал неожиданностью рисунков — зеленых и белых пятен и отдельных ярких ниток, вдруг ни с того, ни с сего вплетенных в какой-то непонятной дисгармонии в краснобурый общий тон ковра...»

И долгое время тщетно старался я в нем уловить какой-либо рисунок.

...Совершенно неожиданно в одном углу ковра я схватил черты рисунка: какой-то зверь с косматой головой, поднявший переднюю лапу, вырисовывался там совершенно отчетливо на темножелтом фоне, он напоминал мне дикую кошку, которая так напугала наш караван в пустыне Кара-Кумов; против него — в завитках, с опущенными скрученными рогами — белые пятна бараньих стад так отчетливо, ясно вырисовываются на фоне все тех же буро-желтых песков.

...Зеленые ниточки селина и «песчаной акации» так закономерно вились вдоль желтых барханов песков, около колодцев, а потом снова сплошные пески, ровные красноватые такыры и серо-белые шоры.

Я закрываю глаза, и вся пустыня племени текэ, вся природа вокруг их аулов, вся жизнь кумли с его заботами и борьбой вставала предо мною в этом расшифрованном отныне ковре».

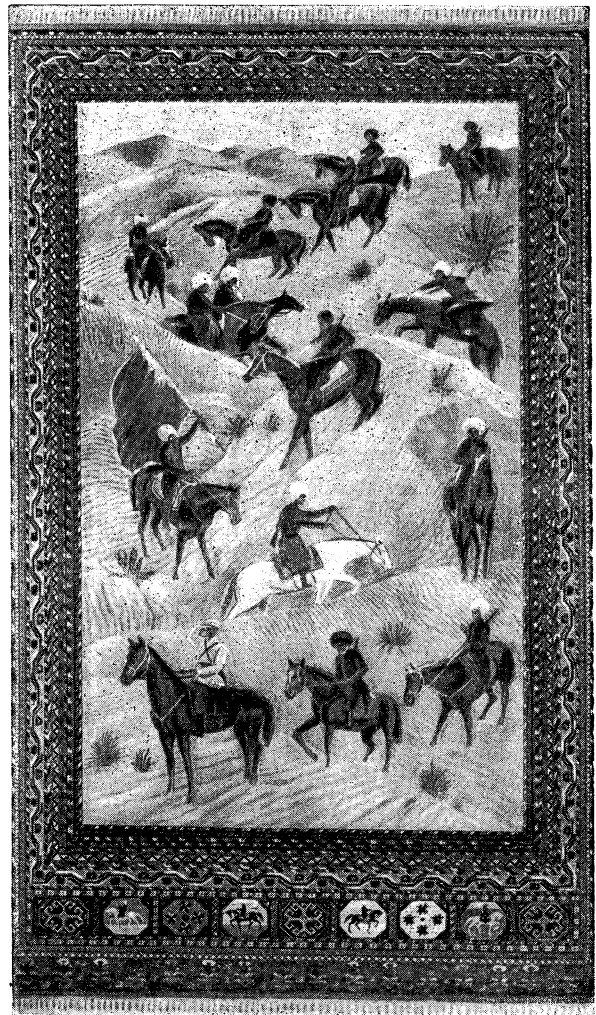
Мировую известность получили туркменские ковры. Издавна для окраски пряжи мастерицы применяли естественные красители, отличающиеся стойкостью и глубиной тонов. Красили шерсть и коркой граната, и кожурой грецкого ореха, и желтоцветом, но особенно большое распространение получила марена, в корнях которой содержится красная краска.

Использовались и естественные цвета пряжи. На красном фоне тусклая светлокорицевая пряжа из верблюжьей шерсти сверкает золотом. Чтобы подчеркнуть в паласах рисунок орнамента, брали белые нитки.

Бархатистую узорную поверхность ковра составляют концы ровно стриженных разноцветных узелков, завязанных на нитях основы. Чем сложнее рисунок, чем плотнее и тоньше должен быть ковер, тем больше завязывается узелков. В туркменских коврах их бывает более 300 тысяч на одном квадратном метре.

В разных районах Туркмении сложились свои типы коврового рисунка. Большую славу приобрели текинские и иомудские ковры.

Советские мастерицы создали новые виды ковров. Широко известны ковровые портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и ковры-картины: «Танец белуджей», «Той победы», «Конный пробег», в котором запечатлен

переход туркменских конников из Ашхабада в Москву через Кара-Кумы (см. снимок)

Одной из последних работ туркменских ковровщиц является огромный ковер-панно «Дружба народов СССР», который экспонирован в павильоне Туркменской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

З. БЕКИРОВА

В ДЕЛЬТЕ ДУНАЯ

А. ТРЕСТИЕНИ

Рисунки А. Тарана

Никогда не забуду путешествия, которое я проделал в плавнях Дунайской дельты с моим молодым приятелем и проводником Карпом Васильевым-вторым, родом из рыбацкого поселка, что выгнулся подковой по берегу старого Дуная. Он называется «Двадцать третья миля» — по расстоянию, отделяющему его от моря.

Еще не рассветало, и вода сливалась с небом в одну безбрежную темную синеву августовской ночи, когда мы отплыли из поселка. Лишь тут и там в зеркале реки мигали звезды. Черный силуэт артельного лабаза на деревянных столбах, напоминавшего древние свайные постройки, и старые прибрежные ивы растаяли позади нас в легкой дымке.

Васильев, одетый в теплый свитер, стоял на корме лодки и пристально всматривался в синеву над высоким камышом. Его товарищ Леон Малыхин, медлительный и молчаливый пожилой рыбак, сидел на веслах. Он греб энергично, но весла опускал, совсем не поднимая брызг. И лодка, едва-едва покачиваясь, бесшумно скользила по воде.

Чем больше рассеивалась темнота, тем больше я убеждался в том, что мы плывем не прямо, как это казалось вначале. Мы находились в густом лабиринте протоков и рукавов, разливающихся порой до размера небольших, с базарную площадь, озер.

Некоторые протоки, широкие и прямые, в своих камышовых берегах похожие на аллеи, неожиданно поворачивали и рассыпались на множество водяных тропинок. Но из них только одна вела к месту, где под водой подкарауливали рыбу верши.

Малыхин уверенно направлял туда лодку по этой паутине протоков и излучин, казалось, руководимый только чутьем. Было видно, что ему не требуется никакого напряжения для выбора правильного пути. Сколько нужно лет труда и борьбы с природой, чтобы человек мог достичь такого искусства!

Дельту можно сравнить с большим городом, который, разрастаясь со временем, наперекор всякой планировке, присоединял к себе новые кварталы и улицы. Но в городе все же можно найти нужный путь, обращаясь к табличкам с названиями улиц и к номерам домов. В дельте же нет ни одного отличительного знака, который говорил бы, что этот закоулок не тот, в котором вы только что были. Целы-

ми сутками можно кружить напрасну около одного и того же места, не замечая этого. Все здесь так похоже, что только очень острый и свинчившийся с окружающим глаз может найти место, где нужно повернуть.

На поверхности воды в дельте зачастую происходят события, изменяющие запечатленную в памяти местных жителей карту. За одну лишь ночь масса старых камышей, укрепленных илом и образовавших пловучий остров, может переместиться, открыть новые протоки и закрыть старые.

Перемещение этих огромных масс меняет пути, которыми пользуется рыболовецкая артель. Иной раз такой остров обрастает снизу илом, приносимым водой, навсегда закрепляется на месте, и на нем через множество лет появляются человеческие жилища. Люди па-

шут тут землю и сеют хлеб. Эти новые земли, образуемые в наши дни отложениями реки, — самое грандиозное, совершающееся тысячелетиями творение Дуная. И как бы ни были очевидны и естественны эти изменения, нельзя без волнения приближаться к такому месту, зная, что там, откуда слышится лай собак, где спеют на солнце сочные, с красной мякотью, арбузы, когда-то можно было услышать лишь плеск воды и увидеть одинокую седую чайку.

* * *

Чувство удивления и восхищения становится еще большим, когда мы знакомимся поближе с людьми, населяющими дельту. В полную меру развертывают они сейчас, вместе со всем румынским народом, свои силы и способности.

В легком покачивании лодки передо мной встают впечатления недавних дней. Вспоминается, как в Кришане, на берегу Сулинского гирла, художник из Тульчи набрасывал эскиз деревни, где около сумрачной ветряной мельницы, стоявшей здесь с незапамятных времен, виднелись белые стены недавно построенных больницы и ро-

дильного дома. Художник наносил на холст очертания облаков, когда проходивший мимо рыбак, указывая на движущуюся между облаками точку, сказал ему: «Обязательно нарисуй и его — это теперь тоже часть нашей дельты». Это был вызванный по телефону санитарный самолет, направлявшийся в Тульчу, чтобы сбросить лекарства для больного ребенка...

Я вспомнил полные оживления клубы, которые видел в рыбацких поселках, баржи, привозившие необходимые на зимний период товары, комфортабельный дом отдыха рыбаков в Матице, даже новую спецодежду рыбаков... И я подумал, что недавно, когда власть была еще в руках капиталистов, люди эти жили в самой жестокой нищете.

Мы поплыли дальше на восток, любуясь пламеневшим на небе восходом. Яркий, словно дышащий свет залил все вокруг. Огромные камыши, будто тронутые невидимой рукой, наклонили пушистые метелки, приветствуя солнце, а затем все снова застыло в неподвижности. Казалось, что в этом безмолвии только мы, трое людей в лодке, живем и дышим.

— Как в пустыне! — вырвалось у меня.

Рыбаки только улыбнулись. «Пустыня? — как бы говорили их улыбки. — Вот увидишь!»

И я увидел.

Карп нагнулся, взял со дна лодки шест с трезубцем на конце, размахнулся и, громко крикнув, сильно ударил по сухим камышам. Камыш зашуршал, затрещал по всему берегу. Зазвучал резкими, незнакомыми тонами. Словно откуда-то с вершины горы сорвались глыбы снега и льда и покатились вниз, в пропасть. Небо неожиданно закрылось чем-то темным, точно туча или шквал пролетели над камышами и потерялись вдаль.

Я поднял глаза. Не было ни туч, ни обвала, ни шквала. В ясном небе кружились тысячи и тысячи птиц всех размеров и цветов, гневно крича на непрощенных пришельцев, которые обеспокоили их до наступления утра. Хлопали крыльями черные лысухи, белые цапли, утки, гуси, выпи, а с ними и пепельные ястребы и другие птицы, забывшие вражду перед лицом общего врага.

Снизу из камыша продолжали вырываться все новые и новые крылатые аборигены, вместе с остановившимися здесь на отдых перелетными стаями заполняя воздух, закрывая свет и яростно

заявляя о своем праве владения широким царством дельты.

— Ничего себе пустыня! — не сдерживаясь больше, засмеялся Васильев над моим замешательством. — Эх, ружье бы сейчас, — добавил он с ноткой сожаления.

Малыхин налег на весла. Лодка шла прямо по водорослям и кувшинкам, сочные стебли которых медленно опускались вниз.

Мы уже миновали поселок Вакарь. Немного дальше, укрытая в камышах, стояла лодка Карпа. Он покинул ее тут вчера, когда ставил верши.

Карп вычерпал дождевую воду, скопившуюся в лодке, и перешел в нее, взяв узелок с едой. За собой он позвал и меня.

Здесь мы расстались с Малыхиным.

— Верша, — сказал мне Карп, когда мы устроились в его лодке, — это такая снасть. Она вроде бочки с обручами из прутьев, но стенки ее не деревянные, а из частой сетки. На одном конце верши воронка отверстием внутрь — тоже из сетки. Через эту воронку рыба входит и больше уже не может выйти. Она как в западне. Как проглотила ее верша, так она там и остается...

— А почему рыба идет в вершу?

— А вот слушай. Вода совсем не такая спокойная, как это кажется с поверхности. Ниже она все время движется то туда, то сюда, будто ветер ее гоняет. В затонах сталкивается очень много течений, но все они в конце концов направляются к стрежню. Это ведь не пруд, не лиман, это Дунай, а Дунай поменьше, потихоньку течет к морю. Это во-первых, а во-вторых, когда всходит солнце или луна, рыба, как известно, выходит на клев и поиграть. Шныряет туда-сюда, найдет мошку, рыбку поменьше, так и плавает среди течений. Но потом, когда поест и захочет отдохнуть, что ей делать? Остановиться так просто в течении? Нельзя, потому что опомнится она в море, в соленой воде... А там ей не нравится. Нашей рыбе вода нужна пресная. Дунай-то в море течет, а рыбе лучше здесь оставаться. А чтобы остаться, нужно найти укрытие в иле, в зарослях, на дне или в верше.

— Неважное укрытие!

— Тебе вот смешно, а так и есть. Рыба, скажем, приходит сверху и старается забраться в камыши, где вода поспокойнее. Думает: спрячусь здесь и сосну маленько; рыбаки, мол, меня будут искать на середине реки. Ну а мы идем не туда, куда она думает, а сюда, где она хочет отдохнуть. Придем и спросим: «Здесь ты, рыбка?» А уж она, хочешь не хочешь, отвечает: «Здесь».

— Как это отвечает? — удивился я.

— Вот смотри как, — улыбнулся опять Васильев-второй, беря тре-

зубец. — Смотри внимательно на воду перед лодкой. Видно что-нибудь?

— Нет.

— Правильно, не видно. А теперь, — спросил он, погружая трезубец в воду под углом, — видишь пузырь на воде?

— Вижу.

— Вот так и отвечает рыба. И как ответит, мы рыбаки принимаем за дело. Ставим верши, а проходы между ними закрываем длинными сетями — получается вроде плотины. Рыба хочет пройти в камыши. Видит: сеть ее не пускает. Она и начинает искать выхода и вот так и тычется, пока не попадет в вершу. «Пожалуйста, дорогая, проходите здесь, — приглашает ее верша. — Заходите, я вас отправлю на прогулку: поездом до Бухареста, а там — на сковородку или в кастрюлю»... Вот так и ловим рыбу, товарищ, — заключил Карп Васильев-второй свою лекцию о ловле рыбы вершами. — Теперь за работу, а то вон уж как рассвело. Потом поговорим.

* * *

Плыть дальше на веслах было невозможно — мешали густые водоросли. Настала очередь шеста с трезубцем, при помощи которого молодой рыбак ловко направлял лодку через узкие извилины и протоки. Наконец мы подошли к первым вершам, о местонахождении которых говорили верхушки шестов, удерживавших их в нужном положении. Карп вытащил вершу. Внутри ее трепетала груда карасей, окуней и другой рыбы.

Следующая верша приготовила ему неприятный сюрприз. В ней была одна-единственная рыба — огромная щука.

— Да-а, подложила ты мне свинью, кумушка, — недовольно ворчал Карп, выбрасывая ее в лодку, — поторопилась залезть первой, чтоб тебя! Разлеглась, как дура, только рыбу пугать! Ты что ж, не знаешь, что ли, что если ты здесь, больше уж никто не войдет?

Рыбак оставил щуку в лодке и продолжал работать. Очищая от рыбы одну вершу за другой, он ругал на чем свет стоит уловки окуней и щук, которые «словно не знали другого дела, как только рвать сети и стараться во что бы то ни стало улизнуть»...

Однако повреждения не были непоправимыми. Карп в несколько минут чинил сети, да с таким мастерством, что они становились как новые.

— Поставим-ка их опять, — сказал он тоном, по которому можно было угадать, что это самая трудная часть работы.

Некоторое время он осматривался и промерял трезубцем глубину реки, а затем начал расставлять верши, но в другом направлении: изменилось течение.

Шесты глубоко уходили в ил, верша тихо опускалась вниз, медленно увлекая за собой шлейф сети. Теперь на поверхности виднелась только легкая рябь. Но рыбак все знал: запуталась ли сеть, хорошо ли она натянута, прямо ли стоит под водой? И там, где было что-либо не в порядке, он задерживался: переводил лодку, измерял глубину, вытаскивал шест. Руки его все время были заняты установкой верш, починкой сети, а ноги удерживали лодку прямо около воткнутого трезубца.

— Готово, — заявил он наконец. — Теперь разберем рыбу. Щуку возьмем не меряя, окуней тоже — это хищники. А тебе чего здесь надо, дурачок? — рассердился он на маленького карпа, который бился на дне лодки. — Зачем ты полез в вершу, такой маленький? Иди-ка домой, — выбросил он рыбку назад в воду, — придешь, когда подрастешь, понял?

Когда он закончил работу, солнце показывало полдень. Лодка осела от тяжести, и ее борта только на несколько пальцев поднимались над водой.

— Вернемся к лабазу?

— Подождем немного. Малыхин еще своих дел не кончил.

— А-а, значит, хотя по имени ты и «второй», а в бригаде все же первый?

— Да ведь я член союза рабочей молодежи — должен быть первым.

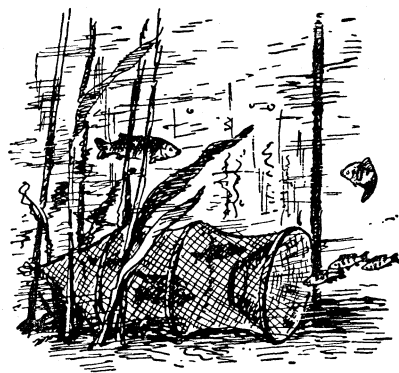
— Это, конечно, правильно. А вот скажи-ка, почему тебя зовут Карп Васильев-второй?

— Потому, что первый — это мой отец. Он тоже Карп Васильев. Это наш старый рыбацкий обычай. Меняя тему разговора, он спросил:

— Хочешь винограда?

— Откуда?

— Я тебя могу отвезти на виноградник здесь, в дельте.

Сказано — сделано. Раздвигая камыши, мы продвигались очень медленно по мелководью. Но вот, наконец, лодка уперлась в остров. Карп ловко выпрыгнул на берег, срезал охапку камыша и прикрыл ею рыбу от солнца.

— Пройдем здесь, — сказал он и пошел вперед, прокладывая путь через высокую, сильно пахнущую траву и кусты ивняка. За кустами начинался огромный луг, по которому бродило стадо. Тут же было много домашней птицы.

— Вот это все, что видишь, называется Щипок. Здесь тысячи гектаров плодороднейшей земли, очень подходящей для посевов. Тысячи, понимаешь? И подумай, на этом острове пока живет только около двадцати семей.

— И обрабатывают сами всю землю?

— Куда там! Каждый выбирает себе клочок, который кажется ему получше, и обрабатывает, как умеет. Остальное — целина. Но будь покоен, мы доберемся и до этого.

— Кто это мы?

— Мы, наша власть.

Мы подошли к винограднику. Тропинка огибала стог сена, около которого стояло огородное

пугало, шевелившее по ветру пугальными рукавами.

Большая собака хрипло залаяла из конуры. Карп прикрикнул на нее, и она замолчала. Повидимому, он был ей хорошо знаком. Сейчас же на вершине стога показалась голова девочки.

— Тебе чего надо? — не очень любезно крикнула она молодому рыбаку.

— Хотим посмотреть виноградник. Сестра твоя здесь?

Девочка щелкнула языком, что должно было означать отрицание.

— Жаль. А винограда нам дашь?

— Возьмите сами, только неспелый не трогайте.

Мы пошли по рядам виноградника, восхищаясь свисающими с лоз огромными кистями с черными, налитыми соком ягодами.

— Этот виноград, — рассказывал Карп, — одного старого приятеля моего отца — Алексея Музычихина, отца этой девчонки. Он посадил его три года тому назад по совету моего отца. Отец ему все говорил: «Ты только попробуй, Алеша, хоть просто так, на счастье, и ругай меня последними словами, если не останешься доволен. Только после сбора первородка не забудь позвать меня пить вино». Алексей послушал его и посадил. А теперь, смотри, какой виноград! И не скажешь, что первородок.

— Поэтому тебе и разрешают брать виноград?

— Ну да.

— А у Музычихина много детей?

— Еще одна дочь, постарше.

— Хорошая девушка?

— Другой такой не найдешь!

— С этой, младшей, ты, кажется, не в особенно хороших отношениях?

— Да ну ее, ябеда, — недовольно буркнул парень и покраснел.

На мой вопрос, кому и на кого она клезничает, Карп не ответил. Может быть, он его не расслышал или только сделал вид, что не расслышал...

Мы поблагодарили девочку за виноград и отправились обратно.

— Здесь, — начал опять Карп, — может все расти: и пшеница, и кукуруза, и виноград. Наверное, даже лимоны и апельсины будут чувствовать себя здесь как дома. А выгоны для скота? Тут столько травы, что можно выкормить в сто раз больше скота, чем теперь. Только, знаешь, что нужно? В некоторых местах нужно сделать дамбы, чтобы сдерживать весенний разлив. А если эти места укрыты от наводнений, тогда только ставь сюда тракторы и паши вдоль и поперек... Через четыре-пять лет дельту не узнаешь.

Накануне, поздно вечером, на «Двадцать третья миль» прибыли газеты, в которых был опубликован проект директив второго съезда партии о развитии сельского хозяйства в ближайшие два-три года. В этом документе были запи-

саны и важные наметки, касающиеся преобразования дельты. Отзвуки этих планов я слышал почти во всех разговорах Карпа. Поэтому я спросил его:

— Ты читал вчерашние газеты?

— Нет, времени не было, — виновато сказал он. — Поздно вчера вернулся. Ничего, сегодня прочту.

— Однако все, что ты говорил сейчас, уже сказано партией в одном большом документе. Как ты это объяснишь?

Рыбак улыбнулся.

— Ничего удивительного. Партия ничего не планирует, кроме того, о чем мы думаем и чего хотим. И только поэтому мы можем делать столько великих дел.

В затоне мы встретили Леона Малыхина, который только что закончил выбирать верши, и наши лодки пошли одна за другой к лабазу. Карп запел старинную песню, сложенную рыбаками в тяжелой борьбе за жизнь.

— Ты меня спрашивал о моем имени, — задумчиво сказал Карп Васильев-второй, после того как перестал петь. — Скажу тебе, почему меня назвали так, как отца.

Раньше, когда рыбаки были холопами у хозяев, жизнь их всегда висела на волоске. Многие выходили рыбачить на гнилых лодках, которые не выдерживали шторма и не возвращались домой. Их проглатывала река или море. И если рыбак не возвращался, то хотя бы имя его оставалось дома. Мать звала ребенка, обманывая самое себя...

Я молчал. Издалека доносились звуки песни, но не той, что пел Карп. Вот другой сильный мужской голос подхватил ее, все больше приближаясь к нам. Запел опять и Карп, за ним Малыхин, откуда-то справа вписались в песню и другие голоса. И как бы в ответ на «Двадцать третья миль» к ним присоединились звонкие, веселые голоса рыбаков...

И особая, величественная красота звучала в этом разлившимся по всему огромному пространству дельты хоре рыбаков, медленно приближавшихся к поселку в лодках, полных рыбы...

Перевод с румынского
Н. МОЖАРОВА

ЗЕМЛЯ ВИНОГРАДНОЙ ЛОЗЫ И ОЛИВКОВОГО ДЕРЕВА

Н. СЕРГЕЕВ

Наше путешествие началось в один из жарких весенних ноябрьских дней. В это время в Москве выпал первый снег, легкий мороз успел разрисовать окна ледяным узором, а в Буэнос-Айресе пальмы уже выпустили зеленые стрелы новых листьев. Причудливые деревья, напоминающие одновременно и акацию и мимозу, покрылись крупными розоватыми и яркоголубыми цветами, похожими на наши полевые колокольчики.

Буэнос-Айрес проводил нас свежим морским ветерком, не отравленным еще с утра автомобильной гарью и копотью заводов. Поезд быстро и плавно мчится на запад — в провинцию Мендоса, расположенную у подножия скалистых Анд, на границе с Чили. Утренний туман быстро рассеялся. В большом окне купе, как на экране, мелькают пригороды столицы с бесчисленными садами и огородами.

Все ускоряя ход, экспресс вырывается на огромную равнину. Позади остались загородные виллы, парки, площадки для тенниса. Кругом растилается ровная, гладкая степь. Не видно ни дерева, ни кустика. Мы в пампе. Кажется, что поезд идет не по рельсам, а мчится по асфальтированному шоссе: так низка насыпь полотна дороги.

Мимо проносятся безлюдные полустанки с маленькими погрузочными платформами, которые общаются с большими загонами. Отсюда отправляют скот на бойни Буэнос-Айреса. Иногда видны загоны в форме треугольника, соединенные узкими коридорами. В них раз-два в год подсчитывают количество голов в стадах крупных владельцев.

А вот и стадо коров. Ни пастуха, ни жилья не видно. Скот пасется круглый год под открытым небом.

— Вы знаете, — говорит мой сосед аргентинец, — в старые времена законом не возбранялось убить в пампе быка или корову, если человек голоден. Он был обязан лишь закопать остатки туши, а шкуру по-

весить на шест, чтобы ее мог найти хозяин. — Помолчав немного, он добавляет: — Да и сейчас, поди, владельцы не знают, сколько же точно голов в их стадах...

Кое-где видны вышки с вращающимися крыльями. С помощью этих ветряных двигателей в пампе добывают воду из глубоких скважин. У ветряков — водопой. И опять стада...

Пастбища сменяются полями пшеницы, ржи, кукурузы, льна...

Пейзаж настолько однообразен, что путники начинают дремать. Лишь изредка кто-нибудь растормошит соседа, увидев убегающих от железной дороги напуганных поездом страусов.

Поезд почти не останавливается. Людей не видно. Только на более крупных станциях ребяташки в широкополых шляпах торгуют какими-то изделиями из кожи, которые не успеваешь даже рассмотреть: свисток, и поезд снова мчится дальше на запад.

День клонится к вечеру. Поезд уже бежит по провинции Мендоса. Далеко на горизонте видны очертания гор.

Это первые, ближние отроги Анд. Местность ожила. Поезд теперь часто пересекает выложенные каменными плитами оросительные каналы. Они ведут к раскинувшимся по обе стороны от железной дороги виноградникам. Сейчас, весною, это длинные ряды кольев с натянутой между ними проволокой. Побег виноградных лоз еще едва видны. А рядом с виноградниками вечнозеленые оливковые рощи. Издали они похожи на наши фруктовые сады. Деревья тянутся правильными рядами: они высажены квадратами или в шахматном порядке.

Стволы, корявые и суковатые, с серой корой, словно устали поддерживать кроны деревьев, плодоносящих несколько сот лет.

Листья оливок узкие, коротко заостренные, темнозеленые сверху и с серебристым отливом с нижней стороны. При малейшем дуновении ветерка кажется, что они меняют свою окраску.

Как и в пампе, воды здесь мало. Весной, во время таяния льда в горах, ее собирают в специально устроенных водоемах. Без искусственного орошения здесь не уродилось бы ни одной грозди винограда, ни одной оливы, несмотря на исключительное плодородие почвы.

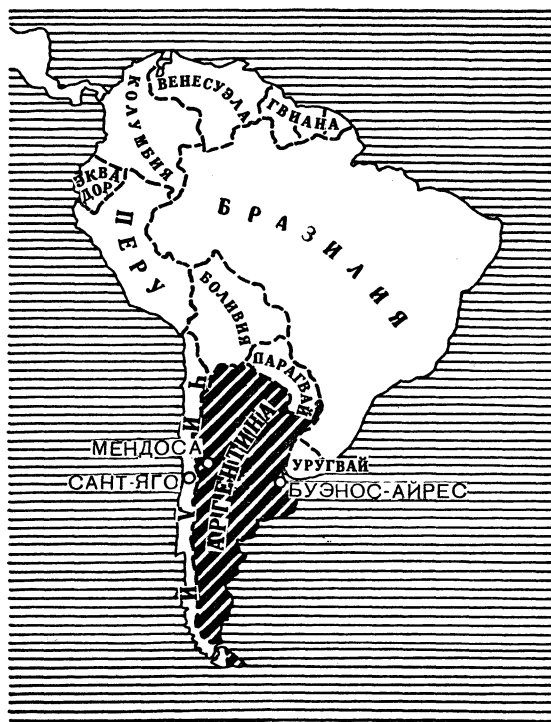
Мы приближаемся к Мендосе, столице провинции, почти в темноте. Из окон вагона еще видны виноградники, оливковые рощи, подступающие с обеих сторон к полотну железной дороги. Изредка границей между участками служат ряды высоких пирамидальных тополей.

Очертания гор слились с темным небом, взошла луна.

В вагонах зажжен свет. Снаружи все погрузилось во мрак, и пассажиры видят в окнах только свои отражения.

Колеса уже постукивают на стрелках. Проводники нараспев объявляют: «Мендоса, сеньоры, Мендоса».

Уставшие от однообразия пампы, от 17-часового сидения (спальные вагоны

в Аргентине бывают только в ночных поездах), мы спешим в отель на отдых, чтобы с утра начать знакомство с городом.

В СТОЛИЦЕ ПРОВИНЦИИ

Нас разбудили лучи утреннего, но уже жаркого солнца, пробившиеся сквозь пластмассовые пластинки — жалюзи.

Когда мы подняли жалюзи и выглянули на улицу, взору открылся сплошной зеленый ковер с разбросанными по его полю красными черепичными крышами домов. Лишь кое-где из зеленого ковра поднимаются узкие современные дома — бруски в пять-шесть этажей с яркими парусиновыми тентами над окнами. Город почти сплошь одноэтажный, дома на улицах редко примыкают вплотную друг к другу, а стены зданий почти метровой толщины — все это на случай землетрясений, довольно частых здесь.

Как мы узнали позже, старого города нет. В 1861 году его постигло несчастье. В вечерний час, когда большинство верующих жителей собралось в церквах, а остальные — у семейных очагов, Мендоса буквально в течение нескольких минут была разрушена страшным землетрясением.

Та Мендоса, в которую мы приехали, — новый город, выстроенный в нескольких километрах от разрушенного.

Дома в Мендосе из-за возможности землетрясений строятся небольшими. Только отдельные владельцы гостиниц ради наживы, не задумываясь об опасности, воздвигают узкие и высокие дома-коробки, не гармонирующие с общим видом города.

На улицах широкие тротуары отделены от мостовой рядами тополей, вязов и платанов. Их кроны почти сомкнулись над мостовой, образуя зеленый коридор. За рядами деревьев тянутся глубокие оросительные

Выступление ансамбля национальной песни и пляски. Справа — мост через пересыхающую в жаркое время речку Успальту.

На проспекте Сан-Мартин в Мендосе.

каналы, и улицу можно перейти только на перекрестке, где через канал перекинута каменная плита. Днем в каналах ни капли воды. Ее пускают в город, в сады и парки, как и на виноградники и оливковые плантации за городом, только два раза в сутки. Вода здесь стоит дорого. Не всегда течет она и из кранов в домах, и запасливые хозяева с утра наполняют водой баки, чаны, ванны. А предприимчивые мальчуганы бегают по улицам с бидонами холодной воды, продавая ее прохожим по несколько сентавос за стакан.

Повсюду на улицах продают мороженое, апельсиновый сок, сок грейпфрута. Настоящий аргентинец утоляет жажду маленькой чашечкой горячего черного кофе.

Продавцы в белых халатах, изрядно забрызганных кофейной жижей, разносят кофе прямо по улицам. За спиной у такого продавца ярко размалеванный термос, на поясе — сумка с бумажными стаканчиками.

Город просыпается рано. В 6—7 часов утра уже работают все учреждения, чуть позже открываются магазины. Их много. Мендоса — крупный

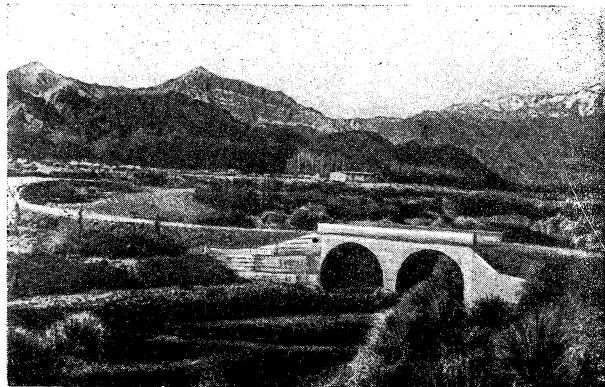
торговый центр. Как и всюду, товар принято «показывать лицом», и лавки буквально вывернуты наружу: на тротуаре немудрено натолкнуться на груду товаров, а порой приходится и нагнуться, чтобы пройти под платьями и костюмами с приколотыми к ним крупными картонными цифрами — ценою. Товаров много, но с торговлей не все благополучно: очень часто можно увидеть витрины с огромными аншлагами «ликвидасьон». Это хозяин, отчаявшись конкурировать с универсальными торговыми фирмами, распродает содержимое своей лавочки. Около таких распродаж некоторое оживление. На улицах вообще много народу: приезжие из провинции, туристы. Для последних есть специальные магазины с сувенирами: раскрашенными открытками с видами Анд, изделиями из кожи, из дерева. Тут и пепельницы в виде сапога гаучо с огромной посеребренной шпорой, и брелоки в виде винных бутылок и бочонков, национальные пледы-плащи — «пончо» из домотканной яркой шерсти, которые можно видеть и на прохожих.

Вот идет гаучо в ковбойке и огромных шароварах, заправленных в сапоги. За широким поясом с нанизанными монетами — тугая ременная плеть, широкий нож. Приезжий из Буэнос-Айреса стически выдерживает сорокаградусную жару, не снимая пиджака и галстука. Правда, пиджак шит из «тропикаля» или из «альпаки» — тонкой шерстяной ткани. Порою прохожие вдруг шаркают в стороны: гаучо ведет на поводке прирученную пуму.

На перекрестке Лас-Эрас и проспекта Сан-Мартин — наиболее оживленных улиц города — всегда стоит толпа зевак. Здесь рядом со сверкающим на солнце автомобилем последней марки продаются лотерейные билеты. До хрипоты расхваливает продавец билетов непревзойденные качества блестящего кадиллака: «Покупайте билеты, покупайте! Вот он, ваш выигрыш!»

На той же Лас-Эрас с огромной рекламой туристической компании на вас словно готов броситься индеец в полном боевом убранстве с томагавком в мускулистой руке.

Гуляя по улицам, мы неожиданно попали на базар. На небольшой пло-

щади теснятся палатки, лотки, в стороне стоят высокие арбы с колесами диаметром в два с половиной метра. На прилавках и лотках горами навалены апельсины, мандарины, персики, груши, яблоки, виноград, — все это бережливо сохранено от прошлогоднего урожая. Рядом с прилавками прямо на земле лежат кучи фруктов, тронутых порчей. Фрукты здесь недороги. Но головка чеснока стоит вдвое дороже большого спелого лимона, килограмм картофеля — вдвое, втрое дороже килограмма апельсинов или мандаринов. Да его и не всегда достанешь. У прилавка, где продают картофель, пусто. Продавца нет, он уехал за товаром. Но перед прилавком выстроилась своеобразная очередь из хозяйственных сумок: ждать долго, владельцы сумок делают пока другие закупки.

В полдень город словно вымирает. С 12 до 2 часов закрыты все учреждения, магазины. Зато полны кафе и рестораны.

Проголодались и мы. Нам приглянулся уютный ресторан, в окне которого было видно, как на огромном вращающемся вертеле поджариваются большие куски мяса, утки и кури. На стекле написано: «Парилла». По такой надписи мы потом узнавали рестораны, где можно отвеять национальные блюда. Здесь нас угостили маисовой похлебкой с изрядным количеством перца, мясными пирожками «эмпанадос», колоссальным, чуть поджаренным ростбифом

с гарниром и непременно стаканом дешевого красного вина. Сугубо национального, кроме размеров ростбифа, здесь было мало, но нам посоветовали посетить один из загородных ресторанов. «Там вы действительно кое-что увидите», — уверил нас официант.

Истомленные зноем, мы отправились в городской парк Сан-Мартин, разбитый на западной окраине города.

В парке прямые пальмовые аллеи чередуются с участками, засаженными гигантскими деревьями омбу. Встречаются целые заросли кактусов. Радуют глаз огромные клумбы из канн и роз, над которыми, словно бабочки, порхают крохотные птички колибри. Всюду, где вода коснулась почвы, пышно расцветает субтропическая растительность, рождается тень, прохлада.

Следуя по одной из аллей к центру парка, мы вышли к искусственному озеру. На берегу расположены купальни, лодочные станции. Здесь проводятся спортивные соревнования по плаванию, академической гребле, по гребле на каное.

В воде было полно купающихся, поверхность озера бороздили лодки, и казалось, что совсем не осталось места для обитающих здесь черных и белых лебедей.

Вечера в Мендосе приятные, прохладные. Снова оживленно на улицах. Люди входят и выходят из многочисленных кинотеатров, прогуливаются

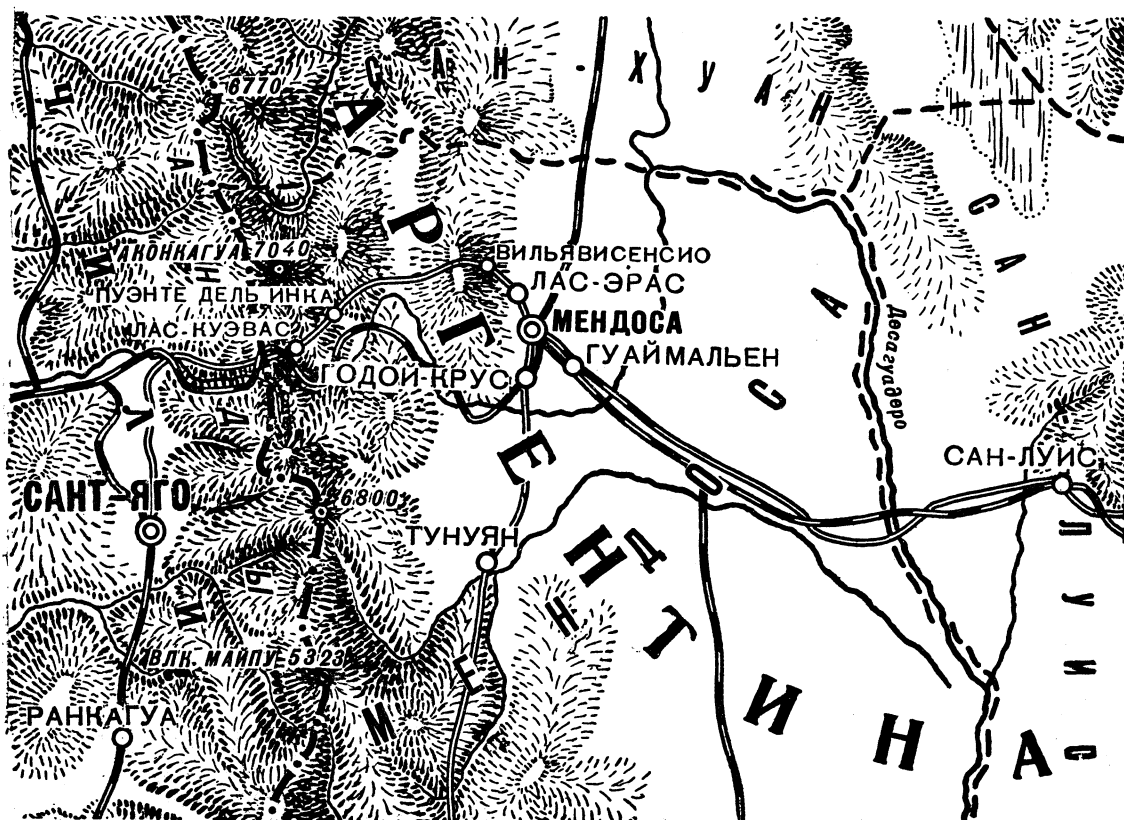
вдоль ярко освещенных витрин магазинов, останавливаются около уличного продавца попугаев-неразлучников, покупают у истошно орущих газетчиков вечернюю газету.

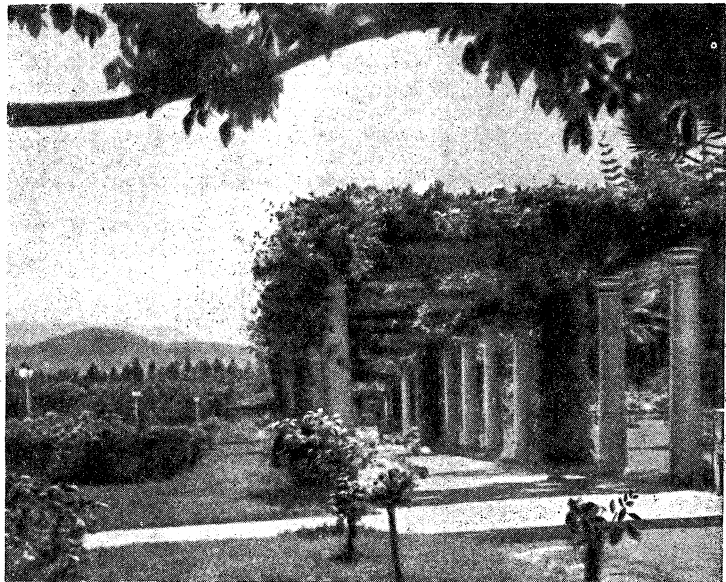
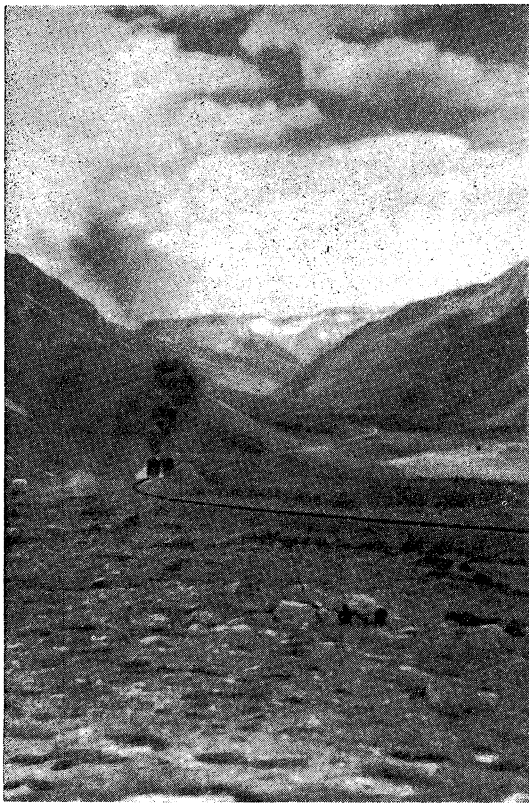
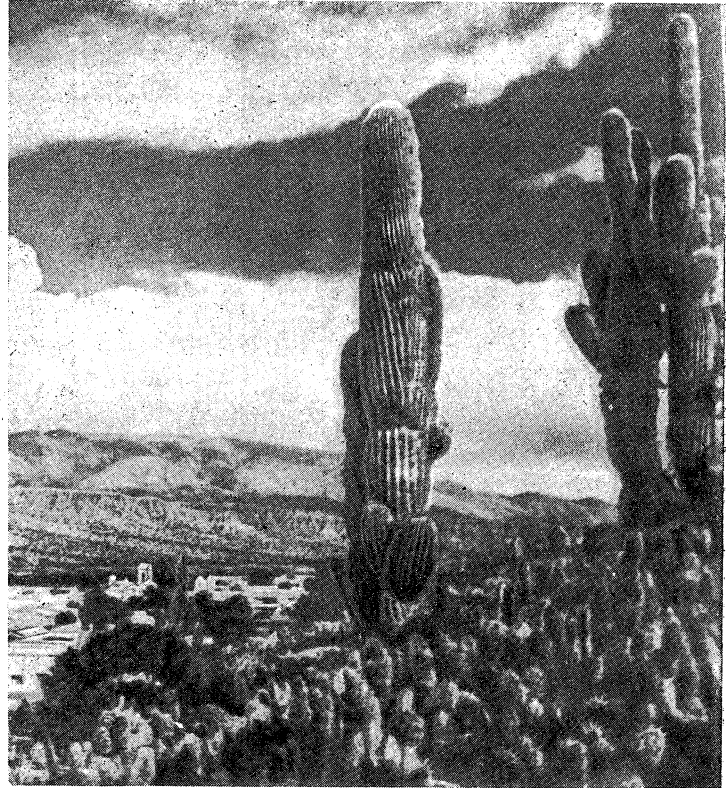
В кафе заняты все столики, вынесенные прямо на тротуар. Люди заполняют многочисленные городские скверы. Они невелики, но уютны.

На следующий день нам предложили осмотреть один из винных заводов. И вот мы на заводе «Бодега Бальбини». Осмотр начался с больших конусообразных чанов, расположенных под эстакадой. В них прямо с грузовиков сваливают виноградные гроздья, которые поступают затем в прессы. Виноградный сок перекачивается мощными насосами в бродильные чаны. Трудно даже назвать эти резервуары, рассчитанные на миллионы литров вина, чанами. Под большой крышей расположены ряды железобетонные сооружения длиной в добрый пролет солидного железнодорожного моста. Из верхних бродильных чанов вино поступает в нижние, расположенные на первом этаже. Весной все верхние чаны пустуют, лишь в нескольких нижних выдерживается многолетнее вино. В это время на заводах мало рабочих: ведутся лишь ремонтные работы, готовятся к приему нового урожая.

Мендоса дает почти $\frac{4}{5}$ всего вина, вырабатываемого в Аргентине.

На окраинах города насчитывается несколько винных заводов. На многих из них вырабатывают и олив-

С л е в а: сбор винограда в провинции Мендоса; железная дорога, идущая через Мендосу в Чили. С п р а в а: гигантские кактусы в долине Вильявисенсио; аллея роз в парке Сан-Мартин в Мендосе.

ковое масло. Нам показали огромные склады, где стояли заготовленные под масло жестяные банки.

Из Мендосы в магазины страны и на экспорт вывозится ежегодно также до пяти миллионов килограммов свежих маслин.

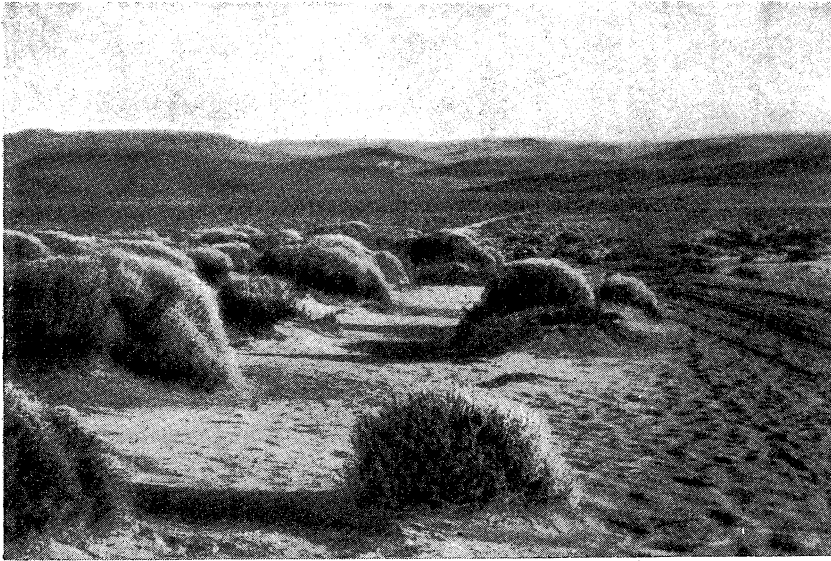
Аргентинцы не привыкли к сливочному маслу и совсем не знают топленого. Мясо, рыба — все жарится

на оливковом масле. Маслины плавают в супе, маринованные маслины — обязательная часть гарнира. Маслины бросают и в стаканчик с вином; допьешь вино, а на дне готовая закуска.

Мы осмотрели и один из стекловых заводов, расположенных тоже за чертою города. В предгорьях Анд нет недостатка в сырье для та-

ких заводов, производящих бутылки для вина и банки для различных фруктовых консервов и варений.

Возвращаясь в Мендосу, мы остановились в одном из загородных ресторанов, где по совету вчерашнего официанта собирались посмотреть, как же готовят по-аргентински. И вот мы увидели, как на огромных кострах стоят чаны с маисовой по-

Пампа у предгорий Анд.

хлебкой, а рядом над тлеющими угольями на решетках поджариваются неосвежеванные туши телят и быков, разрубленные надвое. Затем поджаренное мясо легко отделяется от шкуры и, разрезанное на большие ломти, подается на столы, расставленные тут же в тени деревьев или под виноградными лозами, выщипываясь по высоким решеткам.

Над кострами или грудями догорающих углей воткнуты в землю крестовины с распятыми на них тушами овец. С поджаривающихся туш капает жир, его собирают в плошки, затем на нем готовят известные нам «эмпанадос».

На эстраду вышел ансамбль национальной песни и пляски.

Под аккомпанемент гитар молодая пара то стремительно бурно, то лирически плавно и грациозно танцует

любимый танец аргентинцев самбу. Костюмы певцов и танцоров напоминают одновременно одежду и индейцев и испанцев. Белые узкие повязки на головах женщин, яркие расцветки одежды — от индейцев, плащи и широкополые шляпы, надетые поверх маленькой вязаной шапочки, закрывающей волосы и уши от пыли, — от испанцев.

Вот по сцене, отчаянно звеня шпорами и размахивая лассо, пронесся в безудержном танце гаучо.

Жизнерадостный народ Аргентины любит музыку. Особенно много веселья, танцев, смеха и пения в дни «праздника винограда», которым осенью, в марте, заканчивается сезон сбора. Праздник винограда — это большое торжество. Избирается королева, по нарядным улицам Мендосы движутся карнавальные шествия, выступают певцы и танцоры.

Выйдя из ресторана, еще полные впечатлений, мы отправились в зоологический сад на крутом холме за

парком Сан-Мартин. Он очень богат, в нем собраны представители животного мира самых различных частей земного шара. В огромных загонах для медведей, тигров, оленей и других животных воспроизведены природные условия тех мест, откуда они вывезены. Даже для орлов построен вольер таких размеров, что птицы могут свободно парить в нем над искусственными утесами.

Но на этом холме, как нигде, ощущается недостаток воды. Жалко смотреть на белого медведя, с отчаянием бултыхающегося в теплой, непроточной воде.

В двух километрах западнее, на «Холме славы», воздвигнут гигантский памятник, увенчанный символической фигурой Аргентины: женщины, высоко поднявшей руки с обрывками цепи.

Памятник воздвигнут в честь генерала Сан-Мартина, под руководством которого в начале XIX века около Мендосы была создана «Армия Анд», изгнавшая в 1817 году испанцев из Чили, а в 1820 году и из Перу, чем фактически и завершилась борьба за освобождение Аргентины из-под ига испанского владычества.

Об этом периоде сложено много легенд.

Жители Мендосы любят рассказывать о том, как жены состоятельных горожан пожертвовали Сан-Мартину личные драгоценности на оснащение войск. Но почему-то мало рассказывается о героических делах добровольцев — гаучо, проливавших кровь за свободу своей родины. Нет их и среди скульптурных групп памятника рядом с генералом Сан-Марином, изображенным ниже фигуры, символизирующей Аргентину.

К А Н Д А М

На следующий день мы встали чуть свет. Нам предстоял дальний путь — по местам, где проходила армия Сан-Мартина.

В окрестностях города много памятников на местах стоянок и бивуаков «Армии Анд», особенно в пригороде Лас-Эрас.

Отсюда армия Сан-Мартина по руслу пересыхающей речки Мендосы, вдоль рек Лас-Кузвас и Успальята двигалась в Анды. Теперь здесь проходят шоссе и железная дорога, ведущие в Чили. Участок этой дороги до границы с Чили — излюбленное место для туристских поездок и походов.

Шоссе сначала идет по равнине, автобусы быстро мчатся по гладкому асфальту. Но вот дорога сворачивает круто влево, на запад, и сразу начинаются горы. Кончается асфальт. Едкая пыль от щебенки проникает, кажется, до самых костей. Непрерывными виражами дорога взбирается все выше и выше.

В предрассветной мгле ничего не видно за тучами пыли, поднимаемой

Пейзаж в Андах.

вереницей автобусов. Подъезжаем к зеленой долине Вильявисенсио в 50 километрах от Мендосы. Здесь находится богатый минеральный источник и курорт, хорошо известный в Аргентине. Пока что высота невелика — около 1 800 метров, но впереди крутой подъем, лента дороги зигзагами уходит вверх по почти отвесной скале. Меняется растительность. Зеленая поросль и деревья уступают место огромным кактусам, похожим на гигантских гусениц. Цветы кактусов необычайно красивы, всех тонов и оттенков: от солнечно-желтого до пурпурно-красного.

Становится чуть светлее. Во время подъема от Вильявисенсио в автобусах царит напряженная тишина. Где-то внизу, на дне пропасти глубиной в добрый километр, видны красные точки крыш.

Наконец виражи становятся менее крутыми, к путникам возвращается веселье. Водители спешат попасть на вершину перевала к моменту восхода солнца.

Но вот остановка. Все пассажиры выходят полюбоваться внезапно открывшейся панорамой. Внизу лучи солнца еще не озарили долину, а здесь, на высоте 3 тысяч метров, невозможно смотреть на его огненно-красный диск, поднимающийся на востоке, за Мендосой. А впереди — высокая гряда Западных Анд с вершинами, покрытыми вечными снегами, которые сейчас окрашены в нежно-розовый цвет. Мы на перевале через Восточные Анды, в 75 километрах от Мендосы.

Дальше начинается плавный тридцатикилометровый спуск на узкое и очень длинное плато, разделяющее Восточные и Западные Анды на всем их протяжении. Снова появляются зелень, деревья. Масса прудов, небольших озер, над которыми склонились огромные плакучие ивы. Вода, стекающая со снеговых вершин, скопленная здесь на плато, носящем в этом месте название Успальяты.

Снова селения, пастбища и обязательно отели и туристские базы. Отсюда отправляются на штурм снеговых вершин альпинисты. А пассажиры, плотно позавтракав в отеле компании «Пуэнте дель Инка», снова усаживаются на диванчики автобусов, забыв о пережитых на рассвете волнениях.

Некоторое время шоссе идет вдоль высоких берегов реки Успальяты, затем поворачивает в долину реки Мендосы, к месту ее слияния с Успальятой. Пойма Мендосы широка, но сейчас река мелководна, хотя и стремительна, как любой горный поток.

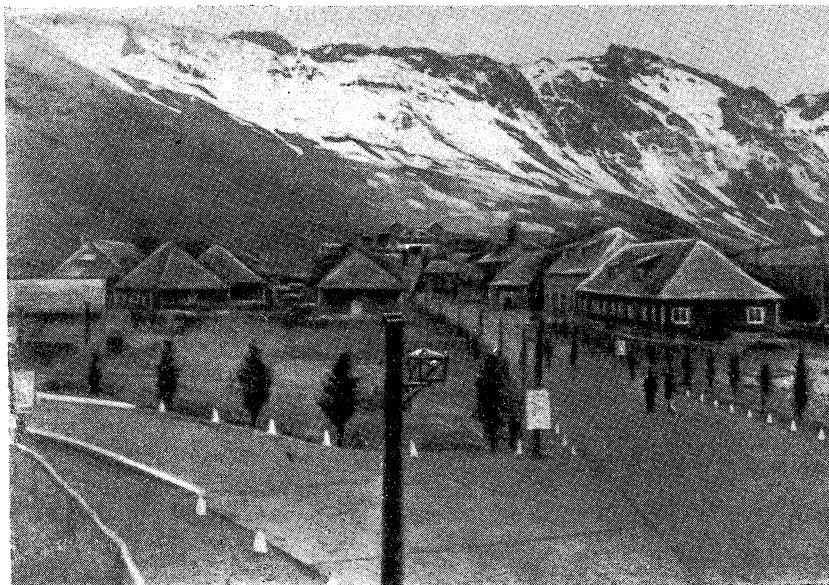
Все выше и выше вздымаются мрачные, обнаженные скалистые гребни, опять пропала растительность. Изредка видны мелкие кактусы.

Минуем горбатый мостик, сложенный еще во время похода «Армии Анд» для перевоза пушек через ручей, вливающийся в Мендосу.

Затем слева, на другом берегу реки, появляется и линия железной дороги, ведущей в Чили.

Дорога эта строилась 26 лет. Нелегко было преодолеть неприступные скалы, горные потоки. Целые участки пути приходилось прятать в специальные железобетонные коридоры, а выше, в районе снегов, строить временные и постоянные заграждения от снежных обвалов. Во многих местах дорога буквально просверливалась сквозь толщи гор.

Ущелье постепенно сужается. Железная дорога то и дело скрывается в тоннелях. Затем и шоссе, плотно прижавшись к отвесным скалам, уходит в гулкие тоннели. Подъем шоссе относительно небольшой, но крутизна пропасти слева все увеличивается. В стороне осталась долина Мендосы. Железная дорога, идущая параллельно шоссе, несколько раз пересекала реку Лас-Куэвас.

Изредка мимо мелькают глинобитные или сложенные из неотесанного камня хижинки. Большинство из них наполовину развалилось и необитаемо. Когда-то в них усталый путник мог найти ночлег, а порою даже и запас пищи и топлива, чтобы развести небольшой огонек, согреть пяточку для чая, приготовляемого из листьев йерба-мате.

Сейчас в таких хижинах иногда ютятся семьи иммигрантов-итальянцев или обедневших гаучо, не нашедших себе работы в пампе. Здесь такие горемыки зарабатывают себе на хлеб, заправляя водой радиаторы останавливающихся машин, работая на ремонте шоссе или железной дороги.

Резче и холоднее становится ветер. Местами на склонах гор лежат языки снега. Неподалеку, на дне каменистого ущелья есть небольшое кладбище. На нем похоронены альпинисты, погибшие при восхождении на высочайшую гору Западных Кордильер Аконкагуа, высотой в 7 040 метров.

Очередная остановка у «Пуэнте

дель Инка». В переводе это название означает «Мост инков». В давние времена здесь проходила тропа индейцев. Река и горячие источники пробили себе путь под этой тропой, и таким образом образовался 50-метровый естественный мост.

Воды источников содержат много солей. Перед впадением в реку у «Моста инков» они образовали небольшие гроты. С их сводов свисают сталактиты причудливой формы.

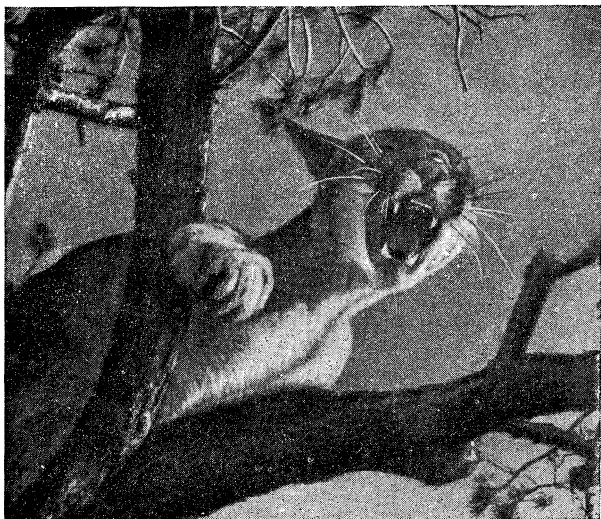
От моста начинается самый крутой на всем участке подъем. Впереди снеговые вершины. На виражах даже маленькие автобусы не могут сделать поворот с хода. Вперед — назад, вперед — назад, и только потом можно ехать. В автобусах снова воцаряется молчание. А привычные к этому

Поселок Лас-Куэвас недалеко от границы с Чили.

трудному пути шоферы, подняв запыленное ветровое стекло кабины, согреваются горячим чаем «мате», посасывая его через тоненькую серебряную трубочку из маленькой тыковки. Тыковка зажата в левой руке, а правая уверенно ведет автобус: вперед — назад, вперед — назад... Поворот позади, позади и 202 километра пути. Под ногами уже снег. Пронизывающий ветер обдаёт путешественников ледяной крупой. Проехали поселок Лас-Куэвас. Дальше и выше уходит шоссе, но там граница, другая страна — Чили.

Наше путешествие окончилось. Мы пересекли пампу, провинцию Мендоса, и теперь здесь, на высоте 3 150 метров, находимся на крайнем западе Аргентины.

Снова усаживаемся в автобус и начинаем головокружительный спуск по уже знакомой нам дороге вниз, к Мендосе...

ЗА СЕРЕБРЯНЫМ ЛЬВОМ

На огромной территории, от Канады до Патагонии, встречается пума — «серебряный лев», как ее здесь называют.

Охотники северных лесов и пастухи южноамериканских памп ожесточенно преследуют эту большую дикую кошку серебристо-серого или красновато-коричневого цвета, являющуюся одним из самых страшных врагов скотоводов.

Пума считается чрезвычайно опасным и вредным хищником, охота на нее разрешена круглый год, а в США даже выдаются премии за каждое убитое животное. Подсчитано, что в среднем одна пума ежегодно уничтожает 60 овец, 100 диких коз и 12 быков, не считая более мелких животных.

Мягкими, бесшумными шагами подкрадывается огромный, более двух метров в длину, хищник к своей жертве. Большие сильные лапы уверенно хватают добычу. Пума отличается исключительным проворством и неутомимостью. В патагонских пампах, на крайнем юге Аргентины, она легко настигает даже страусов нанду, которые славятся быстротой бега.

Живых пум охотно покупают для зоопарков и зверинцев. Для их поимки применяются особые способы охоты.

Несколько дней, а то и недель охотники гонятся со сворой специально выдрессированных собак за пумой, стараясь вымотать ее силы и загнать на дерево — последнее убежище зверя. С дерева животное снимают с по-

мощью лассо. Охотники за этим хищным зверем должны уметь метко бросать лассо, для того чтобы опутать яростно сопротивляющегося «серебряного льва» крепкими ремнями за лапы и шею. На нижнем снимке: пума, пойманная с помощью лассо.

**На суше
и
на море**

ПОПУГАЙНЫЕ ТЮЛЬПАНЫ

Ровными длинными рядами стелются плантации декоративных луковичных растений в Голландии.

Вот участок, занятый тюльпанами. Каких только нет здесь красок! Темные, почти черные цветки сменяются ярчайшими красно-оранжевыми. Рядом с ними — чудесные бледнофиолетовые, окаймленные серовато-белой полосой крупные цветы. А дальше блестят на солнце, как высокогорный снег, белые тюльпаны, называемые «ледник».

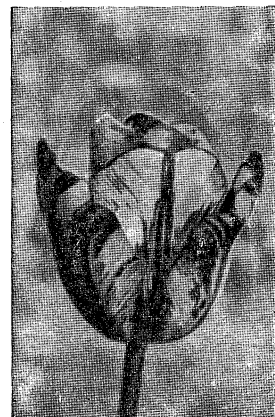
Интересны тюльпаны «хамелеон». Каждый год, в соответствии с возрастом, они меняют свою окраску.

Особенно выделяются «расписные», или «попугайные», тюльпаны. Они отличаются художественным сочетанием красок. Их разрезные лепестки прихотливо закручены. Один из лучших в этой группе — цветок с красными полосами на белом фоне — поражает своим изяществом. Он назван в честь великого голландского художника «Рембрандом».

Интересен способ выведения попугайных тюльпанов.

Садоводы давно уже заметили, что изменение

окраски цветка иногда вызывается особым вирусом, который переносится вредителями растений — тлями. Развитие тюльпанов, зараженных этими вирусами, замедляется.

Чтобы ослабить его действие на тюльпаны, вирус предварительно впрыскивают крысам или кроликам, из крови которых вырабатывается затем особая сыворотка, которую «прививают» цветам.

Этим «ослабленным вирусом» и заражают тюльпаны. Он безвреден и уже не влияет на развитие цветов, но попрежнему изменяет их окраску. Так создаются красивые попугайные тюльпаны.

ПТИЧИЙ „ГОРОД“

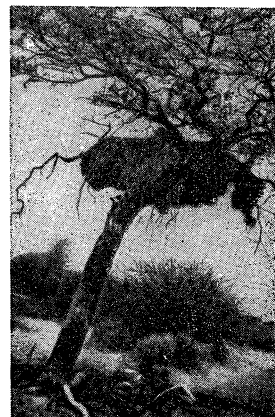
На сучья мимозы с широкой развесистой кроной и плоским стволом как бы накинута большая соломенная циновка. Это жилище общественных воробьев, которые водятся в Юго-Восточной и Центральной Африке.

По внешнему виду общественные воробьи почти не отличаются от обыкновенных. Они чуть больше, чернобурого цвета, с сильными лапками. Живут они обществами, откуда и получили свое название.

Сначала стая воробьев строит из травы и глины покатую крышу, снизу к ней лепятся отдельные гнезда. Иногда их под обшивкой кровли помещается до тысячи. Вес этого общественного жилища достигает нескольких центнеров.

В таких гнездах с общественными воробьями мирно уживаются и некоторые другие птицы, древесные мыши, ящерицы, змеи.

На снимке: гнездо общественных воробьев.

П. МУКЕРДЖИ

Рисунки В. Эльноина

85-миллионный народ, говорящий на языке бенгали, живет на территории республики Индии и Восточного Пакистана.

Земля бенгальцев опоясана кольцом гор, над которыми возвышаются мощные Гималаи. Берега ее омывают воды Бенгальского залива. Говоря словами поэта, она носит корону из снежных вершин, держит цветок апельсинового дерева в левой руке и мед в правой, а волны благозвонно стелются у ее ног.

На западе страны раскинулись гористые районы Чота-Нагпура и Ориссы. С Дарджилинга, с высоты 7 тысяч футов над уровнем моря, можно в любое время видеть величественные вершины Канченджанга, а в ясную погоду — даже далекую Чомолунгму. На востоке лежат невысокие горы Гаро, Ассамские и Читтагонские горы и Аракан-Йома. Внутри этого кольца гор лежит плоская равнина, орошаемая сотнями рек. К северу территория Бенгалии поднимается, что является результатом вековых аллювиальных отложений, относящихся к позднему геологическому периоду.

Очень большое значение для Бенгалии имеют реки, ее даже называют страной рек. До сих пор сохранился старинный обычай: девушки, сделав небольшие лодочки, пускают их по реке и поют:

О, Хэл, плыви сегодня,
но завтра вернись.
Пусть каждый год
вновь твоя лодка плывет.

Кто такой Хэл, неизвестно, вероятно, древнее первобытное

божество. Но обычай этот свидетельствует о многочисленных путешествиях, совершенных еще в незапамятные времена.

Бенгальцы — ранние мореходы. Во многих наших народных сказках говорится об их путешествиях. Они плавали на Яву, Суматру, Борнео и в другие районы юго-восточной Азии.

Ганг вступает на территорию Бенгалии с северо-запада и у Бехрампур разделяется на два рукава: один — Хугли — несет свои воды на юг мимо Калькутты; другой — Падма — течет по Восточному Пакистану. Брамапутра встречается с Гангом и Мегной около Ноакхали; в этом месте водное пространство так огромно, что с одного берега не видно другого. Через Западную Бенга-

лию проходят реки Дамодар и Рупнараян, которые летом обычно пересыхают, зато в период муссонов они текут бурно и выходят из берегов, заливая окрестные деревни.

Реки в Бенгалии широкие, быстрые и полноводные. Падма, известная своим быстрым течением и разрушительной силой, во время наводнений заливает и опустошает берега. Она заслужила прозвище «разрушительницы», ибо немало деревень, замков и отдельных строений было смыто ее непокорными водами. По всей стране течет немало других рек, больших и маленьких; так, район дельты Ганга изоброжден бесчисленными реками, речушками и каналами. Реки изобилуют самой разнообразной рыбой, а на юге кишат крокодилами. Речная рыба составляет главное блюдо на столе бенгальца.

О лодочниках бенгальских рек немало говорится в песнях, стихах, произведениях литературы. Лодочники Падмы явились создателями множества замечательных народных песен, названных «Бхатиджали», в которых описывается грусть расставания с родными сердцу перед плаванием и радость возвращения.

Лодки в Западной Бенгалии обычно маленькие и узкие. На Падме плавают большие парусные и весельные лодки с прекрасной резьбой и украшениями.

* * *

Как выглядит бенгальская деревня? Плоские поля, пересеченные по всем направлениям низкими загородками, отделяющими

Каменное блюдо для плодов манго.

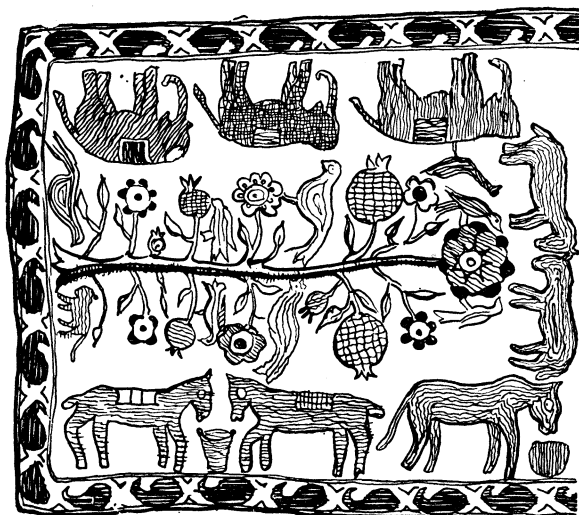
один клочок земли от другого. Группы маленьких каменных жилищ расположены беспорядочно, без всяких улиц. В деревнях растет много банановых, манговых и других фруктовых деревьев. Живописные бамбуковые заросли встречаются на каждом шагу. На берегах больших прудов и на дорогах обычно высаживаются кокосовые и финиковые пальмы. Дорога, окаймленная пальмами, — обычный образ в средневековой бенгальской поэзии. Девушка идет ночью на свидание со своим возлюбленным и пугается оттого, что темные тучи собираются у верхушек деревьев, заслоняют звезды, и она не может найти дорогу.

В Гималаях деревни рассыпаны по склонам гор. Домики здесь строят из дерева и камня, а в других частях Восточной Бенгалии — из бамбука.

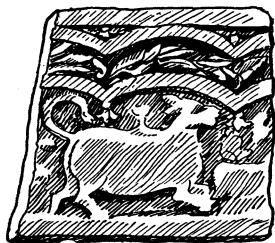
В период муссонных дождей поля залиты водой, и тогда сообщение во

Терракотовая куколка.

Бенгальская вышивка

Терракотовый барельеф.

Деревянный божок. Крестьяне на юге Бенгалии верят, что он защищает лесорубов от тигров и рыбаков от крокодилов.

тельных архитектурных постройках Могольского периода в Агре и Джайпуре. Форма эта использована также в архитектуре своеобразных бенгальских храмов.

Большая деревня обычно делится на районы, где живут люди, принадлежащие к одной касте. Существуют отдельные поселения браминов, ткачей, плотников, ремесленников, изготовляющих идолов. В маленьких деревнях жители занимаются обычно одним ремеслом. Есть целые деревни гончаров, кузнецов.

Жизнь в деревнях далеко не идиллична.

В бенгальской деревне издавна 70 процентов крестьян не имеют земли и нанимаются батраками или

становятся издольщиками. Способы возделывания земли здесь очень примитивны. Тощие волы тянут деревянный плуг.

Земледельцу приходится кормить иногда до 13 различных категорий эксплуататоров, от самых мелких до самых крупных. Голод и болезни веками царствовали в деревнях. В 1943 году более трех с половиной миллионов человек умерло от голода, и не потому, что был плохой урожай, а потому, что в связи с войной так поднялись цены, что покупать продукты не было возможности. Крестьяне опутаны долгами, и им приходится закладывать урожай ростовщику еще до того, как он собран, чтобы оплатить налоги.

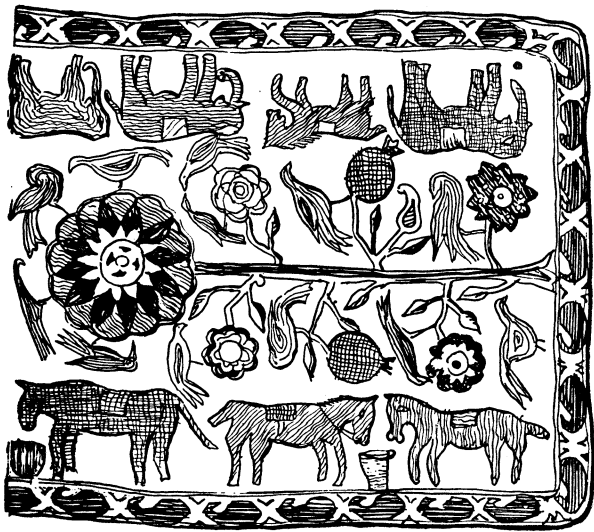

Ткач. С индийского рисунка.

многих местах осуществляется только на лодках.

Бенгальский домик с глинобитными стенами славится своей красотой во всем мире. От него пошло слово «бунгало», которое во многих европейских языках служит для обозначения особого типа одноэтажного здания.

Изысканный изгиб его крыши воспроизведен в мраморе в замеча-

«Кантха».

Деревянная
куколка.

* * *

Культура народа Бенгалии очень богата. Несмотря на трудные условия жизни, он сохранил жизнелюбие, которая находит выражение в песнях, танцах, празднествах и обрядах.

У бенгальцев много интересных празднеств. Когда домой привозят новый урожай, справляют праздник «наванна». Деньги на него собирают всей деревней.

В ярких красочных костюмах и масках крестьяне разыгрывают пантомимы и танцуют.

Гостей на этих празднествах угощают различными сладостями, изготовленными из кокосовых орехов,

молока и сыра. Бенгальские сладости славятся в Индии.

В Гамбхире (район Малдах) и Гаджане (Восточная Бенгалия) празднества посвящены Шиве, который в Бенгалии считается богом земледелия. Особую известность приобрели танцы, исполняемые на этих праздниках под аккомпанемент больших барабанов. Обычно танцоры надевают маски.

Мы уже упоминали о песнях лодочников. Существует много других видов песен, наиболее значительные из них «бол». Их исполняют бродячие певцы, которые ходят от деревни к деревне, прося подаяния. Хотя среди них есть и мусульмане и индусы, — это своеобразное сообщество

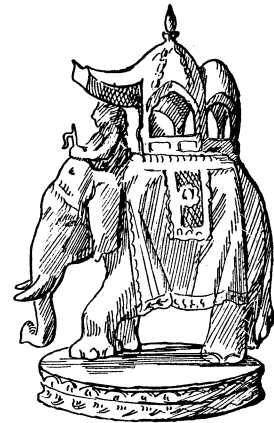
людей, отказывающихся признавать брахманов и мулл и не выполняющих никаких обрядов.

Странствуя из одной деревни в другую, они поют под звуки однострунного инструмента, сделанного из высушенной пустотелой тыквы. Слова и музыка этих песен прекрасны. В одной из них говорится:

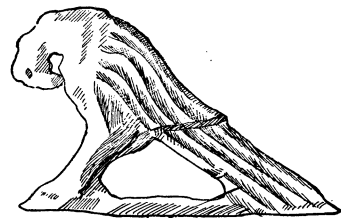
Слушайте, о братья-люди,
Человек выше всего,
Выше его нет ничего.

* * *

Переходя к декоративному искусству, следует прежде всего сказать о самых простых его видах. Это «алпана» — рисунки, которые по

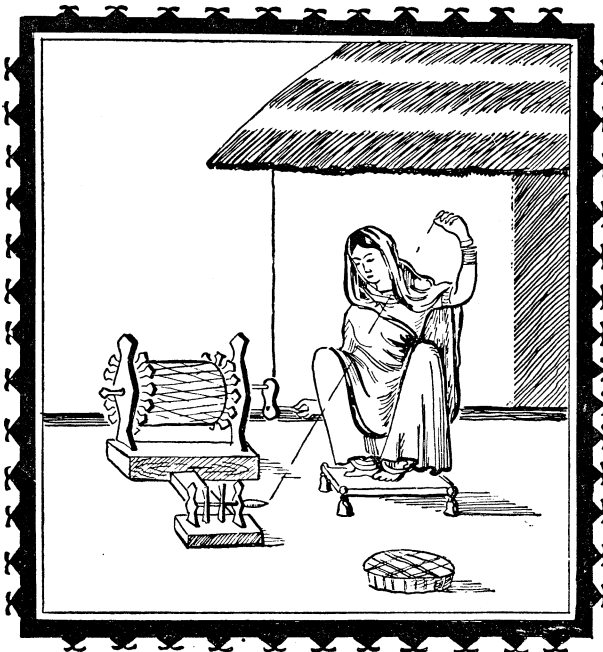

Шахматная фигурка из
слоновой кости.

Леденец в виде птицы.

Пряха. С индийского рисунка.

праздникам делают на стенах домов и на полу пальцем, макая его в пасту, приготовленную из истолченного риса и воды. Алпана изображают растения, примитивные человеческие фигурки, птиц, зверей, различные орнаменты.

Бенгальские многоцветные декоративные рисунки делают на кувшинах, на глиняных тарелках, на стенах, а также на кусках старой ткани, — они носят название «пата». Пата рисуют сцены из мифологии, из «Рамаяны» и «Махабхараты», эпизоды из местных легенд. Обычно это

Глиняная лошадка.

свернутые полотнища. Художник появляется на празднике и, медленно разворачивая картину, поет о том, что изображено на ней. В Калькутте с давнего времени создан центр школы художников, изготовляющих пата, — Калигхат. Художники делают рисунки не только на религиозные, но и на бытовые темы. Один известный калигхатский пата изображает, как муж наказывает свою жену за то, что она пытается подражать европейцам.

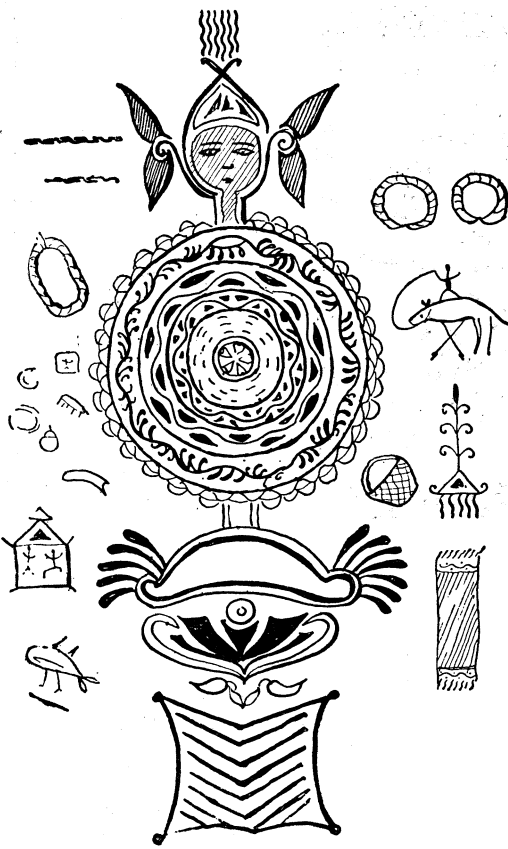
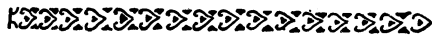
Бенгальские пата, выполненные в линейной манере, отличаются выразительностью, прекрасным сочетанием красок и свободой композиции. Они явились источником вдохновения для многих современных художников Индии, в том числе для величайшего из бенгальских живописцев Джамини Роя. Смелые, простые линии и сочетания красок для своих произведений он находил в народной живописи.

В Бенгалии разрисовывают также деревянные шкатулки, цветные игральные карты (в Бишнупуре).

Очень интересны бенгальские игрушки — обычно сделанные из глины или дерева фигурки людей, птиц, лошадей на колесах, тележки и колесницы. Они разрисованы очень красочно. Изяществом и красотой славятся глиняные фигурки из Кришнагара

Разнообразные узоры и изображения человека наносятся иногда на коврики, сплетенные из тростника и бамбука.

Глиняный кувшин.

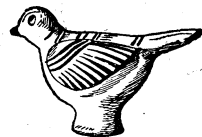

Алана.

Вышитые бенгальские стеганые одеяла известны всему миру. Это настоящие произведения искусства. Бенгальские крестьянки шьют их из нескольких кусков старой ткани. Цветную нитку для вышивки берут из каймы сари.

Вышивки не имеют определенного установленного рисунка — они различны. Ни один рисунок не повторяет другой. Вышивальщицы изображают сцены из народных сказок и

Расписная тарелка.

Глиняная игрушка.

местных преданий или создают растительный и геометрический орнамент. Такое одеяло, которое употребляют как накидку во время мягкой бенгальской зимы, похоже на изысканный гобелен.

Наряду с этими народными искусствами в Бенгалии есть высоко развитые ремесла, использующие более дорогие средства производства.

Дакка в Восточном Пакистане широко известна производством муслина. Эту ткань вывозили отсюда еще древние греки.

Дакка славится также филигранной чеканкой серебра и резьбой по раковинам.

Муршидабад и Берхампур известны своими шелками, резьбой по слоновой кости и медным литьем. В Бишнупуре великолепны ювелирные изделия из серебра и раковин и скульптуры из дерева. Кришнагар — родина бенгальской керамики.

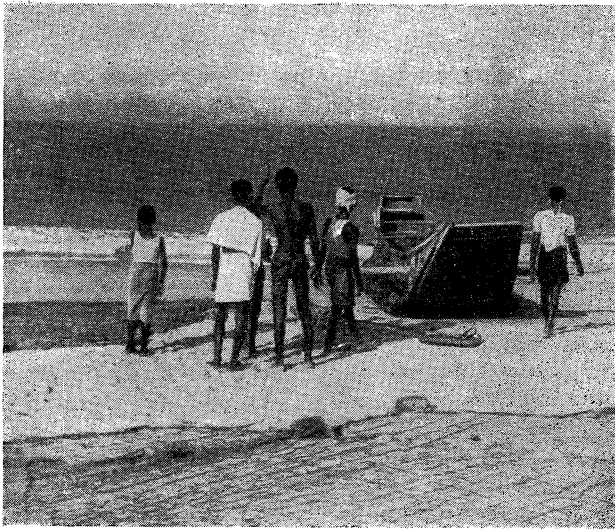
Ремеслами в Бенгалии занимаются обычно представители низших каст. Живут они в крайней бедности.

Женщины играют большую роль в искусстве и ремеслах бенгальского народа. Они ткут, рисуют, вышивают, они лучшие рассказчицы народных сказок. Блюда, которые они стряпают, тоже можно назвать произведениями искусства.

Часто, не получая поддержки, ремесла вымирают. Но сейчас в Бенгалии ставится задача придать народным искусствам новое содержание, использовать их в современной жизни.

Сосуд из глины.

СИНГАЛЫ

На синем фоне моря четко вырисовываются красные почвы и темная зелень Цейлона. К самой воде сбегают рожи кокосовых пальм с пышными кронами. Кое-где высятся стройные арековые пальмы, похожие на вертикально воткнутые стрелы; маленькие пучки их листьев колышутся при самом легком ветерке. По соседству с ними особенно массивными кажутся огромные стволы талипотовых пальм с их густой веерообразной кроной. В тени деревьев, где вьются узкие ленты дорог, прячутся бамбуковые хижины сингалов.

Основное население Цейлона — сингалы. Они составляют 5 из 8 миллионов жителей острова.

Сингалов, живущих в горах, называют еще кандийцами, по имени государства Канди, которое дольше всех сохраняло свою самостоятельность в борьбе с английскими колонизаторами.

Сингалы среднего роста, стройные, с правильными

чертами смуглого лица.

Длинные вьющиеся черные волосы мужчины закалывают большим черепаховым гребнем. Одежда мужчин состоит из белой или клетчатой юбки — саронга и куртки. Женщины носят белую кофту, а бедра обматывают куском пестрой материи.

Большинство сингалов живет в деревнях. Несколько хижин, крытых

пальмовыми листьями или соломой, окружено густой тропической растительностью.

Цыновки на земляном полу, маленькие круглые табуретки да посуда составляют все имущество бедной сингальской семьи.

За деревянной террасой расположены поля риса — основной культуры на Цейлоне. Сингалы возделывают также овощи, выращивают кокосовые пальмы, банановое, коричневое дерево и другие культуры.

Орудия труда крестьян чрезвычайно примитивны. Плуг у них деревянный, с железным наконечником.

После вспашки рисовое поле заливают водой. Затем воду спускают, а поле вспахивают еще раз. Посев и пересадку риса производят вручную, жнут серпом.

Большинство крестьян не имеет своей земли и вынуждено арендовать крошечные участки на кабальных условиях.

Чтобы не умереть с голоду, многим сингалам приходится наниматься батраками на английские

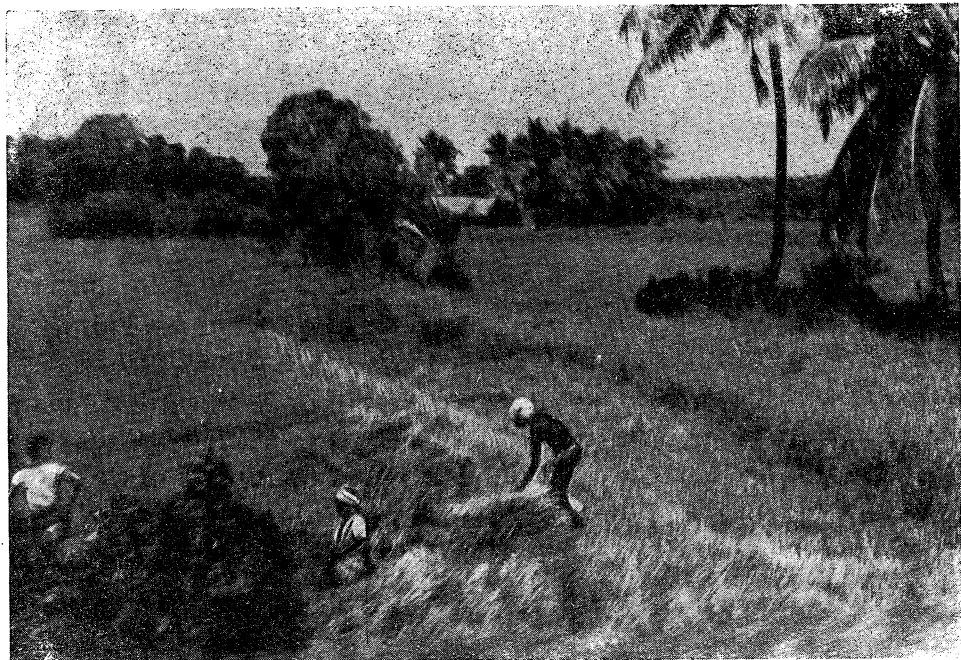

плантации. Больше половины каучуковых и почти две трети чайных плантаций принадлежит англичанам, которые жестоко эксплуатируют сингалов.

Крестьяне занимаются и ремеслами. В маленькой тесной камерке сидят двое: один вытачивает на примитивном токарном станке палки, другой с необыкновенной быстротой и ловкостью покрывает их тончайшей узорной резьбой. Около двери сложена готовая продукция: палки, чаши, фигурки слонов, птиц, шкатулки, игрушки.

В соседней мастерской старинным способом изготавливают книги для ламонжков. На столе перед мастером лежит кипа полосок, нарезанных из широких листьев талипотовой пальмы.

Пальмовые листья предварительно варят, потом скребут специальными ножами и шлифуют пемзой.

На берегу Индийского океана (вверху); уборка урожая (внизу).

После такой обработки по прочности и цвету они становятся похожими на пергамент. На полоски острым инструментом наносится текст. Готовые полоски накладывают одну на другую и прошивают витым шнуром.

Многие ремесла связаны с обработкой древесины и орехов кокосовой пальмы.

Прибрежные сингалы занимаются рыболовством. Они уходят далеко в открытое море на катамаранах — длинных узких лодках, выдолбленных из целого древесного ствола.

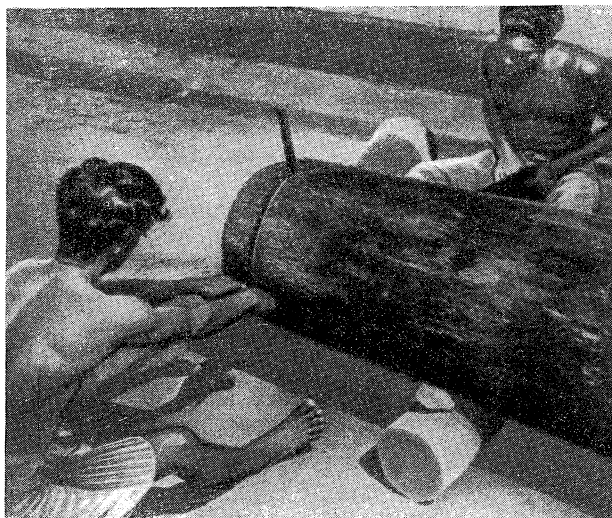
Для устойчивости к правому борту легкой лодки на двух шестах прикрепляется бревно. В катамаране на низких ска-

мейках могут поместиться три-четыре человека.

Надуваемые ветром четырехугольные паруса быстро несут катамараны к местам лова, где устанавливаются сети. Большую часть улова забирают владельцы лодок и сетей.

Иногда рыбу ловят на бечеву с крючком. Во время отлива рыбак входит в воду. Взмахнув над головой бечевкой, он далеко забрасывает ее и терпеливо ждет, пока рыба клонет.

Часто волна вырывает бечевку, валит рыбака с ног. Поэтому на отмелях устанавливают высокие шесты, стоя на которых сингалы длинными бамбуковыми удочками ловят рыбу и во время прилива.

Распиловка тикового дерева.

Сингальские дети.

ИНДЕЙЦЫ

С КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВОВ

«На каждый день в году здесь есть остров», — так говорят об архипелаге Сан-Блас его жители — индейцы племени куна.

Длинной цепью протянулись острова Сан-Блас вдоль атлантического побережья Панамы. Их около четырехсот. Издали кажется, будто множество пальмовых рожиц выросло прямо из синезеленых вод Карибского моря.

Ни одно крупное судно не подходит к островам: они окружены многочисленными рифами. Зато индейцы от зари до зари бороздят прибрежные воды в своих юрких каноэ.

Рано утром, вооружившись большими ножами — мачете, мужчины отправляются на материк. В лесах они охотятся, собирают плоды хлебного и мангового деревьев, бананы, апельсины.

На небольших участках, отвоеванных у тропического леса, в труднейших условиях куна выращивают маис.

Если буря и пощадит их урожай, то от диких свиней очень трудно спастись. Поэтому вечером несколько человек остается охранять посевы, а остальные, погрузив в каноэ собранные плоды, дичь и запас пресной воды в глиняных кувшинах, отправляются в обратный путь.

Охотника, которому удалось поймать игуану, ждет на островах особенно радостная встреча: из этой ящерицы готовят лакомое блюдо.

Вот и дом. Его бамбуковые стены перевиты лианами, крыша из пальмовых листьев. Вся семья рассаживается вокруг

огня. Веселым пламенем горит шелуха кокосового ореха — это главный вид топлива на островах. Неудобные блики играют на многочисленных украшениях женщин: поблескивают медные запястья, переливаются неярким светом ожерелья из монет. Оригинальные бусы издают приятный аромат: они сделаны из высушенных ягод.

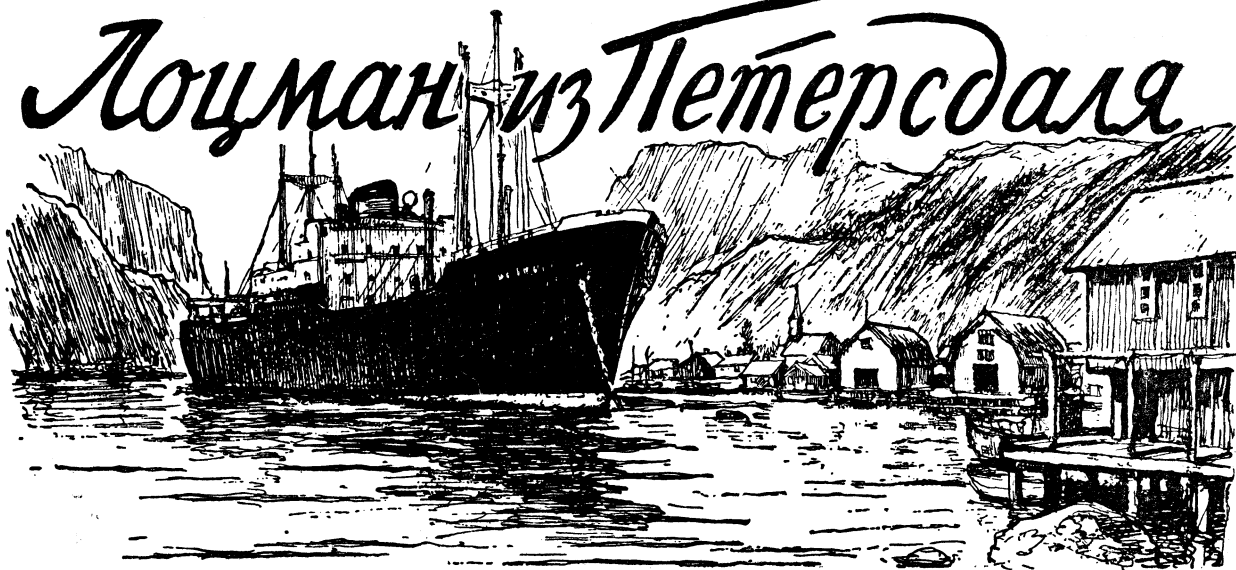
Женщины изготавливают свою одежду сами, так же как мужчины — свою. Ткань они выделывают из дикого хлопчатника, растущего на материке. Главное сырье для всех ремесленных работ на островах дает кокосовая пальма. Из волокон кокосового ореха женщины плетут гамаки, заменяющие кровати.

Изредка на острова заглядывают купцы с материка. На ножи, различную утварь, безделушки они выменивают у индейцев копру и изделия из скорлупы кокосового ореха.

Некогда индейцы племени куна жили в глубине материка. Постепенно колонизаторы вытеснили их на низкое, болотистое побережье Карибского моря, где они гибли от тропической лихорадки. Поэтому индейцы вынуждены были переселиться на крошечные островки Сан-Блас. Нелегко живется им на этих клочках земли: здесь нет места для посевов, мало пресной воды.

Лоцман из Тетерсдала

Рассказ

А. ПУНЧЕНОК

Рисунки П. Паулинова

1

Что ж, старый лоцман Иоган Мунк много поработал на своем веку. В молодости — давно уже — он принялся было считать, сколько довелось ему провести судов по родным норвежским шхерам и фьордам. За первые три года насчитал сто, аккуратно записывая название каждого судна, его национальность, порт приписки, водоизмещение, фамилию капитана. Когда же счет приблизился к тремстам, в толстой кожаной тетрадке стали появляться лишь самые краткие сведения: название судна да фамилия капитана. А после пятисот Иоган Мунк вовсе бросил это никчемное занятие. Одна трата денег на тетради.

И вот пришла старость. Прежде Иоган Мунк в любую штормовую погоду мог выстоять на мостике восемь, двенадцать часов, сутки. Теперь же спустя каких-нибудь три-четыре часа он просил принести табурет. Ревматизм! Острейшее некогда зрение тоже изменяло — иной раз глаза заволакивало туманом...

Четвертый год жил Иоган Мунк в Петерсдале оседло. Он проводил суда лишь в Петерсдаль фьордом, да и то поочередно с двумя другими лоцманами.

Жил Иоган Мунк вместе с сыном Генриком.

Каким бы ни был Генрик честным, прямым, старательным, нередко огорчал он отца. И все главным образом потому, что у младшего Мунка не лежало сердце к лоцманской профессии — к богатому отцовскому наследству. Да не только к отцовскому. Несколько поколений Мунков проводили корабли Петерсдаль-фьордом, накапливая приметы и знаки, по которым можно плавать в полной безопасности. Эти приметы хранились в тайне и передавались из рода в род. Во все времена старший

Мунк считался лучшим лоцманом в Петерсдаль-фьорде. Старый Иоган надеялся: имя Генрика Мунка тоже прославится на норвежском побережье. Он будет достойной сменой отцу. Но Генрик (ох, уж этот Ген!)... его влекло другое. Еще мальчишкой увязывался он за старым Олафом Хоконсоном промышлять треску. С годами эта страсть поостыла, и Ген нередко отправлялся с отцом проводить суда. А с прошлого года его опять потянуло к дому и мотоботу Олафа Хоконсона. Иоган Мунк знал, что влекло туда сына: у старика Олафа подросла внучка — красавица Стина (ох, уж эта Стина!). Работящая она и хозяйственная, но парень из-за нее, того и гляди, опять прибьется к рыбакам, и кончится тогда знатный лоцманский род.

Впрочем, Иоган Мунк давно составил хитроумный план, как удержать возле себя сына. Генрик едва ли не больше всего на свете любил ходить под парусами. Где паруса, там и он. Значит, Иоган Мунк должен построить для своего сына отличнейший парусно-моторный бот. Двухмачтовый! С топселями и надежным патент-рифом. В каюте будет электрическое освещение. Мачту украсит собственный вымпел. Они закажут в Тронхейме печатку: «Лоцманская служба в Петерсдале. Иоган и Генрик Мунк». Если захочет Ген отделиться, отец поставит ему новый дом. Железная крыша обойдется, конечно, дорого, но он не поскупится. Лоцману подобает жить в добротном доме. В норвежских фьордах лоцман — хозяин. Без него куда денешься? Только лоцманы по известным одним им приметам могут проводить корабли меж скал, островков да узкими проливчиками. Никакая сосна, стоящая одиноко на скале, не кивнет чужому человеку приветливо: «Сюда, мол, идите. Вот здесь нужно пройти курсом таким-то, а когда вон тот обрыв

(видишь светлое пятно на темном граните?) окажется у тебя на траверзе — ворочай!»

Что ни говори, лоцман есть первый человек в норвежских шхерах, столь изрезанных и запутанных.

Мало найдется на всем белом свете таких стран, где люди живут едва ли не на голых скалах да камнях. Норвежец вправе сказать: «Моя земля — это море». Маленькая страна Норвегия, а нефтеналивной флот ее самый большой и самый лучший в мире. Затерялась Норвегия на окраине северного полушария, а китобойные флотилии ее — самые многочисленные, круглый год промышляют в далеком океане южного полушария. Не всякий испанец знает, где находится Норвегия, но всякий во время строгих католических постов ест норвежскую треску и сельдь. Да, норвежцы живут дарами моря, и сколько там Генрик ни рассуждай, будто эти дары достаются одним богатым, которые наживаются на чужом труде, — ерунда! Иоган Мунк не наживался ни на чьем труде, но — хвала всевышнему! — старость поработавшего на своем веку лоцмана обеспечена, и все потому только, что он никогда не отказывался от работы — от самой трудной и опасной. Он честно зарабатывал деньги.

Таким мыслям все чаще предавался старый Мунк.

2

Той порой по поселку прополз слух, будто владелец рыбоконсервного завода, холодильника и посолочных складов Христиан Шанке прекратит скупку рыбы.

А в Петерсдале жили преимущественно рыбаки...

Да, слух, проползший по поселку с месяц тому назад, оказался правдой. Шанке закрыл склады. Не сов-

сем закрыл, он принялся переоборудовать их. И тогда рыбаки разгадали умысел заводчика, от которого во многом зависела судьба всех жителей Петерсдаля. Как и во времена гитлеровской оккупации, Шанке готовил склады для военных нужд. Наступали очень плохие дни.

К Христиану Шанке направилась целая делегация. Он принял рыбаков прямо-таки радушно: суетился, обносил всех кружками с пенистым пивом. Но никто не прикоснулся к кружке.

Старик Хоконсон, тот самый Олаф Хоконсон, которого знали на рыбных промыслах от Ставангера до Шпицбергена и мальчишки, еще не ходившие на промысел, и старики, давно переставшие рыбачить, потребовал: — Объясни нам, Христиан, что ты придумал?

Видно было, что Христиану не очень-то легко давать объяснения.

— Дедушка Олаф, — лебезил он перед стариком, — это распоряжение военных властей...

— А мы как же? Куда мы будем сдавать рыбу? Чем жить будем?

— Ах, куда? — криво улыбнулся Христиан Шанке. — Вы хотите знать, чем будете жить? Могут вас успокоить. Во-первых, на склад потребуются рабочие. Во-вторых, в Петерсдаль-фьорд будут приходить американские пароходы. Для их разгрузки понадобятся грузчики. Разве это не работа? Я намерен построить большой бар. Несколько человек смогут работать в баре. Американцы платят щедро. Возможностей много, очень много. Наш захудалый рыбацкий поселок превратится в порт...

— Мы всю жизнь ловили рыбу, — хрипло проговорил старик, — мы не умеем прислушиваться иностранцам.

— Это не трудно, — скрипуче засмеялся Шанке, — немножко вежливости, немножко расторопности.

Старый Олаф резко отодвинул кружку, пиво выплеснулось из нее, и по скатерти поползло желтое пятно. Дверь закрылась за ним тихо, с жалобным скрипом.

Все рыбаки вышли следом за старым Олафом. Шанке кричал им вдогонку:

— Жрать захотите — придете!..

Но и спустя три недели рыбаки не шли, не просили работы у Христиана Шанке, не кланялись.

Лавочник Маркус Хейберг перестал отпускать рыбакам в кредит даже ячменный кофе.

Едва ли не все чайки покинули Петерсдаль-фьорд. Здесь рыбаки перестали ловить рыбу, перестали ронять ее, очищая сети, и птицам нечем было поживиться.

Именно в это время пришло известие с маяка Верхний Петерсдаль. На внешнем рейде стоял большой американский пароход «Конго». Он требовал лоцмана.

Однако двое из трех петерсдальских лоцманов — Таусен и Трюгвессон — наотрез отказались вести иностранца. Оставался Иоган Мунк.

3

Ген застал отца за необычным занятием. Возле сарая, где хранились паруса, весла, трюсы и прочие принадлежности морехода, отец разбирал старый подвесной мотор.

Иоган Мунк зациклился мотором, конечно, не от скуки.

«Наверное, хочет продать мотор», — сообразил Ген и спросил:

— Кому он сейчас нужен?

— Подай дюймовый ключ, — буркнул отец.

— Я говорю: кому он сейчас нужен, этот мотор? Все сидят без работы.

— Дюймовый, — повторил Иоган Мунк, навинчивая обеими руками сразу две гайки. — Он лежит возле твоей ноги.

Ген поднял ключ, но не отдал его. Сам завернул гайки до конца. Сказал осторожно:

— Никому он и не нужен, твой мотор. Сколько дней люди не выходят в море. Никто не может продать фунта рыбы.

Не поднимая головы, отец ответил: — Мне нужен.

Отец выпрямился. Вытирая тряпкой замасленные руки, он долго в упор глядел на сына. Ген привык к пристальному и долгим взглядом отца. Ими он как бы заранее утверждал свою правоту и внушал: «То, что я скажу, сделать необходимо».

Но на этот раз отец смотрел на Гену слишком долго и сказал как-то не совсем уверенно:

— Мотор будет работать. На нашей лодке ты отвезешь меня на американский пароход.

Ген подмигнул:

— Значит, ты починешь мотор, выйдешь на внешний рейд, обойдешь раза два вокруг американца и... домой? Они полопаются от злости.

Жилы надулись на морщинистой щеке Иогана Мунка. Слово угрожая кому-то, он произнес глухо, едва разжав губы, коричневые и отвердевшие от частого пребывания на ветру и морозе:

— Я проведу американский пароход в Петерсдаль.

— Отец! — Ген вдруг понял. — Таусен и Трюгвессон отказались проводить янки.

— Тем лучше для нас с тобой, мальчик, — уже мягче проговорил лоцман. — Американцы заплатят вдвое больше обычного. И погода работает на нас. По сводке от зюйд-веста идет шторм. У них один выход — укрыться в Петерсдаль-фьорде.

— Ты хочешь пойти против всех? — Ген не мог больше скрывать горечи, что росла в нем. — Ты же знаешь: никто из наших не будет разгружать американский пароход.

— Я — лоцман! — глухо перебил сына Иоган Мунк. — Я — лоцман, и мое дело — проводить корабли. Остальное меня не касается.

О чем разговаривать дальше? Генрик хорошо знал нрав отца. Никто и ничто не помешает ему. Как задумал, так и сделает, ради того, чтобы снести в банк или спрятать в сундук лишнюю пачку денег.

4

Лоцману Иогану Мунку легко было догадаться, что в поселке уже все знали о его намерении.

Он повстречал двух мальчишек. Завидев Мунка, ребята бросились за

ближайшие вешала с разбросанными на них сетями.

Проходя мимо дома Марты Альфонсон — жены покойного приятеля, Иоган, как всегда, глянул в окно. Обычно Марта улыбалась и махала ему рукой, а сейчас окно было задернуто занавеской.

Иоган не решался больше смотреть по сторонам. И пока шел к дому Христиана Шанке, который обещал отвезти его на своем катере к американскому пароходу, и пока шел с Христианом к пристани, так ни разу и не оглянулся.

...Под бортом «Конго» Иоган Мунк сложил руки рупором и крикнул:

— Я — лоцман!

Ждать не пришлось. С парохода спустили шторм-трап. Вахтенный матрос помог лоцману взобраться на палубу и проводил его к капитану. Катер Шанке отвалил от борта.

Лоцман и капитан сговорились быстро. Американец только заметил: — Пятьсот — дорого, однако обстоятельства не в мою пользу.

Словом, все складывалось благополучно.

Но когда пароход снялся с якоря, Мунк заметил, что капитан и помощники следят за каждым его взглядом, записывают каждое его указание. Стоя у компасов, помощники брали пеленги, чертили схемы. Они изучали путь, по которому вел их лоцман, чтобы потом при необходимости ходить здесь самостоятельно.

Очень не понравилось это Иогану Мунку. Американцы задумали перехитрить его. Ладно, кто кого! Лоцман Мунк умеет охранять свои профессиональные секреты.

Он стал пристально всматриваться будто бы в какие-то важные знаки и приметы на скалистых берегах фьорда, похожих на громадные окаменевшие волны. Он отвлекал внимание американцев от настоящих, действительных примет.

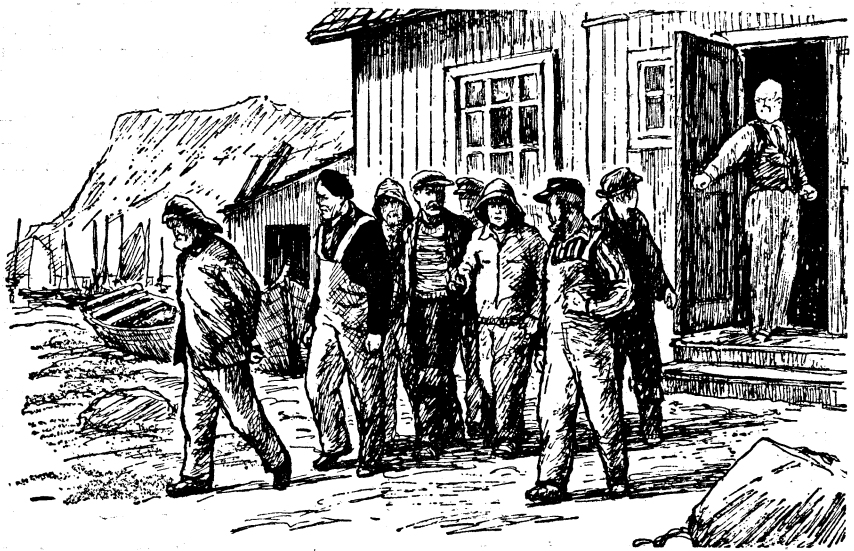
— Чортова дыра! — выругался капитан Стил.

— Да, сэр, плавать здесь трудно, — согласился лоцман. — Но места красивые.

Суровая северная природа не ласкает глаз обилием красок. Человеку из других широт здесь все кажется диким и унылым, однако у Иогана Мунка были свои понятия о красоте.

...Пароход приближался к трем островерхим скалам, выстроившимся в шеренгу, словно солдаты. Их так и прозвали: «Три солдата». В полную воду возле них сталкивались речное и морское течения, образуя водоворот. Завоеваешься — пропадешь. Закинет корму на меньшего «солдата» — и все! Был пароход — и нет парохода! Гляди в оба, лоцман! При встречных течениях на воде образуется «сулой» — белая пенная полоса.

Вот и сейчас впереди на зеленоватой, усыпанной солнечными бликами воде протянулась такая полоса. Разбе не красиво? Теперь надо застопорить машину, продвинуться по инер-

ции на два корпуса и, положив руль «право на борт», дать «полный вперед». Корму отнесет от скалы.

Иоган Мунк провел пароход возле «Трех солдат» так спокойно, словно здесь не существовало ни малейшей опасности.

Томас Стил приложил два пальца к козырьку:

— Благодарю вас, мистер лоцман, вы сделали это артистически.

Иоган Мунк уже сосредоточил свое внимание на другом. Справа по носу должна была открыться скала «Вдовушка Хильда» с одиноко торчащей сосной на ней. Красоту этой сосны Иоган Мунк не променял бы на все пейзажи с самыми роскошными основными лесами. Он знал ее во всех видах: накрытую белой зимней шапкой, обсыпанную молодыми светлогранными побегими, обмытую дождем, когда ствол становится внизу совсем черным, выше бурый и, наконец, почти красным. Если сосна, встречая Мунка, под натиском ветра клонила вершину влево, надо было командовать рулевому: «Держать пять градусов правее!» Вот что значила для лоцмана одиноко торчащая сосна на скале «Вдовушка Хильда».

Сразу же за поворотом пароход едва не уперся в каменную стену.

Гранитную скалу «Бараний лоб» с юга вымыло, отшлифовало волнами, а к северу она все больше и больше обрастала мхом. Ближе к солнечной стороне мох густозеленым, к теневой — постепенно бледнел, а с северной стороны был уже совершенно седым.

Едва показалась эта седина, Иоган Мунк командовал:

— Лево на борт!

«Конго» сделал последний поворот и вошел на внутренний петерсдальский рейд, похожий на большую чашу, обрамленную холмами и скалами. Несколько белых облачков висело над рейдом.

Капитан командовал: «Отдать правый якорь!» — и взял лоцмана под руку:

— Прошу вас сюда.

В штурманской рубке он подвел лоцмана к карте Петерсдаль-фьорда, какой Иоган Мунк никогда прежде не видел. К тому же вся карта была испещрена карандашными пометками. Помощники капитана во время этого перехода немало, видно, потрудились. Они подметили-таки несколько знаков, которые лоцман особенно держал в секрете.

— У меня к вам один лишь вопрос, — капитан разглядел загнутый угол карты.

Ну нет, старый лоцман не собирался отвечать на вопросы. Только этого еще не хватало — выдавать свои тайны. Иоган Мунк потянулся к пачке сигарет.

— Разрешите?

— Курите, — капитан придвинул к лоцману сигареты. — А вопрос следующий: почему вы повели нас юго-западным проходом, тогда как северо-западный менее опасный?

Иоган Мунк будто рассматривал марку сигареты, а на самом деле поверх нее изучал карту. Он ничем не выказал досады... Какая там досада! Злость закипала в нем. С незапамятных времен норвежские лоцманы накапливали опыт безопасного плавания в своих шхерах, создавали целые системы ограждений и были хозяевами шхер. Сам Иоган Мунк за последние годы тайком нарисовал на скалах Петерсдаль-фьорда десятка полтора знаков. И вот вам, пожалуйста! Пришли какие-то заокеанские прощелыги с новенькими картами, на которых напечатаны сведения о нескольких знаках, являющихся его собственностью. Обнаружили их, вероятно, два маленьких американских траулера, что заходили сюда в прошлом году, будто бы укрываясь от шторма.

Сейчас американцы не могли пройти без помощи лоцмана, но если их провести еще несколько раз, они изучат подробно фарватер и наплюют тогда на всех норвежских лоцманов.

Все же лоцман ответил капитану почти любезно:

— Видите ли, сэр, в навигационном отношении проход северо-западным фарватером легче, но там гораздо больше минная опасность, от которой вас не сможет оградить ни один лоцман.

Капитан воспринял это с нескрываемым удовольствием:

— О'кэй! Вы поступили благоразумно и работали отлично. Получайте положенное вознаграждение у моего старшего помощника, а потом прошу вас в кают-компанию к столу...

Нет, не пришлось норвежскому лоцману угощаться в кают-компанию американского парохода.

Старший помощник отсчитал Иогану пятьдесят новеньких бумажек достоинством по пяти долларов. Следовательно, всего 250 долларов.

— Мне полагается пятьсот, — напомнил лоцман, полагая, что американец ошибся.

Но тот похлопал Мунка по плечу и с наглой откровенностью рассмеялся:

— Не будем ссориться, старина. Я ведь заметил, как ты плутовал, отвлекая наше внимание от своих колдовских знаков. Это нехорошо. Мы друзья Норвегии. Так что получай, сколько дают.

Иоган Мунк не посмел даже выру-

гаться. Ведь он находился на чужом пароходе, в окружении чужих людей, обворовавших его сегодня дважды. Они разгадали часть секретных знаков на скалах — раз. Недодали ему половину заработанных денег — два... Да что там считать! Главное — из-за проклятого парохода он поссорился с Генриком.

5

Третий день и третью ночь свирепствовал шторм. Даже в хорошо защищенном высокими берегами фьорде вздымались настоящие морские волны.

Все боты и катера пришлось вытащить на берег, но и на берегу ветер вырывал из-под них подпорки и опрокидывал, словно озлобленный тел, что не дали ему расправиться с какими-то мелкими судами на воде.

Возле конторы Шанке сломало радиомачту. Ветер трепал обрывки снастей, вязал из них петли.

Низко над фьордом неслись темные тучи. Своими растрепанными космами они как будто хотели подмести все, что не сумел опрокинуть ветер.

На церковной башне, раскачиваясь от ветра, тревожно гудел колокол...

Третий день и третью ночь не было дома лоцмана Иогана Мунка.

Кто-то своими глазами видел его лодку с тарахтящим подвесным мотором возле скалы «Вдовушка Хильда».

Кто-то говорил, будто смотритель маяка, перебираясь через фьорд, выловил из воды фуражку с лоцманской эмблемой. Но этому верили немногие. Не такой человек Иоган Мунк, чтобы в неистовый шторм идти в море на лодке.

А следовало всем верить и тому, что старый лоцман побывал у скалы «Вдовушка Хильда», и тому, что ветер сорвал с его головы фуражку и бросил ее в воду...

Третий день и третью ночь в Петерсдале буйствовали пьяные американские матросы.

С наступлением сумерек жители поселка не решались выходить из домов. Это приводило американцев в еще большую ярость. «Вонючие трескоеды, селедочные головы!» — кричали они, завидев норвежцев.

Петерсдальцы терпели, сносили оскорбления. Но в последнюю ночь, когда шторм начал стихать, таможенный надзиратель Блудекс и Христиан Шанке подобрали возле старого посолочного сарая двух пьяных избитых американцев.

Утром Генрик Мунк, рассказывая об этом старому Олафу, загадочно улыбался, а старик, косясь на увесистый, перевязанный платком кулак Гена, в ответ ворчал:

— Ты, мальчик, поберег бы руки на другое, более полезное дело.

— Дедушка Олаф, — возразил Ген, — эти свиньи выбили у Марты Альфсон стекла.

— Ладно, ладно. — Старый Олаф медленно, с трудом поднял жилистую руку и потрепал волосы Гена. — А какие новости ты об отце?

— Ничего нового. Подвесного мотора в сарае нет, лодки на причале тоже нет. Он забрал два бидона горючего. Вероятно, ушел.

— В девятибалльный шторм?.. — Олаф Хоконсон вздохнул. — Нет, мальчик, твой отец никогда не терял головы.

— Он заработал и мог напиться, — Ген сидел, низко опустив голову.

— А как наши ребята? — встрепенулся старик. — Может быть, кто-нибудь передумал и теперь согласен разгружать американский пароход?

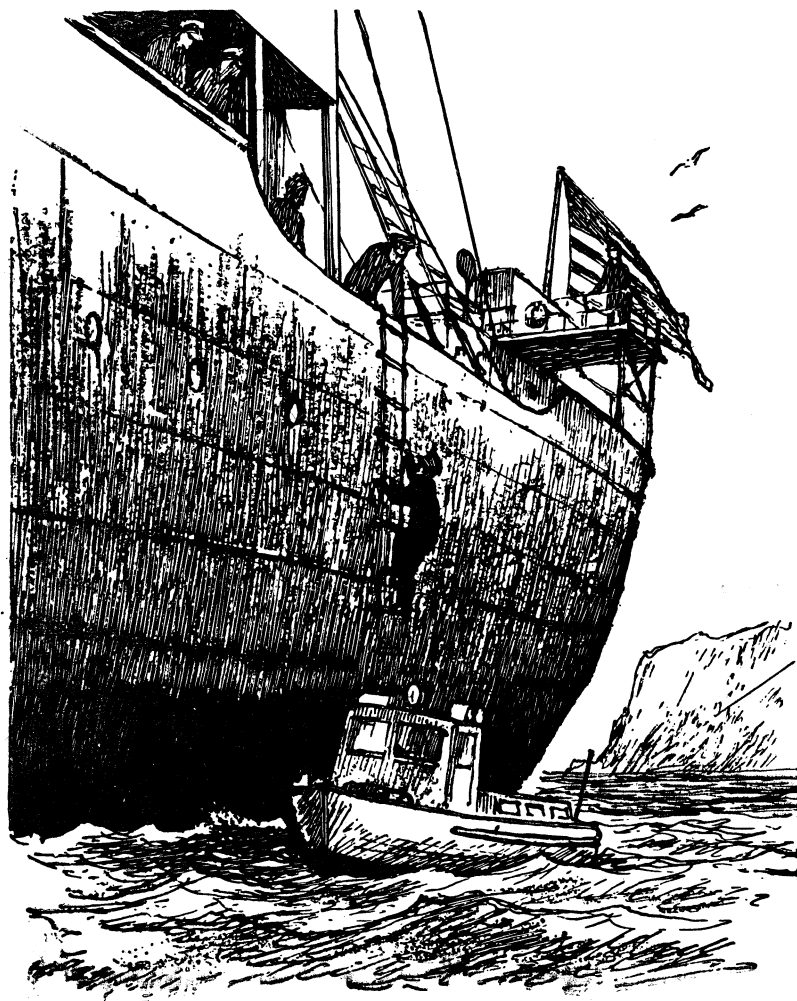
— Нет, дедушка Олаф, наши держатся крепко.

Раздался стук в дверь. Вошли Христиан Шанке и американский капитан Томас Стил. Оба очень вежливо поздоровались.

— Мы ищем лоцмана Иогана Мунка, — сказал Шанке. — Генрик Мунк, где твой отец?

Ген спрятал руки за спину. — Он служит у вас. Вам лучше знать, где он.

Шанке скрипуче захихикал, а капитан разразился потоком ругательства и с криком: «Я выведу «Конго» сам. Через час полная вода!» — исчез, хлопнув дверью.

Тогда Ген Мунк скрестил на груди свои кулачищи.

— Иоган — дурак, — сказал Шанке, — он мог заработать еще пачку долларов. Американцу с его грузом приказано перейти в Тронхейм.

— Уйди! — взревел Ген.

Шанке тоже исчез.

И вдруг издали донеслось тарахтение мотора.

Олаф Хоконсон приподнялся.

— Узнаешь? — спросил он.

— Наш подвесной мотор. — Ген подошел к окну. — Это возвращает-ся отец.

Старик вздохнул:

— Эх, Иоган Мунк, Иоган Мунк...

6

Велико было удивление петерсдальцев, собравшихся на берегу, когда они увидели, что произошло.

Навстречу лоцманской лодке кинулся катер Христиана Шанке. На катере находился и американский капитан.

Лодка и катер сблизились, застопорили ход. Между лоцманом и капитаном Стилом, видимо, происходили переговоры.

Затем катер направился к пароходу, а Иоган Мунк — в противоположную сторону. «Конго» сразу же снялся с якоря и ушел. Лоцман Мунк, сделав на рейде несколько кругов, последовал в отдалении за пароходом.

— Догонит, выведет, цену себе набивает, — сказал кто-то на берегу.

У капитана же Томаса Стила после разговора с лоцманом долго вздрагивали желваки на скулах. За вывод из этого чортова Петерсдаля норвежец запросил с него тысячу двести пятьдесят долларов и деньги — вперед! Произожди это на палубе «Конго» — Томас Стил показал им ему

доллары. Неотесанная деревяшка! Эка невидаль — пройти фьордом! Капитан Стил плавает тридцать семь лет по всем морям и океанам. Ходил не такими узкостями. А для этого плавания у него есть отличные пособия: новая лоция и карта, на которой дополнительно нанесено несколько рассекренных створов.

Расставив помощников на мостике, капитан строго распределил, за чем должен наблюдать каждый. Ни окрика, ни лишнего слова. Только из рубки доносилось пощелкиванье и беспокойное гуденье эхолота. Изредка помощники сухо и точно докладывали:

— Справа тридцать шесть! По нашему обозначению — знак «113».

— О'кэй!

Потирая руки, капитан проверял, все ли так. Все было именно так, все было хорошо.

Миновали уже несколько поворотных створов.

Но капитан лишь делал вид, что он спокоен. На душе у него скребли кошки. «Конго» имел одиннадцать тысяч тонн ценнейшего груза, принадлежащего военному ведомству. Малейшая оплошность, за которой может последовать порча груза, и капитан Томас Стил навсегда распрощается с морской службой. Какую осторожность следовало проявлять здесь! Как ненавидел он сейчас всех норвежцев, от мала до велика, и как жалел, что согласился итти в этот рейс.

Помощник доложил:

— Открылся створ «11». Нас догоняет шлюпка под мотором!

Капитан, взглянув назад, узнал и шлюпку с подвесным мотором и ее владельца-лоцмана. Значит, передумал норвежец, спешит, догоняет.

Пароход шел малым ходом. Лодка вскоре поравнялась с ним.

— Передайте повзору, — приказал капитан Стилу, — пусть приготовит ведро помоев. Если эта свинья приблизится к борту — окатить его.

Однако Иоган Мунк подошел лишь настолько, чтобы слышен был его голос.

— Капитан, — крикнул он, — я ошибся и неправильно назвал сумму!

Стил не удержался, достал из кармана несколько долларовых бумажек и показал их лоцману.

— Да, я о них и говорю. Я выведу вас, но теперь это стоит две тысячи плюс те двести пятьдесят! И подумайте хорошенько... Потом будет поздно.

— Дайте мне ракетницу, — приказал капитан. — Я всажу ракету в эту наглуемую физиономию.

Между тем с противоположного крыла мостика подбежал третий помощник, докладывая на ходу:

— Знаки, которые мы назвали

«трапециями», должны были открыться семь-восемь минут тому назад, а их нет.

Капитан поднес к глазам бинокль. Да, где-то здесь он сам видел окрашенные на скалах трапеции. Две. На передней, низкой скале была трапеция красная, на задней, высокой — черная. Их лоцман приводил на одну линию и вращал здесь на шестьдесят градусов. Теперь знаков нет! Поди разберись в этих чортовых нагромождениях скал.

— Стоп! — скомандовал капитан. Машинный телеграф проиграл свое мелодичное и строгое приказание механикам. Стил направился в рубку. — За мной! — коротко приказал он помощникам.

Да, вот они на карте — два знака и курсовая линия. Это подсмотренные лоцманские знаки. Куда же они запропастились в действительности?

— Дождем, что ли, их смыло? Ищите все! — приказал капитан. — Никуда пропасть они не могли.

Сквозь бинокли американцы обшарили глазами скалы.

— Нас сносит, — раздалось тревожное предупреждение. — Слева на траверзе банка!

Час от часу не легче. Капитан заметил собравшихся на палубе свободных от вахты людей. Лица у всех были мрачные.

Надо было действовать, и капитан почти наугад скомандовал:

— Малый вперед, руль право!..

Он очень удачно вышел на следующий створ, уже официально обозначенный на карте. Только легче от этого не стало. Помощники не нашли двух следующих створных знаков.

Капитан все чаще поглядывал на медленно отстающую шлюпку, в душе проклиная ее все меньше и меньше и соглашаясь заплатить все больше и больше. Тысячу. Даже полторы! Пароход приближался к «Трем солдатам».

— Какой болван назвал их так, — проворчал Стил.

Мысли его сосредоточивались на створах, знаках, подводных скалах и глубинах, обозначенных на карте, а безмолвные черные «Три солдата» нет-нет, да и возникали в воображении. Они словно стерегли выход в море.

Капитан Стил украдкой перекрестился и на всякий случай прочел про себя «Отче наш»...

Но неприятности начались тут же. Вахтенный помощник доложил:

— Нас отжимает течением влево. Капитан чертыхнулся, испортив этим установленные было хорошие отношения с богом.

— Пять градусов правее.

— Есть пять градусов правее! — повторил рулевой и, в свою очередь, доложил: — Здесь течение, судно плохо слушается руля, рыскает то влево, то вправо.

— Влево, вправо... — капитан уже ругался, поминая всех чертей и святых, а больше всего — норвежских лоцманов.

Солнце уходило за скалы, и по фьорду протянулись длинные фиолетовые тени. Пароход втискивался в них и снова выползал на свет. Лица людей окрашивались багровыми отблесками заката. А скалы, обращенные к пароходу своей затененной стороной, будто надвигались на него, страшные в решимости раздавить, уничтожить.

— Стоп! — приказал Стил.

Рулевой сразу же крикнул:

— Судно не слушается руля!

И тут капитану в один миг представилось, что происходит сейчас в глубине фьорда. Вправо и влево от «Трех солдат» протянулась по воде широкая полоса окрашенной закатом пены. То был «сулой». «Конго» попал в водоворот...

Пароход вздрогнул и закачался от удара по корпусу. Заскрежетало железо... Затем внезапно стало тихо. Видно, «Конго» основательно уселся на скалу.

А вдали, в исполосованном тенями фьорде покачивалась на зыби лоцманская лодка. Она будто таяла, растворялась в воздухе.

...Оплывшая свеча догорала. Громкий стук вывел Иогана Мунка из оцепенения.

Из-за двери доносилось:

— Иоган Мунк, открывай! Это я, Ларсен.

Слабое, дрожащее пламя свечи вырвало из темноты лица ночных посетителей — до странного чужие лица. За дверью стоял полицейский Ларсен, в стороне — группа рыбаков. Они угрюмо молчали.

Ларсен шагнул вперед. Отчеканил: — Лоцман Иоган Мунк, я получил приказание арестовать тебя. Ты обвиняешься в попытке потопить американский пароход «Конго».

— Входи, — отступил на шаг Иоган. — И не говори глупостей. Я все объясню.

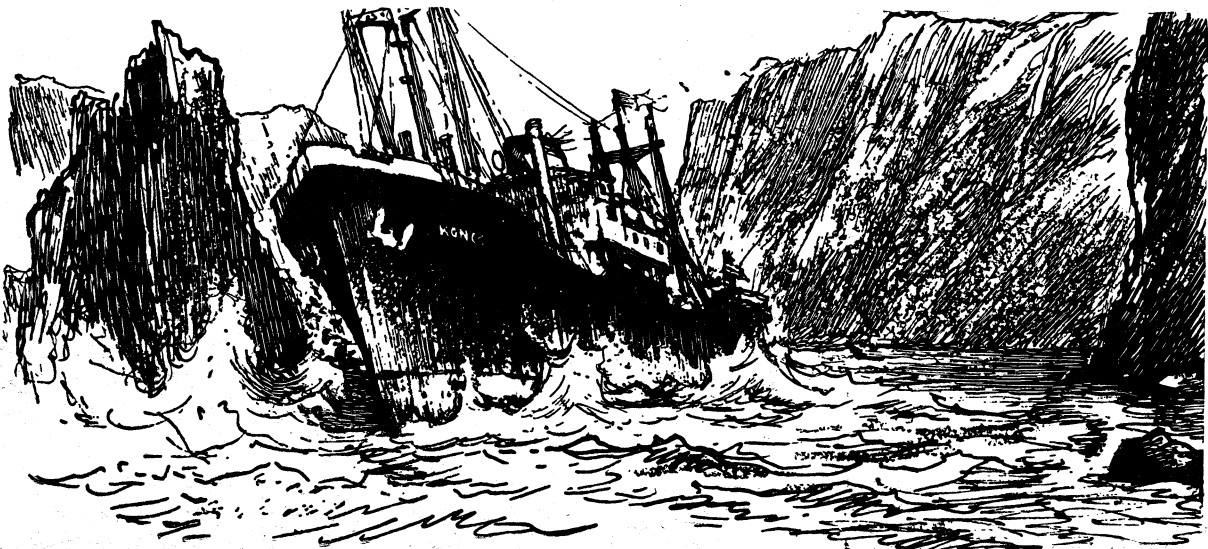
Но Ларсен не пошел дальше порога.

— Одевайся. Объяснять будешь, кому это надо, и там, где надо.

— Я хочу, чтобы ты понял это! — закричал Иоган так, что встревожил соседскую собаку и та неистово залаяла. — Я хочу, чтобы все поняли это. Янки — обманщики! Дедушка Олаф, — обратился он к старому рыбаку, — ты знаешь меня, я всегда работал честно, я выполнял свой долг. Я только стер мои знаки...

Тогда выступил вперед старик Хоксон. Он сказал слабым голосом, но слова его были тяжелыми:

— Ты всю жизнь думал только о себе. Не будь здесь «Конго», который ты привел к нам, не свалилось бы столько бед на наше селение. Твой сын Генрик пошел не в тебя. Подумай о нем и обо всех нас, твоих товарищах, Иоган, когда будешь сидеть за решеткой, подумай хорошенько...

ЧИТАТЕЛИ СТАРИННОЙ КНИГИ

(К 200-летию со дня смерти С. П. Крашенинникова)

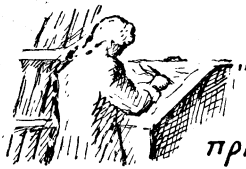
Н. ФРАДКИН,
кандидат географических наук

Рисунки В. Чернецова

та книга издана в середине XVIII столетия. Она озаглавлена: «Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук профессором...»

Многие люди на протяжении двух веков бережно перелистывали ее страницы. Она до сих пор живет в руках читателей, живет большой, прекрасной жизнью...

«Скорого
ради
приискания»

Одним из первых читателей этой книги был Андрей Иванович Богданов, шестидесятилетний библиотекарь Санкт-Петербургской Академии наук. Он составил предметный указатель к сочинению Кра-

шенинникова. Указатель получил обычное в те времена название: «Краткое изъявление вещей на книгу описание Камчатки, собранных по алфавиту скорого ради приискания».

В его указатель входило около четырех тысяч наименований.

Старый библиотекарь тщательно исполнял свою работу. Неторопливо выписывал он из книги и располагал по алфавиту дикие слова. И чтобы помочь читателю понять, чем интересно то или иное слово, прибавлял кое-где собственные пояснения:

«Аан — речка немалая, текущая из дальних мест».

«Аангич — птица, поющая на шесть тонов».

«Авача — речка, на которой заведено российское поселение».

Богданов старался не упустить в перечне ни одной примечательной подробности, о которой повествует книга. Это было не просто. Ведь в книге сообщалось обо всем, что можно увидеть на далекой земле Камчатке: об огнедышащих горах, о горячих ключах, о зверях, о рыбах, о птицах...

Двадцать две главы рассказывали о камчатских народах, девять глав — об истории Камчатки.

Все было интересно, и ничего не хотелось упускать.

«Животным имена странные даются для чего», «Зима великая, но умеренная где бывает», «Изобилие и недостаток Камчатки в чем состоит», — заносил в перечень Богданов.

Некоторые страницы книги привлекали особое внимание. Старый библиотекарь перечитывал их по многу раз. Ему так понравился, например, рассказ о морских котиках и образе их жизни, что на этот рассказ он занес с десятком ссылок в указатель:

«Коты морские звери», «Описание о них», «Откуда весной приходят», «Детей по скольку носят», «Ссоры и драки их», «Любовь и почтение между ними», «Рев их голосов», «Множество их где находится», «Ловля их».

К своему скромному труду составилитель указателя отнесся с любовью и старанием.

Они оба, и академик Крашенинников и книголюб Богданов, были людьми беспредельно преданными

отечественной науке, людьми из народа.

Богданов начал путь к знаниям в типографии. Ему уже шел четвертый десяток, когда он смог добиться разрешения посещать начальный класс академической гимназии. Он учился и был уборщиком библиотеки. И, наконец, стал библиотекарем Академии наук.

Богданов был знатоком русских летописей, составителем первого печатного каталога русских книг.

Оба они, и автор «Описания земли Камчатки» и составитель указателя к этому «Описанию», были современниками и друзьями Ломоносова.

Дело всей жизни

Многое могло вспомниться великому ученому М. В. Ломоносову в сентябрьский день 1751 года, когда ему из Петербургской Академии наук прислали на просмотр первые части рукописи «Описание земли Камчатки».

Юность. Московское Заиконоспасское училище. Скупно пропускают свет маленькие решетчатые окна старинного монастыря. Ученики, одетые в сермяжные кафтаны, переписывают гусиными перьями заданные упражнения по-латыни. «Несказанная бедность»... Изюм в день только хлеб и квас. В этом училище он и Крашенинников в разные годы начинали путь к науке.

Когда Михайло Ломоносов пришел пешком из Холмогор в Москву и был принят в школу, учение в ней Степана Крашенинникова

уже заканчивалось, и вскоре он в числе двенадцати лучших учеников был отправлен в Петербург. Там Крашенинников стал студентом Академии наук и был определен в Камчатскую экспедицию.

1743 год. Они встречаются в Петербургской Академии наук. Крашенинников только что вернулся из долгой экспедиции. Более шести лет он провел в Сибири и около четырех лет на Камчатке. Степено слушают академики в напудренных париках его рассказы о курящихся сопках, о горячих источниках, о виденных им морских зверях.

Кто мог предположить заранее, при снаряжении экспедиции, что первым исследователем Камчатки окажется этот молодой студент?

Трем академиком было предложено исследовать Камчатку. Один из них, де ла Кройер, числившийся астрономом, оказался человеком невежественным и непригодным к исследовательским работам. Двое других, ботаник Гмелин и историк Миллер, широко образованные ученые, немало сделали для изучения Сибири, но на Камчатку ехать не захотели. Они послали туда студента Крашенинникова, проявившего большие научные дарования за годы странствований по сибирским землям.

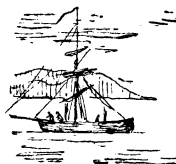
Так началась жизнь Крашенинникова на Камчатке. Он побывал на крайнем юге и на севере этого громадного полуострова, ездил на санях, запряженных собаками, плавал на парусной лодке по бурным рекам, испытывал жестокие лишения, голодал... И были выполнены работы, которые надлежало проработать целому академическому отряду.

Прошло два года после окончания экспедиции. На том же заседании академии, на котором Ломоносов был утвержден профессором, студенту Крашенинникову присвоили звание адъюнкта. К этому времени они уже стали близкими друзьями. Сколько раз потом приходилось им совместно обсуждать разные работы, совместно отстаивать свои научные взгляды в академии!

В 1750 году Крашенинников был утвержден профессором. На академическом заседании он произнес речь «О пользе наук и художеств в государстве». Крашенинников говорил о значении географии, математики, медицины, астрономии. Он излагал заветные мысли, свои и ломоносовские, о том, что все науки должны служить отечеству, что доступ к наукам должен получить люди из народа. «Простой народ за недостаток почитает не принимать в науках участия».

Ученые звания не избавляли от нужды. И постоянная борьба с ней подтачивала силы Крашенинникова. Все чаще он болел. Ему приходилось обращаться в академию с просьбами выдать несколько рублей в счет жалованья и пояснять при этом, что не отпускают в аптеке лекарства в долг.

Но ни болезнь, ни тяжелая нужда не могли воспрепятствовать ученому завершить дело всей его жизни, начатое в далеком крае, у тихоокеанских берегов. И вот на письменном столе Ломоносова лежат первые две части труда, которому суждено обессмертить имя солдатского сына Крашенинникова в истории отечественной и мировой науки...

На колымагах и кораблях

Книга Степана Петровича Крашенинникова вышла в свет уже после его смерти; он умер 25 февраля (8 марта) 1755 года, в день, когда был отпечатан в типографии последний лист рукописи.

Многие путешественники изучали книгу Крашенинникова, брали ее с собой в далекий путь. Она служила образцом географического описания страны.

Эту книгу взял в дорогу Иван Иванович Лепехин, выдающийся натуралист и путешественник

XVIII столетия, отправляясь в странствование по русским землям. Книга путешествовала с ним по волжским степям и по Уралу, по побережью Каспия и беломорским берегам

Книгу «Описание земли Камчатки» взял на корабль, отправляясь к русским берегам на Тихом океане, знаменитый мореплаватель Гавриил Андреевич Сарычев. Спустя полвека после Крашенинникова он побывал на Камчатке и, сравнивая увиденное с тем, что рассказывалось в книге, нашел разные перемены в жизни камчадалов (так называли тогда жителей Камчатки — ительменов).

При Крашенинникове ительмены считали, например, горячие ключи жилищами бесов. Они со страхом и недоумением смотрели, как безрассудный студент, один или вместе с кем-либо из местных казаков, купался в теплой воде ключей.

«Когда они [ительмены] увидели, что мы в ключах лежали, воду пили и мясо, варенное в них, ели, то думали они, что мы тотчас погибнем. По благополучном нашем с ними возвращении с превеликим ужасом рассказывали они... о нашем дерзновении», — так вспоминал Крашенинников свое посещение одного из горячих источников Камчатки.

При Сарычеве ительмены уже сами купались в горячих ключах. Около одного из таких ключей Сарычев даже наблюдал огороженные досками места, служившие людям вместо бани. В селениях камчадалов появились русские избы, ушли в прошлое некоторые старинные обряды. «Однако и теперь, — записал Сарычев, — не менее верят шаманам и мнимым делаемым от них чудесам». «...И ныне легко отдают купцам за безделицу соболей и лисиц».

Так книга Крашенинникова путешествовала по тем самым местам, которые в ней описаны. Побывала она и в других местах и в других странах. Крашенинников прошел за годы путешествия 25 тысяч верст. Книга его совершила путь, во много раз больший.

Заметки Пушкина

Петербург. Январь 1837 года. В рабочем кабинете Пушкина на письменном столе лежит книга «Описание земли Камчатки». Пушкин внимательно читает труд Крашенинникова. При чтении он делает заметки. Страница за страницей заполняется большая тетрадь. «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная, — пишет Пушкин. — Ветры почти беспрестанные обвевают ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев... Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности...»

Читая книгу, поэт словно воочию видит «Камчатскую землю» — течение ее рек, жизнь ее людей.

В свои заметки Пушкин внес и то, что река Орлова названа так потому, что около нее нашли орлиное гнездо на тополе, и то, что камчадалы ловят уток сетями, перетянутыми через реки. Записи Пушкина на первый взгляд отрывочные, не связанные воедино. Но, вчитываясь в них, можно понять, что не случайно появилась в тетради поэта каждая строка: он отбирал детали, примечательные факты, чтобы потом создать запоминающийся образ далекой удивительной земли. У него зрел замысел нового произведения.

«Камчадалы из приморской травы плетут ковры и епанчи, подобные нашим старинным буркам».

«Людей, ободранных медведями, называют камчадалы дранками».

«Отбитые мышей предвещает худой промысел — приход их есть важный случай, о котором повещается всюду».

«Камчадалы едят березовую крошеную кору с икрой и кладут оную в березовый сок».

Все это заметки из пушкинской тетради.

В этих заметках выписаны сведения о тридцати трех камчатских реках, в них можно прочесть и о том, что жители Камчатской земли «соль вываривают из морской воды», что климат полуострова «умеренный и здоровый», что «молния редко видима на Камчатке».

В заметках сказано о том, как объясняют камчатские племена явления молнии и грома.

«Гром, по их мнению, происходит оттого, что Кут [бог] лодки свои с реки на реку перетаскивает, или что он в сердцах бросает оземь свой бубен».

А молния происходит оттого, что «гамулы (духи) бросают из своих юрт горящие головешки».

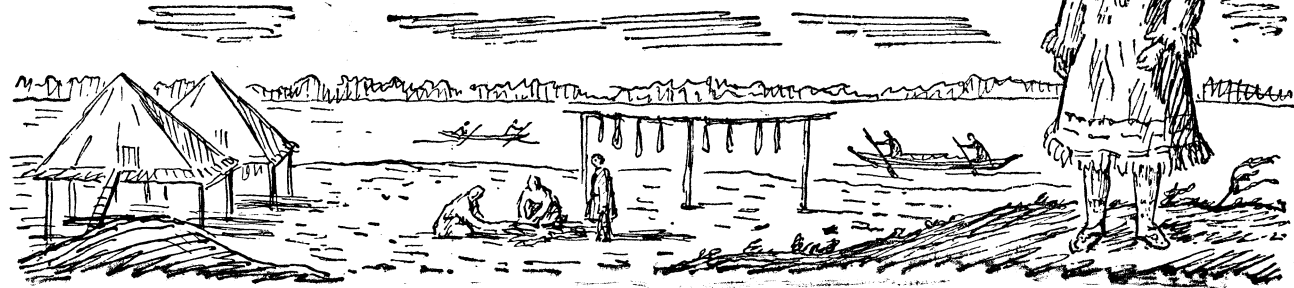
Заинтересовали поэта и сказки камчадалов. Он записал для памяти: «Смотри грациозную их сказку о ветре и о зорях утренней и вечерней».

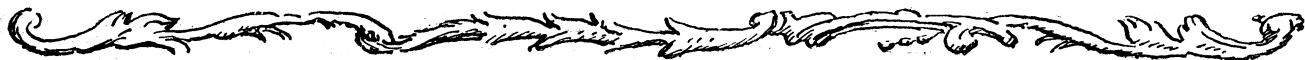
Приведем эту сказку в изложении Крашенинникова. В ней повествуется о Балокитге, духе ветра, и об его жене.

«Балокитг... имеет кудрявые предолгие волосы, которыми он производит ветры... Когда он пожелает беспокоить ветром какое место, то качает над ним головою, столь долго и столь сильно, сколь великий ветр ему понравится... Жена сего камчатского Боля в отсутствие мужа своего всегда румянится, чтоб при возвращении показаться ему краснейшею. Когда муж ее домой приезжает, тогда она находится в радости, а когда ему заночевать случится, то она печалится и плачет о том, что напрасно румянилась; и оттого бываю пасмурные дни».

Согласно поверью камчадалов, когда румянится жена Балокитга, тогда и появляется на небе румяная заря.

Тщательно и подробно Пушкин законспектировал заключительную

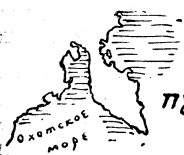

часть труда Крашенинникова, которая повествовала об истории Камчатки со времени появления на ней русских людей.

Известно, что еще 20 января он делал заметки о Федоте Алексеевиче Полове — первом русском человеке, побывавшем на Камчатской земле, и о «камчатском Ермаке» — Владимире Атласове...

...Спустя неделю Пушкин, затравленный придворной знатью и царем, трагически погиб. Среди книг, оставшихся на рабочем столе великого поэта, лежал и вдохновивший его на новый творческий замысел труд Крашенинникова — «Описание земли Камчатки».

Два путешественника

Прошло еще три четверти столетия. С палубы корабля смотрит на приближающиеся камчатские берега русский ботаник Владимир Леонтьевич Комаров. Он в своей жизни уже много путешествовал. Был в Средней Азии, видел земли Кореи и Маньчжурии, Саяны и Амурский край. Теперь впереди путь в «страну чудес природы» — так называет он Камчатку.

Прежде чем ехать, он прочел, пожалуй, все, что написано об этом крае, познакомился с географией полуострова. Старинный труд Крашенинникова стал для него настольной книгой.

1908 год. Путешествие Комарова только начинается. Исследователь пересечет Камчатский полуостров в разных направлениях. Он будет изучать леса из каменной березы — деревья с темной корой и развесистой кудрявой кроной, медвежьими тропами проберется в кустарниковые заросли ольхи, возле горячих ключей найдет редкие южные растения, семена которых

занесены в эти места птицами во время весеннего прилета.

Его исследования не ограничатся растительностью. В отчете об экспедиции он расскажет, подобно Крашенинникову, и о горах, и о камчатском климате, и о людях...

Отчет об экспедиции Комарова вышел в свет спустя полтора века после книги Крашенинникова.

Немало общего содержится в описаниях этих двух замечательных путешественников. В разные столетия они наблюдали сходные явления природы на Камчатке; видели, как зацветают фиалки у горячих источников, когда кругом еще лежат глубокие снега; как летом за десять-пятнадцать дней подымаются выше роста человека густые травы. Они описывали ход лососевых рыб из моря в реки, охоту на соболя, камчатских медведей. Описывали они быт населения Камчатки.

Полтора века — немалый срок. За это время ушли в прошлое каменные орудия труда и многие старые обычаи народностей Камчатки. Но грамотных среди местных жителей почти не было и при Комарове. Лечились в селениях от болезней травмами, о которых писал еще Крашенинников. На всю Камчатку был лишь один врач, живший в Петропавловске, и несколько фельдшеров.

Купцы и царские чиновники оставались полновластными хозяевами Камчатки; как и во времена Крашенинникова, они безнаказанно грабили простых людей — охотников и рыбаков.

Книгу о своем путешествии ученый закончил следующими словами: «Для меня воспоминание о Камчатке навсегда связано с мягким, гармоничным пейзажем начала лета, с величественной картиной вулканических конусов, с глубоким интересом к связанным с ними явлениями, наконец, с большой симпатией к независимым, смелым и умным жителям этой страны... Я не могу придумать лучшего конца для этой кни-

ги, как высказав пожелание, чтобы их участь изменилась к лучшему».

Владимиру Леонтьевичу Комарову, впоследствии ставшему президентом Академии наук СССР, довелось увидеть новую жизнь нашей Родины. Новая жизнь настала и на советской земле Камчатке.

Знать свое отечество

В 1949 году Академия наук СССР выпустила в свет новое издание книги Крашенинникова. В нем напечатаны многие не опубликованные раньше материалы, в частности незаконченное знаменитым путешественником предисловие к своему труду. Оно начинается страстным призывом: «Знать свое отечество во всех его пределах...»

С особенным, хорошим чувством читаются эти слова в наши дни.

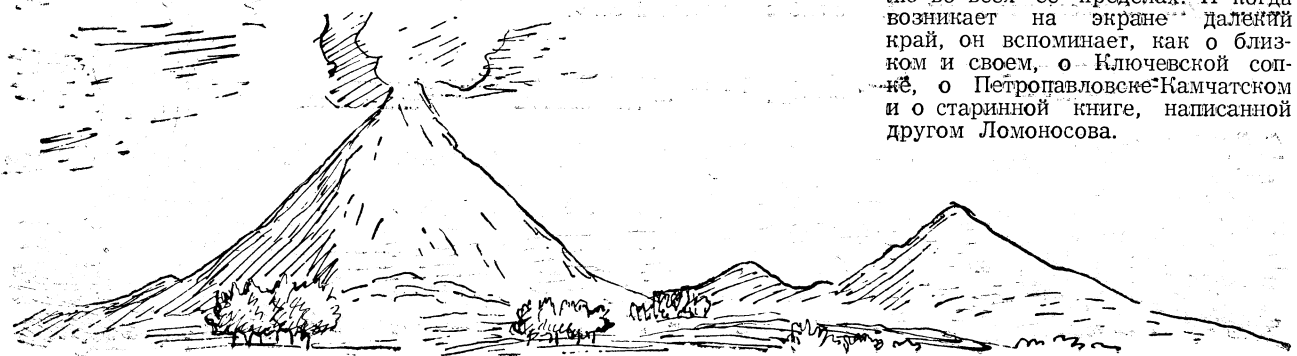
В старой России заслуги Крашенинникова не могли найти широкого и полного признания, мало кто знал о нем и о его труде.

Ныне труд Крашенинникова читают многие: этнографы, историки, естествоиспытатели, студенты. Читают и учителя камчатских школ. Ведь на Камчатке сейчас уже чetyреста школ.

Из года в год исследуют камчатскую природу научные экспедиции. И часто можно видеть в руках геолога, географа, рыбоведа вновь изданное «Описание земли Камчатки» Крашенинникова.

Многие места Камчатки уже сняты кинооператорами. За тысячи километров от нее советские люди смотрят фильмы, в которых показаны чудесные места земли горячих источников и огнедышащих гор.

Советский человек любит свой большой дом — свое Отечество. Все лучше узнает он родную землю во всех ее пределах. И когда возникает на экране далекий край, он вспоминает, как о близком и своем, о Ключевской сопке, о Петропавловске-Камчатском и о старинной книге, написанной другом Ломоносова.

НА ПРИПОЛЮСНЫХ ШИРОТАХ

Кто из нас в юности не стремился в далекие, неизведанные страны? Бродить по отрогам Саянских хребтов, изнемогать от жары в самом сердце пустыни — в Кара-Кумах, на собачьей упряжке стремительно мчаться среди торосов к Северному полюсу, — разве не такими мечтами начинается жизнь настоящих путешественников, исследователей и ученых? Эту мечту зачастую рождают книги.

Долгие годы манила к себе пытливые умы неприступная Арктика — край вечного льда и вечного безмолвия. То, о чем мечтали поколения, свершилось. Многие тайны сурового Ледовитого океана нынче открыты советскими людьми. Это они освоили Великий Северный морской путь, развернули широкие научные работы в районе Северного полюса, предприняли планомерное изучение просторов Крайнего Севера.

С волнением и гордостью за советских полярников следим мы по скудным газетным строкам и сообщениям радио о работе научных дрейфующих станций «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4».

Со временем об этих экспедициях ученые создадут труды, писатели напишут увлекательные романы и поэмы, участники дрейфа выступят с воспоминаниями.

Но читатель хочет и сегодня знать о героических буднях покорителей Арктики. Кто же должен рассказать ему об этом?

Перед нами небольшая книжка — немногим более ста страниц.

«В краю Большой Медведицы»¹ — так назвал свои репортажные записки П. Барашев, свидетель и участник начала грандиозного штурма высоких арктических широт, предпринятого советскими полярниками весной 1954 года. Эта книга родилась из записей в блокноте корреспондента. Автор ее не ставит своей целью охватить весь круг вопросов, связанных с покорением Арктики, не претендует на полное освещение научных проблем.

Исторические факты в книге чередуются с портретными зарисовками, данные об открытии советскими учеными подводного хребта Ломоносова — с интересными сведениями, характеризующими методы научных работ в ледовых условиях, меткие наблюдения перемежаются отступлениями, полными авторских раздумий.

Еще не всегда в наших книгах — будь то хроника, репортаж или

¹ П. Барашев, В краю Большой Медведицы. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1954 г., 136 стр., цена 2 р. 35 к.

очерк — личность автора проявляется в активном отношении к действительности. Отрадно, что в живом, непосредственном рассказе П. Барашева звучит не только интерес ко всему увиденному, но и пережитое участником событий.

События же, свидетелем которых был автор, поистине грандиозны.

«На Север шла огромная армада самолетов, и когда первая машина крылатого каравана уже заходила на посадку в Архангельске, последняя в это время только начинала свой разбег на подмосковном аэродроме. А интервалы между стартами были всего в несколько минут. Слово гигантский воздушный мост перебросили летчики между Москвой и первой точкой посадки на пути в высокие широты Арктики. И по этому мосту они везли сотни тонн тщательно подобранного, испытанного и упакованного оборудования будущих дрейфующих станций в краю Большой Медведицы».

Так начиналась организация знаменитых научных дрейфующих станций «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4», о первых днях жизни которых повествует книга.

Нет нужды пересказывать известные всей стране события, положенные в основу книги. Имена героев этой ледовой эпопеи также хорошо известны читателям по сообщениям газет и радио.

Но, на наш взгляд, совершенно необходимо остановиться на том, что отличает эту книгу от целого ряда

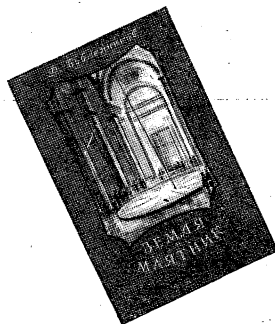
П. Барашев
В КРАЮ
БОЛЬШОЙ
МЕДВЕДИЦЫ

других книг, написанных на документальном материале.

Мы редко задумываемся над тем, что стоит за словами «героизм», «подвиг», может быть, в силу того, что подвиг и героизм в нашей стране стали явлением массовым, повседневным.

Одним из ценных качеств книги П. Барашева является именно то, что автор никогда не употребляет слова «подвиг», не восторгается своими героями, но там, где он описывает жизнь участников экспедиции, их тяжелый труд, со страниц веет подлинным мужеством и героизмом.

Подвиг — это и сорок восемь часов напряженной работы Анатолия Соколова над гидрологической лункой, и первая посадка тяжело нагруженного самолета на неизведанные льды, и веселая шутка доктора Воловича, сказанная в трудную минуту, и находчи-

«ЗЕМЛЯ И МАЯТНИК»

«Как выяснили ученые, земной шар также подвергается в «лаборатории» природы различным испытаниям. Так, например, он притягивается Луной и Солнцем. Действуя на каждую частицу Земли, сила их притяжения влияет и на форму Земли... Но как заметить действие этих сил на Землю? — пишет Ф. Бублейников в книге «Земля и маятник» (Детгиз, 1954 г.).

Оказывается, прибор, позволяющий изучать эти свойства Земли, очень прост — это обыкновенный маятник (отвес).

Движения маятника позволяют ученым исследовать не только изменения формы Земли под влиянием притяжения ее Солнцем и Луной, но и изменения силы тяжести на земной поверхности в зависимости от близости к полюсам или к экватору. Величайшему итальянскому ученому Галилею движения маятника подсказали открытие закона свободного падения тела, который лежит в основе учения о земном притяжении. При помощи маятника было установлено и такое изменение поверхности нашей планеты, как прогиб земной коры под тяжестью масс воды во время морского прилива.

Наблюдая с помощью маятника колебания почвы во время далеких землетрясений, геофизики раскрывают даже тайны внутреннего строения нашей планеты.

«СВЕРДЛОВСК В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ»

Свердловск — город передового машиностроения и металлообработки. Сейчас предприятия Свердловска выпускают в день столько продукции по стоимости, сколько старый Екатеринбург производил за два года.

Свердловск является теперь одним из крупнейших городов страны. За годы советской власти он вырос в шесть раз. С севера на юг город протянулся на двадцать километров, а с востока на запад — на пятнадцать.

П. Панов, автор книги «Свердловск в настоящем и будущем» (Свердловское книжное издательство, 1954 г.), пишет, что в ближайшем будущем Свердловск с его новыми кварталами жилых домов, широкими улицами и площадями, одетыми в зеленый наряд, станет одним из красивейших городов Советского Союза.

вость коменданта ледовых полей Михаила Семеновича Комарова.

Тепло, с чувством большого человеческого уважения автор записок рисует образы летчиков, штурманов, механиков, ученых и исследователей края Большой Медведицы, влюбленных в свое нелегкое дело, посвятивших ему жизнь.

Он пишет об «адской» работе полярников, но делает это так, что у читателя не только возникает чувство гордости за этих сильных и мужественных советских людей, но и желание быть похожим на них, быть в их числе.

Своеобразно описана в книге суровая красота Крайнего Севера. Вот один из пейзажей:

«Тишина. На небе — ни облачка. Обмякший и обвислый полосатый аэродромный конус вяло болтался на мачте. Прямо напротив выхода из общежития, у самого горизонта лежала половинка солнца... Будто положил кто-то раскаленный кусок металла и нехотя двигал его по гигантской наковальне. Но вот словно кто-то смаху ударил молотом по раскаленному металлу, он вздрогнул и рассыпал целый фейерверк огненных брызг... Солнце оторвалось, наконец, от заснеженной груди тундры, сбросило

силу с себя ночную дрему и искристо засияло над безбрежным миром...»

В этой, как и во многих других картинках, разбросанных по всей книге, Арктика предстает перед читателем не только как суровый край

«П. К. КОЗЛОВ»

Пятнадцать лет провел выдающийся русский исследователь П. К. Козлов в путешествиях по пустыням и горам Центральной Азии. Пешком, верхом на лошади и на верблюде пробирался он в самые далекие, труднодоступные районы Внутренней Азии; протяженность его маршрутов составляет свыше сотен тысяч километров — больше длины земного экватора.

Козлову принадлежат мировые научные открытия: находка мертвого города Хара-Хото в песках Монголии и курганов-могильников древних гуннов в Монгольском Алтае, первоисследование и описание верховьев крупнейшей реки Азии — Меконга.

Описанию жизни и деятельности замечательного русского путешественника посвящена книга П. Петухова «П. К. Козлов» (Географгиз, 1954 г.).

вечного безмолвия, — почти всюду видна преобразующая деятельность человека, смело пришедшего на освоение Севера. Все вместе эти пейзажи создают в то же время общее

ра — записок репортера, — подчас несправедливо забываемого.

В нашей стране, где жизнь стремительно движется вперед, именно репортер может оперативно, до того, как выйдут большие книги, рассказать миллионам читателей обо всем многообразии больших и малых дел советского народа.

Ведь, помимо полярных ледовых экспедиций, тысячи ученых и исследователей отправляются ежегодно во все концы Советского Союза. Геологи разыскивают в далеких горах полезные ископаемые, океанологи открывают новые страницы жизни в глубинах Тихого океана, археологи восстанавливают картины быта древнего человека, гидрологи изучают реки, чтобы заставить их служить человеку.

Обо всех этих и многих других интересных делах и должен первым поведать нам неутомимый и любознательный человек с фотоаппаратом и блокнотом в руках — репортер.

А. НИКОЛОВ

«СУЭЦКИЙ КАНАЛ»

Суэцкий канал, соединяющий Средиземное море с Красным, принято считать за условную географическую границу между двумя величайшими материками — Африкой и Азией.

На Суэцком канале нет шлюзов. Это объясняется, во-первых, равнинным характером Суэцкого перешейка, по которому проходит канал, а во-вторых, тем, что Средиземное море всего только на двадцать пять сантиметров выше уровня Красного. Канал является как бы искусственным проливом, и уровень воды

в нем зависит главным образом от морских волнений и приливно-отливных течений обоих морей.

В книге И. Демет'ева «Суэцкий канал» (Географгиз, 1954 г.) рассказывается об истории строительства канала и его значении в обширной системе мировых морских путей.

**ИЗ ИСТОРИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАИМЕНОВАНИЙ**

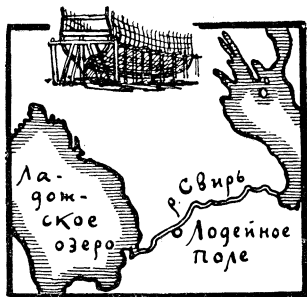
ВЕЛИЧАЙШИЙ ЛЕДНИК ПАМИРА

В конце прошлого века русский исследователь Средней Азии В. Ф. Ошанин во время своей экспедиции на Памир открыл в верховьях реки Мук-Су гигантский ледник. «Ему необходимо было дать имя,— писал В. Ф. Ошанин,— и я посвятил его памяти Алексея Петровича Федченко. Я желал этим выразить, хотя и в слабой степени, мое глубокое уважение к замечательным трудам моего незабвенного товарища, которому мы обязаны разъяснением стольких темных вопросов в географии и естественной истории Средней Азии... Пусть «Федченский ледник» и в далеком будущем напоминает путешественникам имя одного из достойнейших и усерднейших исследователей Средней Азии».

Ледник Федченко достигает 77 километров в длину, он лишь на 3 километра короче самого большого в мире ледника этого типа — Иньльчека на Тянь-Шане, но значительно превышает его по площади.

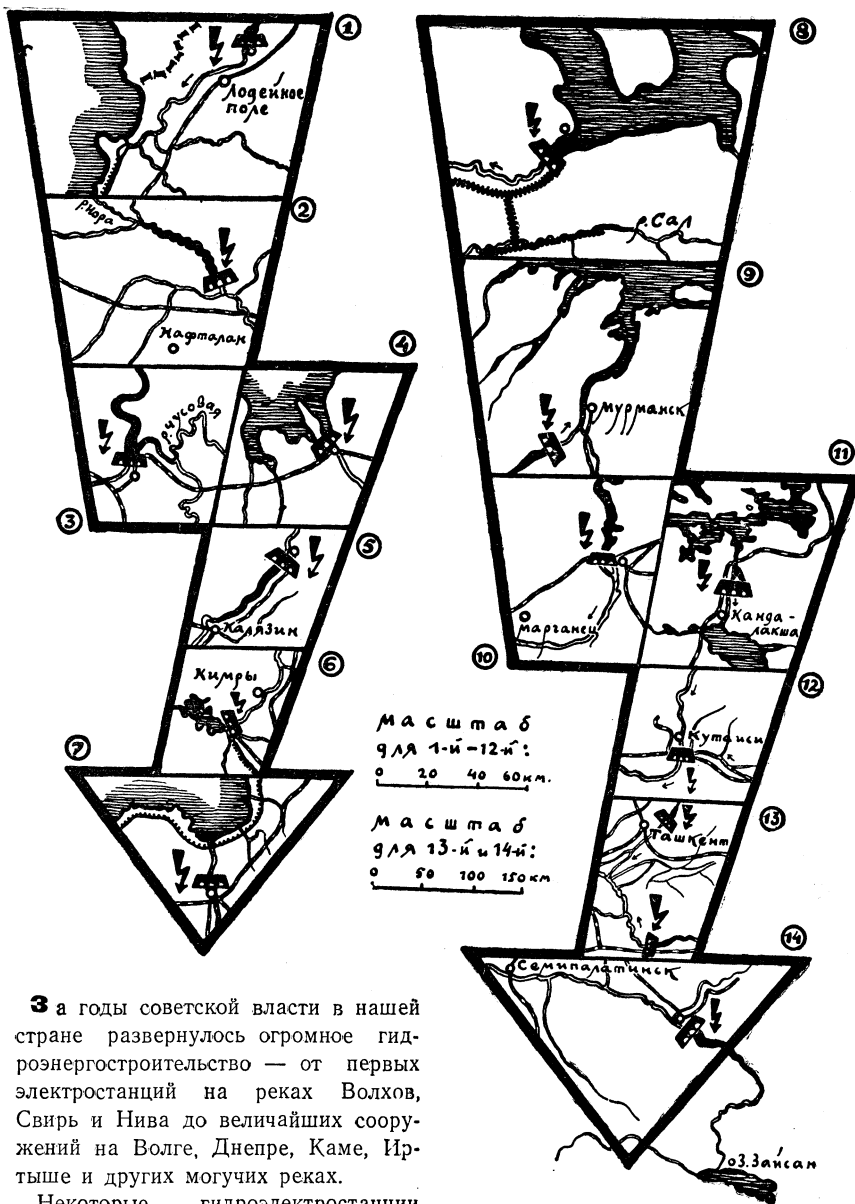
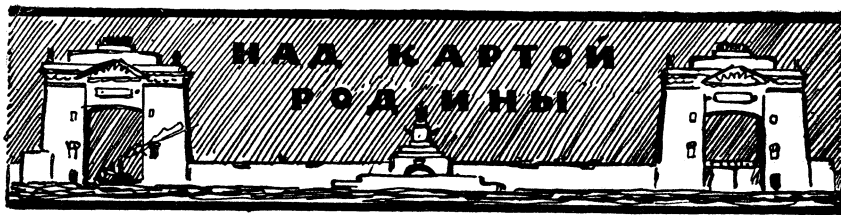
ЛОДЕЙНЫЙ ГОРОД

Во время своей поездки из Петербурга в Архангельск Петр I останавливался в маленькой деревушке на реке Свирь, жители которой, издавна занимавшиеся постройкой морских и речных судов—лодей, славились как «искусных дел мастера». Именно здесь в 1703 году по указу Петра I была заложена верфь, на месте которой впоследствии возник город Лодейное Поле, в своем наименовании увековечивший название старинного русского судна лодья.

На верфи города Лодейное Поле был построен шлюп «Мирный», одно из судов экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, открывшей шестой материк земного шара — Антарктиду.

Сейчас город Лодейное Поле — районный центр Ленинградской области.

За годы советской власти в нашей стране развернулось огромное гидроэнергостроительство — от первых электростанций на реках Волгов, Свирь и Нива до величайших сооружений на Волге, Днепре, Каме, Иртыше и других могучих реках.

Некоторые гидроэлектростанции показаны на этих схемах. Назовите их.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 1

КАКИЕ ЭТО ГОРОДА? На снимках слева (сверху вниз): Будапешт, статуя Свободы на горе Геллерт; Лондон, Тоуэрский мост; Рим, собор и площадь св. Петра. На снимках справа: Париж, у подножия

Эйфелевой башни; Варшава, дворец культуры и науки имени И. В. Сталина; Афины, вдали — Акрополь.

КУДА НАПРАВЛЯЕТСЯ ПАРОХОД? В Тихий океан. По местному времени — 6 часов утра.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2. Февраль 1955 г.

На ступенчатой мраморной террасе возвышается круглое, с конусообразной трехъярусной крышей деревянное здание.

Крыша его выложена глазированной черепицей и увенчана позолоченной маковкой. Все строение кажется очень легким и изящным. Это знаменитый памятник китайской архитектуры: «Храм молитвы за годовую жатву» — одно из зданий, входящих в ансамбль «Храма неба», который расположен в южной части Пекина — во Внешнем городе.

Здание это было сооружено в 1420 году, в период Минской династии, в предместьях тогдашнего Пекина. В «Храме молитвы за годовую жатву» китайские императоры просили небо даровать им богатый урожай.

Теперь этот храм, как и весь ансамбль «Храма неба», превращен в национальный музей.

На обложке этого номера — «Храм молитвы за годовую жатву». Цветное фото Д. Балтерманца.

Е. РЯБЧИКОВ — Морестроение	2
В. АККУРАТОВ — В полярную ночь. Рисунки И. Рубана	8
А. ЧАКОВСКИЙ — По улицам Парижа	13
О. КИБАЛЬЧИЧ — Борьба за воду	20
Е. ЛИННИК — Растения-путешественники. Рисунки В. Константинова	24
А. РЫБНИКОВ — В районе пятнадцатого	27
Л. ГУРВИЦ — В кратере вулкана	31
З. БЕКИРОВА — Среднеазиатский ковер	33
А. ТРЕСТИЕНИ — В дельте Дуная. Рисунки А. Тарана	34
Н. СЕРГЕЕВ — Земля виноградной лозы и оливкового дерева	38
П. МУКЕРДЖИ — Талант народа. Рисунки В. Эльконина	45
А. ПУНЧЕНОК — Лоцман из Петерсдаля. Рисунки П. Павлинова	51
Н. ФРАДКИН — Читатели старинной книги. Рисунки В. Чернецова	57

СРЕДИ КНИГ

А. НИКОНОВ — На приполюсных широтах	61
---	----

В МИРЕ НАУКИ

Серебро закамское	30
-----------------------------	----

В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Польские кружевницы. — В музее имени Напрстека	23
--	----

СТРАНЫ И НАРОДЫ

Сингалы. — Индейцы с коралловых островов	49—50
--	-------

НА СУШЕ И НА МОРЕ

За серебряным львом. — Попугайные тюльпаны. — Птичий «город»	44
--	----

• Главный редактор В. С. Сапарин

Члены редакционной коллегии: В. И. Аккуратов, Н. Н. Баранский, Е. Н. Васильева, В. Т. Зайчиков, В. Л. Кудрявцев, А. В. Нионов (заместитель главного редактора), академик В. А. Обручев, Л. Д. Платов, А. И. Соловьев, В. С. Чернецов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Адрес редакции: Москва, А-55, Сушевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 25.

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Н. Михайловская

А00321 Подп. к печати 29/1 1955 г. Бумага 60×92¹/₈=4,25 бум. л.—8,5 печ. л. 10,2 уч.-изд. л. Тираж 130 000. Цена 6 руб. Заказ 2925.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-55, Сушевская, 21.

ТРАГЕДИЯ КАПИТАНА ГУДЗОНА

Поздней осенью 1611 года судно английской Ост-Индской компании «Открытие», водоизмещением в 55 тонн, вышедшее из Лондона куда-то на северо-запад еще весной предыдущего года, возвратилось в Англию без капитана. Не вернулись на родину и девять моряков из команды корабля.

В судовом журнале «Открытия», который предъявил местным властям штурман Роберт Байлот, последняя запись капитана Генри Гудзона была сделана 3 августа 1610 года. Больше года назад! Не было никаких отметок ни о смерти капитана, ни о гибели кого-либо из матросов. В журнале не хватало многих листов, и за последней записью Гудзона шли заметки, сделанные рукой Байлота и датированные летом следующего года.

Шестидесятилетний капитан Генри Гудзон был известен своими настойчивыми, но тщетными поисками северных морских путей в Китай.

В 1607 году Гудзон пытался пройти туда прямо через Северный полюс. Он обогнул с северо-запада Шпицберген, дошел до 80°23' северной широты и, встретив непроходимые льды, вынужден был повернуть обратно. На следующий год он двинулся на северо-восток; на этот раз он дошел только до входа в Карские ворота. В 1609 году Гудзон повел свой корабль на запад; дойдя до берегов Северной Америки, он открыл близ сороковой параллели не проход в Тихий океан, а неизвестную реку, которую назвал «Большой Северной рекой». И, наконец, весной 1610 года он отправился на поиски северо-западного прохода в Тихий океан...

...Показания, которые дали на суде матросы «Открытия», были неясны, противоречивы и скупы. Словоохотливее других оказался матрос Абакук Приккет. Позднее он продиктовал свои показания и даже напечатал их под названием «Рассуждения».

* * *

В апреле 1610 года «Открытие» вышло из устья Темзы и взяло курс к берегам Исландии. Уже на этом переходе начались распри между капитаном и командой, которые в дальнейшем все больше обострялись.

От Исландии Гудзон повел судно к восточному берегу Гренландии, откуда начал спускаться вдоль берега на юг, тщетно отыскивая проход в Тихий океан. Обогнув южную оконечность Гренландии, Гудзон повернул на запад. Дойдя до берегов таинственной земли «Мега инкогнита», открытой английским мореплавателем Фробешером, Гудзон и здесь безуспешно искал проход. Не найдя его, он обогнул «Мету» с юга и вошел в пролив, забитый льдом. Идя проливом на

запад, Гудзон открыл северный берег полуострова Лабрадор. 2 августа Гудзон увидел землю, которую принял за выступ материка (на самом деле это был остров Солсбери), а на следующий день, когда судно обогнуло этот выступ, перед мореплавателями открылось под бледными лучами северного солнца широкое серебристо-голубое пространство — спокойное море, свободное ото льда.

«Мыс у выхода из пролива с южной стороны я назвал Вулстенхолм» — такова последняя запись в судовом журнале, сделанная рукой Гудзона.

Дальнейший путь «Открытия» можно с трудом проследить по сбивчивым показаниям Абакука Приккета.

Несколько недель «Открытие» шло на юг вдоль материкового берега. Далеко на западе в ясную погоду временами была видна земля. Моряки думали, что это противоположный берег широкого пролива, который ведет их к «Южному морю» — Тихому океану. На самом деле это были цепи островов, тянувшихся параллельно западному берегу Лабрадора на расстоянии 50 — 150 километров от него.

Спустившись на юг больше чем на 1200 километров по этому мнимому проливу, мореплаватели достигли сравнительно небольшого залива (теперь — залив Джемса). Дальше пути на юг не было, берег круто поворачивал на северо-запад. Здесь, по свидетельству Приккета, среди команды вновь усилилось недовольство, грозившее перейти в открытое возмущение; капитан высадил на пустынный берег моряка, которого он считал главным смутьяном.

У юго-западного берега залива судно зазимовало, а ранним летом 1611 года Гудзон решил вести корабль обратно на север. В это время часть команды восстала против капитана. Восставшие спустили с корабля лодку, высадили в нее Гудзона с маленьким сыном, помощника штурмана и шестерых матросов, взявших сторону капитана. Судно ушло на север, оставив лодку с Гудзоном и его спутниками на произвол судьбы.

Так закончилось последнее плавание старого капитана.

К без вести пропавшему Гудзону пришла редкая посмертная слава. Открытая им «Большая Северная река», которую он принял сначала за путь в Китай, названа его именем — рекой Гудзон. Пролив, вход в который был указан его предшественниками, назван Гудзоновым проливом, а море, ставшее могилой мореплавателя, на всех географических картах обозначается как Гудзонов залив.

И. МАГИДОВИЧ

Цена 6 руб.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ

БАРКОВ А., Физическая география частей света, Африка.

Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для географических факультетов педагогических институтов и государственных университетов. Учпедгиз. 1953. 319 стр. Цена 10 р. 25 к.

БЕЙКЕР Д. ж., История географических открытий и исследований.

Перевод с английского под редакцией и с предисловием И. П. Магидовича. Изд-во иностранной литературы. 1950. 648 стр. Цена 28 р. 05 к.

БЕНДЕР Н., Имена русских людей на карте мира. Географгиз. 1948. 160 стр. Цена 2 р. 95 к.

БОБРИНСКИЙ Н., профессор, География животных. (Курс зоогеографии).

Для географических факультетов педагогических институтов. Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для педагогических институтов. Учпедгиз. 1951. 384 стр. Цена 11 р. 20 к.

БОНДАРЧУК З., Основы геоморфологии.

Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для университетов и педагогических институтов. Учпедгиз. 1949. 320 стр. Цена 9 р. 45 к.

ВАЛЛО К., Общая география морей.

Перевод с французского М. П. Потемкина. Под редакцией проф. Н. Н. Зубова. С 114 рисунками и чертежами автора в тексте, 16 таблицами и фотографиями и 4 картами, приложенными вне текста. Учпедгиз. 1948. 491 стр. Цена 17 руб.

ВАСИЛЬЕВ Н., Соединенные Штаты Америки.

Популярный очерк. Географгиз. 1953. 263 стр. Цена 7 р. 75 к.

ДОБРЫНИН Б., профессор, Физическая география Западной Европы.

Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для географических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Учпедгиз. 1948. 417 стр. Цена 18 руб.

КЛЕНОВА М., Геология моря.

Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для географических факультетов университетов и педагогических институтов. Учпедгиз. 1948. 498 стр. Цена 16 р. 40 к.

ЛИОДТ Г., Картоведение.

Учебное пособие для высших педагогических учебных заведений. Изд. 2-е. Учпедгиз. 1948. 432 стр. Цена 9 р. 05 к.

МАКАРОВ С., Океанографические работы.

Географгиз. 1950. 278 стр. Цена 11 р. 45 к.

МОРЕТТ Ф., Экваториальная Восточная и Южная Африка.

Сокращенный перевод с французского. Изд-во иностранной литературы. 1951. 446 стр. Цена 26 руб.

ПЕРЕВАЛОВ В., Ломоносов и Арктика.

Из истории географической науки и географических открытий. Издательство Главсевморпути. 1949. 504 стр. Цена 15 р. 30 к.

ПОЛОВИНКИН А., Методика преподавания физической географии.

Допущено Главным управлением высшего образования Министерства культуры СССР в качестве учебного пособия для географических факультетов педагогических институтов. Изд. 3-е. Учпедгиз. 1953. 320 стр. Цена 8 р. 85 к.

СУСЛОВ С., профессор, Физическая география СССР. Азиатская часть.

Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Учпедгиз. 1954. 712 стр. Цена 27 р. 10 к.

Русские географы и путешественники.

Альбом. Под редакцией акад. Л. С. Берга. Изд-во «Искусство». 1949. 46 отдельных листов. Цена 22 р. 50 к.

ТОМСОН Д., История древней географии.

Перевод с английского Н. И. Скаткина. Под редакцией А. Б. Дитмара и Д. Г. Редера. Изд-во иностранной литературы. 1953. 592 стр. Цена 29 руб.

КНИГИ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ. ПРИ ОТСУТСТВИИ КНИГ В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ НАПРАВЛЯЙТЕ ЗАКАЗ ЧЕРЕЗ «КНИГА — ПОЧТОЙ» ПО АДРЕСУ: МОСКВА, Ж-125, ОСТАПОВСКОЕ ШОССЕ, ПОСЕЛОК «ТЕКСТИЛЬЩИКИ», КОРПУС № 8, МАГАЗИН № 89 МОСКНИГОТОРГА.

Главкниготорг